

9(c)
K-87

5/25
1/2
ПРАВИТЕЛЬСТВО

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

НОВГОРОДСКАГО

ГРАФА АРАКЧЕЕВА КАДЕТСКАГО КОРПУСА

и

НИЖЕГОРОДСКОЙ ВОЕННОЙ ГИМНАЗИИ

(нынѣ Нижегородск. гр. Аракчеева кад. корпусъ)

СОСТАВИЛЪ

Къ 50-ти лѣтнему юбилею корпуса, кадетъ перваго
приема — перваго выпуска, генераль-лейтенантъ
Карцовъ.

1834 — 1884.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ Ф. С. СУЩИНСКАГО

Екатерининскій каналъ, 268.

1884.

лей меслит куа), № 971.

24
ИСТОРИЧЕСКОЕ
971
Н. Г. У

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

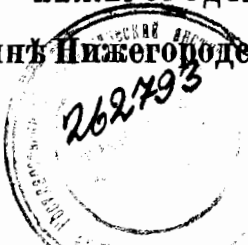
НОВГОРОДСКАГО

ГРАФА АРАКЧЕЕВА КАДЕТСКАГО КОРПУСА

и

НИЖЕГОРОДСКОЙ ВОЕННОЙ ГИМНАЗИИ

(нынѣ Нижегородск. гр. Аракчеева кад. корпусъ)

СОСТАВИЛЪ

Бъ 50-ти лѣтнему юбилею корпуса, кадетъ перваго
пріема и перваго выпуска, генераль-лейтенантъ
Карцовъ.

45 44 51 1834 — 1884.

6837

С-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ Ф. С. СУЩИНСКАГО
Екатерининскій каналъ, 168.

1884.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Любовь и благодарность къ мѣсту воспитанія и лестное порученіе товарищей, заставили меня взять на себя составленіе Историческаго очерка Новгородскаго (нынѣ Нижегородскаго) графа Аракчеева кадетскаго корпуса.

Понимая, что одни сухіе факты и статистическіе выводы, взятые изъ офіціальныхъ отчетовъ и инструкцій, не представили бы особеннаго интереса, я обратился ко многимъ бывшимъ кадетамъ, съ просьбою доставить мнѣ воспоминанія о всемъ происходившемъ въ корпусѣ въ ихъ время. Я желалъ услышать отъ нихъ живое слово о бытовой сторонѣ корпусной жизни, со всѣми ея радостями и печальми, съ описаніемъ тѣхъ эпизодовъ, которые оживили бы данныя, извлеченныя мною изъ архивныхъ документовъ.

Каждый выносить изъ учебнаго заведенія свой взглядъ на все его окружавшее, причемъ одно и то же событіе, одна и та же мѣра, производить на каждаго различное впечатлѣніе; по этому и воспоминанія объ одномъ и томъ же времени бываютъ неодинаковы. Сводъ и сличеніе ихъ дали бы средства составить описаніе болѣе полное и бо-

лѣе цѣлое, нежели то, которое представляется на судъ читателей. Къ сожалѣнію, на мое обращеніе о содѣйствіи, я получилъ только воспоминанія отъ товарищей— сверстниковъ. Отозвались на мой призывъ только кадеты первыхъ приѣмовъ, — кадеты 30-хъ и 40-хъ годовъ. Позднѣйшіе же воспитанники корпуса и военной гимназіи, вѣроятно, по недавности оставленія ими заведенія, не отозвались на просьбы о содѣйствіи.

Говорю объ этомъ для того, чтобы объяснить причину, почему отдаленное время корпусной жизни описано мною подробнѣе нежели время болѣе близкое. Кромѣ этого, въ архивѣ корпуса оказалось гораздо болѣе данныхъ для описанія его жизни за первые 25 лѣтъ, нежели за послѣдующіе. Самые приказы первыхъ директоровъ корпуса гораздо полнѣе и откровеннѣе нежели ихъ приѣмниковъ. Въ нихъ больше матеріала, больше гласности, а слѣдовательно и болѣе жизненности.

Вслѣдствіе различія впечатлѣній выносимыхъ изъ мѣста воспитанія и вслѣдствіе того, что воспоминанія дѣтства каждому представляются при возмужалости въ другомъ видѣ и свѣтѣ, чѣмъ могли быть въ дѣйствительности, составителю описанія кадетской жизни за полвѣка назадъ, весьма трудно угодить на всѣ вкусы и взгляды, даже на вкусы большинства.

Если Очеркъ исторіи Корпуса и могъ быть составленъ въ томъ видѣ, какъ онъ издается, то я обязанъ этимъ, во первыхъ начальнику Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ заведеній Н. А. Махотину, доставившему доступъ въ архивъ управленія и исходатайство-

вавшему средства для изданія; во вторыхъ бывшимъ моимъ корпуснымъ товарищамъ: А. И. Макшееву, В. П. Зарубаеву и И. И. Григорьеву, приславшимъ свои воспомина- ния. Болѣе же всего обязанъ содѣйствию директора кор- пуса И. И. Ордынскаго, оказавшему самое живое участіе къ моей работѣ, и трудившемуся лично надъ составле- ніемъ списковъ и статистическихъ таблицъ.

Затѣмъ считаю долгомъ принести искреннюю благо- дарность Н. А. Долгорукову, сообщившему мнѣ нѣкото- рья свѣдѣнія о внутреннемъ бытѣ корпуса и М. Е. Храб- рову, доставившему копіи съ многихъ приказовъ и исто- рическихъ документовъ.

Счастливымъ сочту себя, если посильный трудъ мой, возобновивъ въ памяти дорогихъ товарищей воспомина- нія о юношескихъ годахъ нашихъ, воскреситъ тѣ драго- цѣнныя связи любви и дружбы, которыя составляютъ залогъ единоплеменнаго стремленія поддержать честь и славу роднаго корпуса.

П. Карцовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ.

ГЛАВА I.

страниц.

Цѣль учрежденія губернскихъ кадетскихъ корпусовъ. Пожертвованія графа Аракчеева.—Предварительныя открытію Новгородскаго корпуса распоряженія. Избраніе для него мѣста. Основанія для приѣма кадетъ. Первый составъ служащихъ. Начало приѣма. Приготовленія къ officialному открытію. Бануиъ его. Приѣздъ Великаго князя. Актъ открытія. Лица бывшія при этомъ. Обѣдъ у Великаго князя

3

ГЛАВА II.

Характеристика первыхъ начальниковъ и учителей. Директоръ генералъ-маіоръ Бородинъ. Баталіонные командиры Черницкій и Струмило. Инспекторъ Божеяиновъ. Капитанъ Бряновъ. Штабсъ-капитаны: Вошининъ, Араловъ и Островскій. Учителя Орнатскій и Юргенсъ. Корпусъ наслѣдникъ графа Аракчеева. Комиссія для разбора движимостей графа

24

ГЛАВА III.

страниц.

Первыя занятія кадетъ. Учебная часть перваго года. Обмундированіе и штатъ корпуса. Приходъ и расходъ перваго года. Первое посѣщеніе корпуса Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Подробный осмотръ корпуса Великимъ княземъ. Бадеты на чаѣ у Его Высочества. Укомплектованіе офицерами и кадетами. Второе посѣщеніе корпуса Государемъ. Причины щедрости въ наградахъ служащимъ въ корпусѣ. Болѣзнь директора Бородина. Прощальный приказъ его

37

ГЛАВА IV.

Второй директоръ генералъ-маіоръ Петровскій. Полное укомплектованіе кадетами и служащими. Неудобства и выгоды избранной для корпуса мѣстности. Польза уединенія. Внутренняя жизнь въ корпусѣ. Кадетскія развлечения. Отпускъ къ роднымъ. Духъ товарищества. Учебная часть первыхъ годовъ. Метода преподаванія учителя Нюккера

51

ГЛАВА V.

Ожиданія отправленія перваго выпуска въ Петербургъ. Первый лагерь. Приготовленія къ смотру Великаго князя. Представленіе ординарцевъ. Описанія смотра. Трудность присканія преподавателей, Комиссія для мѣръ къ ихъ привлеченію. Посѣщеніе Императрицею Александрою Теодоровною, съ Великою княжною Марією Николаевною. Высочайшій смотръ. Пожалованіе и освященіе знамени. Военная прогулка въ Бронницы. Устройство сада

67

ГЛАВА VI.

Приготовленія къ отправкѣ перваго выпуска: Экзаменъ его. Последніе дни выпускныхъ въ корпусѣ. Отправленіе въ Новгородъ. Дневка. Переѣздъ до Петербурга. Приемъ сдѣланный въ Дворянскомъ полку. Экзаменъ въ Петербургѣ. Отправленіе втораго выпуска. Новгородская рота въ Дворянскомъ полку. Положеніе въ немъ кадетъ вообще

82

ГЛАВА VII.

страниц.

Корпусъ по отправкѣ выпускныхъ. Директоръ Главацкій. Его приказы. Учебная часть въ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ. Инспекторъ Ржевскій. Жалоба кадетъ Великому князю. Ея послѣдствія. Учителя репетиторы. Ослабленіе успѣховъ. Неудобства классовъ размѣщеній. Улучшеніе библиотеки 95

ГЛАВА VIII.

Борьба изъ за помѣщеній. Выводъ учебнаго полка. Дѣло о манежѣ. Грузино и его значеніе. Грузинское дворянское отдѣленіе. Проектъ учрежденія Грузинскаго кадетскаго корпуса. Затрудненія въ управленіи грузинскимъ имѣніемъ. Передача имѣнія въ государственныя имущества. 112

ГЛАВА IX.

Инспекторскіе осмотры корпуса. Продолжительное въ немъ пребываніе Великаго князя Михаила Павловича. Послѣднее его посѣщеніе и кончина. Назначеніе Государя Наслѣдника главнымъ начальникомъ. Директора: Ридигеръ и баронъ Корфъ. Денежныя средства корпуса. Дѣло о перемѣщеніи корпуса въ Тверь. Кончина Императора Николая I-го. 129

ГЛАВА X.

Подготовленія къ нововведеніямъ. Административныя перемѣны. Вліяніе войны 1853—55 годовъ. Отношенія общихъ преобразованій къ корпусу. Распоряженіе директора барона Корфа. Директоръ баронъ Искуль. 25-ти лѣтній юбилей корпуса. Выпуски въ офицеры прямо изъ корпуса. Присяга произведенныхъ. Переходное положеніе. Назначеніе директоромъ генерала Меца. Педагогическій комитетъ. Послѣдній директоръ полковникъ Кузьминъ. Корпусъ на открытіи памятника тысячилѣтія Россіи. Переводъ въ корпусъ Брестскихъ кадетъ. Учебная часть передъ преобразованіемъ . . . 146

ГЛАВА XI.

страниц.

Приисканіе мѣста для перемѣны зданий. Осмотръ зданій въ Новгородѣ. Зданія въ Старой Руссѣ и въ Тоснѣ. Стараніе этихъ городов о переводѣ къ нимъ училищъ. Указаніе на преобразование въ военную гимназію. Переводъ въ Нижний-Новгородъ. Распределение корпуснаго имущества. Прощальный призывъ послѣдняго директора. Отправленіе важдетъ въ Нижній-Новгородъ. 177

ОТДѢЛЪ II.

Нижегородская графа Аракчеева военная гимназія.

ГЛАВА XII.

Директора гимназіи. Распределение по возрастамъ. Неудобства перваго времени. Штатъ и табели. Первый составъ воспитанниковъ и служащихъ. Содержаніе послѣднихъ. Обязанности воспитателей. Домашній уставъ гимназіи. 193

ГЛАВА XIII.

Переходъ отъ прежней системы воспитанія къ новой. Воспитаніе нравственное. Педагогическій комитетъ. Воспитаніе физическое: мѣста прогулокъ, пища. Фронтковыя занятія; препровожденіе свободнаго времени; занятіе музыкою; игры воспитанниковъ. Лагерь. 205

ГЛАВА XIV.

Учебная часть. Учебный планъ. Предметы преподаванія. Распределение класнаго времени. Переводы въ военныя училища. Внутренняя жизнь въ гимназіи. Духъ товарищества. Заключение. Поясненія къ статистическимъ таблицамъ, дополняющимъ Историческій очеркъ корпуса и гимназіи, составленные И. И. Ордынскимъ 231

244

О Т Д Ъ Л Ъ Ш.

Приложенія.

	стр.
1. Духовное завѣщаніе графа Аракчеева.	259
2. Вѣдомость имуществу гр. Аракчеева, переданнаго корпусу	261
3. Опись бумагъ гр. Аракчеева, хранящихся въ библіотекѣ.	265
4. Письмо Я. И. Ростовцева директору корпуса	267
5. О первомъ учителѣ корпуса Д. Н. Орнатскомъ	268
6. Инструкція объ управленіи Грузинскимъ имѣніемъ. . .	271
7. Перечень сочиненій переданныхъ по отгѣткамъ Государя.	272
8. О мраморныхъ доскахъ въ память посѣщеній корпуса осо- бами Императорской фамилии, съ именами отличныхъ кадетъ, а так- же убитыхъ въ сраженіяхъ и умершихъ отъ ранъ	273
9. Воспоминанія бывшаго кадета В. 3	280
10. Списки директорамъ, баталіоннымъ командирамъ, инспек- торамъ классовъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, учителямъ, воспита- телямъ и чиновникамъ служившимъ въ корпусѣ и военной гим- назіи и состоящимъ нынѣ на лицѣ.	291
11. Списокъ участвовавшихъ въ сооруженіи перваго ротнаго образа	314
12. Записка о недостаточности средствъ на ремонтъ и со- держаніе	316
13. Устройство воскресной школы для солдатъ и крестьянъ.	318
14. Прошенія и письма о переводѣ корпуса въ Новгородъ и Старую-Руссу	320
15. Приказъ по Нижегородской военной гимназіи, въ день 45-ти лѣтней годовщины службы К. А. Юргенса	327
16. Къ біографіи Карла Андреевича Юргенса	328
17. Списокъ Георгіевскихъ кавалеровъ Новгородскаго корпуса и Нижегородской военной гимназіи.	335
Списокъ воспитанниковъ Нижегородской гр. Аракчеева воен. гимназіи раненыхъ въ сраженіяхъ	336
18. Воспоминанія бывшаго кадета И. Григорьева	348
Списокъ всѣхъ вышущенныхъ изъ Новго- родскаго корпуса и изъ Нижегородской воен- ной гимназіи, съ 1834 по 1884 годъ	357

ОТДѢЛЪ I.

НОВГОРОДСКІЙ ГРАФА АРАКЧЕЕВА

КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ

Глава I.

Цѣль учрежденія губернскихъ кадетскихъ корпусовъ.—Пожертвованія графа Аракчеева.—Предварительныя открытію Новгородскаго корпуса распоряженія.—Избраніе для него мѣста.—Основанія для приема кадетъ.—Первый составъ служащихъ.—Начало приема.—Приготовленіе къ официальному открытію.—Канунъ его.—Пріѣздъ Великаго Князя.—Актъ открытія.—Лица бывшія при этомъ.—Обѣдъ у Великаго Князя.

По волѣ и непосредственнымъ указаніямъ Императора Николая I-го, въ началѣ 1830-го года былъ составленъ проектъ учрежденія губернскихъ Кадетскихъ Корпусовъ. Цѣль этой мѣры состояла въ доставленіи возможности малолѣтнимъ дворянамъ различныхъ губерній, воспитываться для военной службы, вблизи ихъ семействъ и родителей *).

Первоначально предположено было учредить корпуса: въ Новгородѣ, Тулѣ, Тамбовѣ, Полоцкѣ, Полтавѣ и Елизаветградѣ, на 400 кадетъ каждый. Избраніе въ поступленію было предоставлено дворянству, не только тѣхъ губерній гдѣ корпуса предполагались, но и сосѣднихъ съ ними, по особому распредѣленію, соразмѣрно участію каждой губерніи въ пожертвованіи капитала, необходимаго для устройства и содержанія корпуса. Изъ дѣлъ архива военно-учебныхъ заведеній видно, что уже въ 1832 году, переписка объ устройствѣ Нов-

*) Полн. Соб. Зак. т. V, 3457—3593.

городскаго корпуса была въ полномъ ходу. Проекты табелей и штатовъ переходили отъ одного лица или управленія къ другому, возвращались, передѣлывались, но все это ограничивалось одной перепиской, покада дѣлу не было дано жизни, пожертвованіемъ графомъ Аракчеевымъ значительнаго капитала.

Хотя существовавшіе ранѣе 1830 года Тульское военное и Тамбовское дворянское училища и были переименованы въ кадетскіе корпуса, но какъ въ 1837 г. уже послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ обращеніи ихъ въ неранжированныя роты кадетскихъ корпусовъ въ Орлѣ и Воронежѣ, то ихъ, какъ не получившихъ полного развитія, нельзя считать самостоятельными заведеніями. Поэтому первымъ губернскимъ кадетскимъ корпусомъ, основаннымъ согласно Высочайше утвержденнаго проекта и получившимъ прочное, самостоятельное устройство, должно считать *Новгородскій кадетскій корпусъ*.

Вышеупомянутый проектъ разрабатывался въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ это время, въ 27-ми губерніяхъ составлялись постановленія дворянства о пожертвованіяхъ, и правительство изыскивало средства для постепеннаго открытія корпусовъ. На этотъ предметъ обращена была и ежегодно употребляемая до того сумма, въ 180 тысячъ, на содержаніе подпрапорщиковъ въ пяти пѣхотныхъ корпусахъ арміи; пожертвованія же дворянства достигли къ 1833 году 2¹/₂ милліоновъ.

До 1833 небыло еще извѣстно когда именно послѣдуетъ открытіе Новгородскаго корпуса; но когда генераль отъ артиллеріи графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ внесъ въ сохранныю казну 300 тыс. рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы на эти деньги воспитывалось въ имѣющемъ открыться въ Новгородѣ кадетскомъ корпусѣ, извѣстное число дворянскихъ дѣтей Новгородской и Тверской губерніи, то предположено было открыть корпусъ 1-го января 1834 года.

Что побудило Аракчеева къ подобному пожертвованію неизвѣстно, но, судя по его духовному завѣщанію, надо пред-

полагать, что онъ желалъ передать свои имѣнія и богатства такому наслѣднику, который никогда бы ихъ не растратилъ *).

Въ дополненіи къ завѣщанію графъ упоминаетъ, что послѣ его смерти, у него, или въ Сенатѣ, найдутъ запечатанный конвертъ, въ которомъ будетъ обозначено имя его наслѣдника. Кому онъ намѣревался передать свое великолѣпное тогда Грузино, свои дома, свою богатую бібліотеку и собраніе рѣдкихъ и цѣнныхъ вещей, осталось тайною. Запечатаннаго конверта ни у него, ни въ Сенатѣ, не оказалось, и въ бумагахъ оставшихся послѣ его смерти, не найдено никакого документа указывающаго имени его наслѣдника **).

За вышеуказанное пожертвованіе Аракчеевъ былъ удостоенъ слѣдующаго Высочайшаго рескрипта.

«Графъ Алексій Андреевичъ! Съ удовольствіемъ соглашаясь съ желаніемъ вашимъ, по предмету воспитанія въ Новгородскомъ кадетскомъ корпусѣ дѣтей дворянъ Новгородской и Тверской губерній, на проценты вносимыхъ вами въ Императорскую сохранную казну, на вѣчныя времена, трехсотъ тысячъ рублей, я утвердилъ всѣ предположенія ваши о немъ, въ прошеніи ко Мнѣ изложенныя, и повелѣлъ: по открытіи упомянутаго корпуса, привести все въ исполненіе, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ воспитанниковъ, на счетъ капитала сего содержимый, имѣлъ на кровати надпись: «Грузинскій воспитанникъ» и гербъ вашъ. Столь благотѣльнымъ пожертвованіемъ на пользу общую, вы приобретаете право на Мою

*) Духовное завѣщаніе и дополненіе къ нему помѣщено въ 1-мъ приложеніи къ этой книгѣ.

**) Для разбора движимаго имущества и документовъ графа Аракчеева была назначена особая коммиссія. Новгородскій корпусъ, по Высочайшему повелѣнію получилъ его бібліотеку и многіе рѣдкіе предметы, между которыми, по историческому значенію, замѣчательны два хрустальные кубка, изъ которыхъ въ 1807 г. при Тильзитскомъ свиданіи, пили Императоры Александръ I и Наполеонъ. Опись всего, что было передано пѣзъ имущества и вещей графа Аракчеева Новгородскому корпусу, находится во 2 и 3 приложеніяхъ.

признательность и Мнѣ весьма приятно знать вамъ оную.

Пребываю къ вамъ всегда благожелательный.

Николай.

Царское село.

30-го Сентября 1833 года.

Предположенія Аракчеева, изложенныя въ его прошеніи, и одобренныя Государемъ, состояли въ слѣдующемъ:

1) Воспитанники должны содержаться на ежегодные проценты, съ внесеннаго капитала, т. е. на 12 тысячъ.

2) Опредѣленіе воспитанниковъ, при жизни графа, предоставляется ему, а послѣ смерти наследнику его, получившему во владѣніе грузинскую волость *).

3) Въ случаѣ недостатка годовыхъ съ капитала процентовъ, на содержаніе 12-ти воспитанниковъ, число оныхъ должно быть убавлено по числу суммы, дабы ни въ какомъ случаѣ, положенный капиталъ не убавлялся.

4) Если, въ послѣдствіи времени, по распоряженію правительства, Новгородскій корпусъ будетъ упраздненъ, то капиталъ долженъ быть переданъ въ другое военно-воспитательное заведеніе, гдѣ на проценты онаго и должны содержаться дѣти бѣдныхъ дворянъ Новгородской и Тверской губерній.

Предварительныя объ открытіи корпуса распоряженія начались съ того, что въ 1832 году, Государь приказалъ, заготовленныя артиллерійскимъ вѣдомствомъ, для герцога Рагузскаго, модели различныхъ орудій передать Новгородскому корпусу. Вслѣдъ затѣмъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ вошелъ, черезъ военнаго министра, со всеподданнѣйшимъ докладомъ, о назначеніи директора корпуса и другихъ начальствующихъ лицъ. Это видно изъ предписанія совѣта военно-учеб-

*) По смерти графа, избраніе дворянскихъ дѣтей для поступленія въ кадеты грузинскими воспитанниками, предоставлено было Новгородскому и Тверскому предводителямъ дворянства.

ныхъ заведеній къ исправлявшему должность главнаго директора, генералу Клингенбергу, отъ 1-го апрѣля 1833 года. Въ немъ сказано:

«Государь Императоръ, по докладу военнымъ министромъ отношенія къ нему Его Императорскаго Высочества, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

1) Состоящаго при дворянскомъ полку, генераль-маіора Бородина назначить директоромъ Новгородскаго кадетскаго корпуса.

2) Согласно предположенію его Высочества:

а) Прикомандированнаго къ первому кадетскому корпусу, состоящаго по артиллеріи, подполковника Черницкаго, назначить баталіоннымъ командиромъ.

б) Для замѣщенія въ Новгородскомъ корпусѣ вакансій: младшаго штабъ-офицера, 4-хъ капитановъ, 4-хъ штабсъ-капитановъ и 4-хъ поручиковъ, избрать офицеровъ изъ отдѣльнаго гренадерскаго корпуса.

в) Избранныхъ такимъ образомъ: младшаго штабъ-офицера и 4-хъ ротныхъ командировъ, вытребовать въ Петербургъ и прикомандировать, для узнанія порядка, къ здѣшнимъ кадетскимъ корпусамъ, по назначенію Его Высочества.

г) Младшаго штабъ офицера и оберъ офицеровъ, кои изъ гренадерскаго корпуса назначены будутъ, считать въ продолженіи года прикомандированными къ Новгородскому корпусу, и переводить ихъ въ оный не иначе, какъ когда окажутся способными, по удостовѣренію директора.

д) По открытіи Новгородскаго корпуса прикомандировать къ оному, для учрежденія порядка, изъ 1-го, 2-го и Павловскаго корпусовъ, и изъ дворянскаго полка, 4-хъ отличнѣйшихъ штабсъ-капитановъ или старшихъ поручиковъ.

е) Выборъ для Новгородскаго корпуса гражданскихъ чиновниковъ и пріисканіе учителей возложить на директора сего корпуса».

Для помѣщенія корпуса бывшаго штаба 4-го округа пахатныхъ солдатъ (бывшихъ земныхъ поселеній), расположенный на правомъ берегу рѣки Мсты, въ 28-ми верстахъ отъ Новгорода, и въ 8-ми отъ Оля Бронница, черезъ который проходило московское шоссе. Штабъ этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ каменныхъ домовъ; главное же зданіе, предназначенное собственно для кадетъ, имѣло два большіе трехъ-этажные флигеля, соединенные громаднымъ манежемъ, почти не уступавшимъ Михайловскому въ Петербургѣ. Посреди манежа, въ видѣ выступа, въ восточной сторонѣ, была пристроена церковь. Манежъ и примыкавшіе къ нему дома занимали западный фасъ обширнаго, обведеннаго широкою канавою и обсаженнаго деревьями; плаца, вокругъ котораго находились шесть 3-хъ этажныхъ каменныхъ дома, по два на каждомъ фасѣ. Если стать у церкви, лицомъ къ плацу, то по лѣвому фасау въ первомъ домѣ былъ потомъ лазаретъ; во второмъ—квартиры учителей и офицеровъ. Для нихъ-же впоследствии были отведены дома по переднему фасау. Между двумя его домами, противъ церкви манежнаго выступа, находилась кордегардія (гаубтвахта), съ высокою каменною каланчею. Затѣмъ по правому фасау находились: дома для пріѣзжающаго начальства и для директора корпуса, съ канцелярією. Кромѣ этихъ главныхъ зданій, параллельно корпуснымъ флигелямъ были: съ правой стороны—каменный домъ съ квартирою полиціймейстера и мастерскими, и деревянный, — для пріѣзжающихъ къ кадетамъ родственниковъ; съ лѣвой:—два деревянные дома съ дворами и флигелями. Въ первомъ находилась квартира инспектора классовъ и эконома; во второмъ—прачешная, съ квартирою костыляши.

Всѣ эти постройки были расположены въ полуверстѣ отъ рѣки, на песчаной равнинѣ. Дороги вокругъ плаца и между строениями были хорошо шоссированы; но шоссе шло къ сѣверу и югу только до первыхъ связей, въ которыхъ тогда

былъ расположенъ 1-й учебный карабинерный полкъ. *) Кроме этихъ, довольно уже ветхихъ деревянныхъ казармъ, съ красными крышами, никакого признака жилья, на пространствѣ 4-хъ верстъ отъ штаба, небыло. Только на берегу рѣки находились остатки деревни Новоселицы, гдѣ въ землянкахъ и шалашахъ жили семьи военно-рабочихъ солдатъ, а потомъ служителей корпуса. Вообще видъ избранной для корпуса мѣстности можно было назвать унылымъ и пустыннымъ. Изъ оконъ главнаго зданія, на востокъ былъ виденъ лѣвый берегъ рѣки Мсты, покрытый густыми лѣсами; на западъ представлялась, версты на три, равнина пахотныхъ полей и сѣнословъ, окаймленная тоже лѣсами. Но въ этой пустынѣ жило молодежи хорошо, дружно и задушевно, а родчасъ и весело.

Осенью 1833-го года было объявлено въ газетахъ, что Новгородскій кадетскій корпусъ открывается 1-го января слѣдующаго года. Тогда же были опубликованы списки тѣхъ кандидатовъ, которые предназначаются къ первому приему. Въ числѣ таковыхъ были включены кандидаты, числившіеся до тѣхъ поръ въ столичныхъ корпусахъ. Последнее породило нѣсколько недоразумѣній. Живущія въ глуши своихъ деревень и неполучавшія газетъ, маменьки и тетуськи мальчиковъ, узнавъ отъ сосѣдей, что ихъ сынъ и племянникъ принять, не сиравляясь куда именно онъ назначенъ, но помня, что онъ кандидатъ павловскаго или московскаго корпуса, отправлялись прямо въ Петербургъ или въ Москву, и снарядивъ свое дѣтище, представляли его директору. Можно себѣ представить ихъ удивленіе, когда послѣдній объявлялъ имъ, что онѣ совершенно напрасно истратились на дальнюю дорогу, потому что корпусъ, куда принять ихъ родственникъ или сынъ, находится въ 100 верстахъ отъ ихъ помѣстьевъ.

*) Связями въ военныхъ поселеніяхъ назывались деревянные, одноэтажные дома, построенные для двухъ крестьянскихъ семей.

Штаб корпуса был первоначально 400 кадетъ, но довести до compleта предполагалось во времени 4-хъ лѣтъ, т. е. къ концу 1837-го года, а на самомъ дѣлѣ по 100 кадетовъ.

Это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы директоръ могъ приготовить все оборудование кадетскаго корпуса съ осмотрительностью, не спѣша опредѣленіемъ количества и учителей. По этому же поводу были составлены правила начальникомъ пажескаго, всѣхъ сухонутныхъ кадетскихъ корпусовъ и дворянскаго полка правила для постепеннаго приема кадетъ. Онѣ были утверждены Государемъ Императоромъ слѣдующемъ:

1) Первоначальныя приемы кадетовъ началъ 1834 года въ 100 человекъ, опредѣлялись въ кадетскія классы не иначе, какъ отъ 12-ти до 14-ти лѣтъ, и тѣмъ ближе къ 14-ти годамъ, тѣмъ преимущественнѣе, и только черезъ такой приемъ сдѣлать этотъ возрастъ старшихъ и кандидатовъ достигшихъ 14-ти лѣтъ, не лишая права на поступленіе въ заведеніе.

2) Послѣдующіе приемы, также въ 100 человекъ каждый, назначить въ январѣ мѣсяцѣ:—второй 1835-го, третій 1836-го и четвертый 1837-го года, принимая кандидатовъ,—при второмъ приемѣ отъ 11-ти до 13-ти лѣтъ; при третьемъ—отъ 10 до 12 и при четвертомъ отъ 9 до 11-ти лѣтъ.

3) Если кандидатовъ 13-ти лѣтняго возраста, для пополненія всѣхъ классовъ будетъ недостаточно, то дозволить помѣщеніе кандидатовъ прочихъ кадетскихъ корпусовъ, достигшихъ уже 14-ти лѣтъ, но тщетно ожидающихъ помѣщенія.

Хотя, на основаніи этихъ правилъ, всѣ приемы были назначены въ январѣ мѣсяцѣ, но кандидатовъ привозили въ теченіи всего года и, не стесняясь ихъ познаніями, принимали всѣхъ безъ исключенія.

Постепенности приема требовали не только вышеприведенныя соображенія, но и необходимость прискаты и устроить помѣщенія для штаба 1-го учебнаго карабинернаго полка, чины и хозяйственныя заведенія котораго занимали всѣ дома,

предназначенные для офицеровъ и учителей корпуса. Очищеніе этихъ помѣщеній дѣлалось крайнѣ медленно; получить ихъ корпусу стоило большихъ усилій и хлопотъ, такъ что два года послѣ открытія, полковой лазаретъ, обозъ, мастерскія, квартира командира, еще находились въ домахъ назначенныхъ корпусу.

На первое обзаведеніе корпуса было отпущено въ распоряженіе генерала Бородина, по заранѣ составленной смѣтѣ, 82.500 р., изъ капитала военныхъ поселеній, заимообразно, съ тѣмъ, чтобы эти деньги были пополнены государственнымъ казначействомъ изъ суммъ, которыя будутъ слѣдовать къ отпуску, по штату корпуса. Кромѣ того, въ распоряженіе директора повелѣно было передать изъ всѣхъ 4-хъ округовъ новгородскаго поселенія, все движимое имущество: серебро, посуду, мебель и всякую утварь, изъ существовавшихъ въ округахъ штабовъ, полковыхъ ресторацій. Всѣ эти вещи были доставлены въ корпусъ для разсортирования на годныя для его хозяйства и не годныя, подлежащія продажѣ. Корпусъ воспользовался довольно многимъ; однихъ ложей и другихъ серебряныхъ вещей получено было до $3\frac{1}{2}$ пудъ. *)

Директоръ корпуса, полицеймейстеръ, экономъ, аптекарь, дѣлопроизводитель и 90 нижнихъ чиновъ (служителей) прибыли въ штабъ 4-го округа еще осенью 1833-го года. Вообще изъ начальства, учителей и чиновниковъ, къ началу приѣзда вадеть, т. е. къ первому январю 1834 г. находились уже на лицо:

Директоръ генераль-маіоръ Александръ Ивановичъ Бородинъ.

Баталіонный командиръ, подполковникъ артиллеріи, Николай Павловичъ Черницкій.

*) Изъ донесенія генерала Бородина отъ 12-го Января 1835 г. видно, что ненужныхъ вещей продано съ аукціона на 2.570 руб.

Инспекторъ классовъ, Коллежскій совѣтникъ, Михаилъ Николаевичъ **Боморинъ**.

Капитанъ дворянскаго полка **Илья Васильевичъ Брянновъ**.

Штабсъ-капитанъ 2-го кадетскаго корпуса, Николай Григорьевичъ **Араловъ**.

Штабсъ-капитанъ назовскаго кадетскаго корпуса, Михаилъ Михайловичъ **Островскій**.

Симбирскаго егерскаго полка, поручикъ Валеріанъ Христіановичъ **Нейманъ** (первый казначей корпуса).

Поручикъ 8 артиллерійской бригады, Маврикій Михайловичъ **Тромщинскій** (первый полковойmeisterъ).

Старшій докторъ, коллежскій ассесоръ, Александръ Ивановичъ **Будаевскій**.

Аптекарь, титулярный совѣтникъ, Иванъ Егоровичъ **Гонольдъ** *).

Экономъ, титулярный совѣтникъ, Афанасій Михайловичъ **Шишмолинъ**.

Правитель дѣлъ, титулярный совѣтникъ, **Москвичевъ**.

Командиръ служительской роты, подпоручикъ **Саутинъ**.

1-го Казанскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, служительской роты, прапорщикъ **Андреевъ**.

Учителя:

Завона Божія протоіерей Алексѣй Федоровичъ **Малиновскій** **).

Русскаго языка, исторіи и географіи, а впоследствии и пѣнія—неимѣющій чина, Дмитрій Николаевичъ **Орнатскій**.

Французскаго языка—иностранецъ **Рей** (изъ Новгородской гимназіи).

*) Во время бывшаго въ 1831 г. въ военныхъ поселеніяхъ возмущенія, Гонольдъ страшно пострадалъ: онъ избитый былъ привязанъ къ хвосту лошади и не смотря на это остался живъ.

**) Оказавшій особое отличіе при увѣщаніи возмутившихся военныхъ поселенъ.

Чистописанія, а потомъ нѣмецкаго языка—Карль Андре-евичъ Юргенсъ.

Рисованія—свободный художникъ Аберда.

Нѣмецкаго языка (изъ гатчинскаго сиротскаго дома) Эй-фелеръ *).

Съ 1-го января 1834 г. начали привозить въ корпусъ будущихъ кадетъ. Первыми были представлены къ приему два брата Фаликсъ и Иванъ Эльснеры, но по возмужалости они были немедленно переведены въ дворянскій полкъ, а потому первымъ кадетомъ Новгородскаго корпуса слѣдуетъ считать **Василія Пущина**, принятаго 8 Января 1834 г. и выпущеннаго въ 1842 году въ Гренадерскій принца Евгенія Виртембергскаго полкъ. Въ теченіи января было принято 20 чело-вѣкъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ директоръ доносилъ, что къ 1-му марту все необходимое для открытія Корпуса будетъ готово, но главный директоръ Военно-учебныхъ заведеній, генераль адъютантъ Сухозонетъ, призвалъ необходимымъ, для предварительнаго объясненія всѣхъ подробностей церемоніи открытія, командировать въ корпусъ дежурнаго штабъ-офицера штаба, полковника Хатова 2-го, и предполагалъ даже, для повѣрки всѣхъ распоряженій, самъ съѣздить въ Корпусъ **). Великій князь Михаилъ Павловичъ, получивъ рапортъ директора, испросилъ черезъ военнаго министра соизволенія Государя Императора, на открытіе Новгородскаго корпуса 15-го марта и на приглашеніе къ этому торжеству генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева. То и другое было разрѣшено, поэтому Его Высочество, 28-го февраля, писалъ Аракчееву:

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

«Государь Императоръ повелѣтъ мнѣ соизвоилъ: вновь учрежденный Новгородскій кадетскій корпусъ открыть 15-го

*) Онъ же преподавалъ Законъ Божій лютеранамъ.

**) Рапортъ ген.-адъют. Сухозонета, отъ 28-го Декабря 1833 года.

числа наступающаго марта ~~вслѣдствіе~~ въ сему открытію пригласить, именовъ Его Величества, Ваше Сіятельство.

Поставляя себѣ истинный удовольствіемъ исполнить таковую Высочайшую волю, и остаюсь въ надеждѣ, что въ присутствіемъ вашимъ удостоите открытіе заведенія, въ коемъ Ваше имя и участіе Ваше въ дѣлѣ добра будутъ всегда воспоминаемы съ чувствами уваженія и благодарности.

Съ отличнымъ уваженіемъ пребываю, къ Вамъ истинно доброжелательный.

Михаиль.

Въ отвѣтъ на это приглашеніе Аракчеевъ писалъ Великому Князю:

Ваше Императорское Высочество!

Объявленное мнѣ Всемилостивѣйшее Государя Императора позволеніе находится при открытіи Новгородскаго кадетскаго корпуса, я приѣмлю новою къ себѣ милостію и не премину оною воспользоваться.

Примите Ваше Императорское Высочество истинную благодарность, за милостивое вниманіе Ваше ко мнѣ, старому слугѣ покойнаго Августѣйшаго родителя Вашего и Благословеннаго Александра Павловича.

Съ душевнымъ высокопочитаніемъ, Вашему Императорскому Высочеству на всю жизнь пребуду.

Вашего Императорскаго Высочества

Грузино
2 Марта
1834 г.

поданный слуга
Графъ Аракчеевъ.

Къ 15 марту было уже на лицо 69 кадетъ. Въ продолженіи 2 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, т. е. съ 1-го января, по 15 марта, имъ уже успѣли придать военную осанку и настолько подготовить къ встрѣчѣ гостей, чтобы они показались достаточно выправленными и умѣющими отвѣчать по военному. Для это-

то обученія, кромѣ своихъ офицеровъ, было взято нѣсколько унтеръ-офицеровъ учебнаго полка. Вообще этотъ полкъ оказывалъ зарождающемуся корпусу полное во всемъ содѣйствіе, а командиръ его, флигель-адъютантъ полковникъ Бибиковъ, принималъ живое участіе во всемъ, касающемся кадетъ.

Въ ожиданіи открытія, новичковъ-воспитанниковъ болѣе занимали приготовленіями къ нему, нежели классами. Они уже умѣли пѣть хоромъ утреннюю и вечернюю молитвы, Вѣрую, Отче нашъ и народный гимнъ. Для обученія подобному пѣнію, почти ежедневно являлся регентъ пѣвчихъ учебнаго полка, унтеръ-офицеръ Ананьевъ; кадетъ строили въ корридорѣ и они, подъ крышку Ананьева, съ полнымъ усердіемъ учились не фальшивить.

Классныя занятія въ это время шли не совсѣмъ правильно: не было еще ни программъ, ни росписаній занятій. Каждый учитель занималъ кадетъ чѣмъ хотѣлъ; да и трудно имъ было взяться за уроки систематично, потому что поступившіе изъ уроженцевъ Литвы и Польши не умѣли, не только читать, но и говорить по русски; другіе же не знали французской и нѣмецкой азбуки. Нужно было разобратъясъ съ познаніями поступившихъ, рассортировать ихъ по классамъ. Сдѣлать это было не легко, потому что по числу кадетъ, поступившихъ въ первое полугодіе, и по числу наличныхъ учителей можно было открыть не болѣе трехъ классовъ, а разнообразію познаній приходилось бы подраздѣлить по крайней мѣрѣ на шесть. Это было причиною, что многихъ уроженцевъ Литвы и Польши и тѣхъ, которые по своему возрасту и познаніямъ стояли внѣ общаго уровня, вскорѣ по открытіи корпуса, отправили въ дворянскій полкъ.

Для объясненія того, почему, вопреки вышеприведенному положенію о приѣмѣ, могли попасть въ корпусъ сыновья дворянъ не приписанныхъ къ нему губерній и недоросли 16 и 17 лѣтъ, необходимо сказать, что это произошло на основаніи Высочайшей воли, о принятіи въ кадетскіе корпуса тѣхъ дво-

ранъ западнаго края, которые остались сиротами, послѣ смерти или ссылки отцовъ, принимавшихъ участіе въ польскомъ мятежѣ. Ихъ зачисляли въ кандидаты различныхъ корпусовъ, не разбирая возраста, и когда предстояло открытіе Новгородскаго корпуса, то многихъ изъ нихъ и назначили въ поступленію въ него, въ первый же пріемъ. Тѣ изъ нихъ, которые были помоложе, какъ подавшіе надежду на успѣхъ, были оставлены въ корпусѣ и изъ нихъ вышли потомъ хорошіе ученики и товарищи.

Приближался съ нетерпѣніемъ ожидаемый день открытія корпуса. 13-го марта пріѣхалъ дежурный штабъ офицеръ штаба военно учебныхъ заведеній, адъютантъ Великаго князя, полковникъ Ростовцевъ. Вмѣстѣ съ директоромъ онъ обошелъ камеры и классы, осмотрѣлъ обмундировку кадетъ. Въ то время она состояла изъ однихъ мундировъ; ни киверовъ, ни аммуниціи еще не было. Ростовцевъ объявилъ кадетамъ, что на слѣдующій день пріѣдетъ Великій князь и много приглашенныхъ на открытіе лицъ, въ числѣ которыхъ будетъ и графъ Аракчеевъ. Замѣтивъ, что ни у кого изъ кадетъ не было на погонахъ знаковъ отличія, а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ исправляли унтеръ-офицерскія обязанности, Ростовцевъ разрѣшилъ дать таковымъ ефрейторскія нашивки. Поэтому въ тотъ же день было отдано въ приказѣ по корпусу, о производствѣ въ ефрейтора кадетъ: Дуве, съ исправленіемъ должности фельдфебеля, Шильдта 1-го, Дельфина, Забѣлина и Рыкачева 1-го, съ исправленіемъ должности унтеръ-офицеровъ.

На слѣдующій день, съ утра, начали пріѣзжать приглашенные. Кадеты не отходили отъ оконъ и хотя никого не знали, но съ любопытствомъ смотрѣли, какъ одинъ экипажъ за другимъ подлеталъ къ отведенному для гостей дому, или къ квартирамъ директора и командира учебнаго полка, у которыхъ останавливались многіе изъ пріѣзжавшихъ.

Для Его Высочества и его свиты былъ очищенъ домъ,

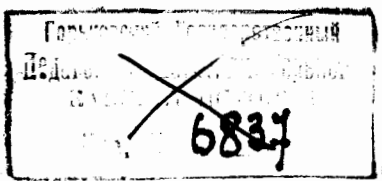
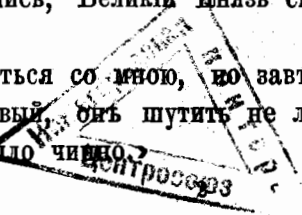
предназначавшийся для казарета, гдѣ въ то время жилъ еще начальникъ 4-го округа пахотныхъ солдатъ, почтенный старикъ, полковникъ Зайцевъ.

Великій князь приѣхалъ въ то время, когда кадеты были у всенощной, послѣ которой ихъ привели въ камеры и поставили каждаго у своей кровати.

Около 8-ми часовъ, Новгородцы впервые увидѣли своего Главнаго начальника. Мощная, нѣсколько сутуловатая фигура показалась мальчикамъ громадною, но на столько симпатичною и доброю, что имъ было непонятно, почему начальство съ какимъ то страхомъ ожидало появленія Его Высочества. Если онъ, проходя бывало по фронту и по спальнямъ, останавливался передъ кадетомъ съ нахмуренными бровями, или дѣлалъ гримасу, то дѣтскій истинетъ понималъ, что это дѣлается шутя. Кадетъ иногда улыбался невольно, но чаще, желая показать что во фронтѣ ничѣмъ нельзя развлечь или размѣшить его, самымъ серьезнымъ образомъ смотрѣлъ Великому князю въ глаза и это особенно ему нравилось. Обойдя три спальни, Михаилъ Павловичъ приказалъ всѣмъ подойти къ нему и сталъ шутить съ кадетами. На всякій его вопросъ 70, тогда еще дѣтскихъ голосовъ, отвѣчали разомъ. Всякому хотѣлось поближе быть къ нему. Вдругъ онъ крикнулъ «смирно» и когда все моментально стихло, какъ бы командуя, прибавилъ «вали меня». Стоявшіе возлѣ схватили его кто за руки, кто за ноги; бывшіе подальше винулись какъ бы на приступъ. Испуганное начальство отшатнулось съ словами: «Тихе, тихе, осторожнѣе.» Повалить было не трудно, потому что Его Высочество поддавался этому, но когда пришлось подымать, то онъ нарочно противился, чтобы мальчики повозились по дольше. Поднявшись, Великій Князь сказалъ:

«Сегодня я позволяю вамъ возиться со мною, но завтра будетъ у васъ гость, старикъ суровый, онъ шутить не любитъ и потому прошу чтобы все было чинно.»

В. Г. 292

Первое впечатлѣніе, произведенное Михаиломъ Павловичемъ на кадетъ-новичковъ, никогда никого не выдавшихъ изъ Царской фамилии, было самое отрадное. Долго, долго оно сохранялось въ Новгородскомъ корпусѣ и даже тѣ происшествія, которыя заставляли иногда Великаго князя сердиться, не измѣняли его.

15-го марта, въ 10 часовъ утра, всѣ офицеры, учителя и чиновники корпуса были представлены Его Высочеству, въ его квартирѣ, директоромъ, послѣ чего торжество началось обѣдней. Великій Князь вошелъ въ церковь вмѣстѣ съ графомъ Аракчеевымъ и съ генералами, прибывшими наканунѣ и ожидавшими его въ манежѣ *). Графъ появился въ мундирѣ своего гренадерскаго полка, безъ ленты и звѣздъ; на немъ небыло ни одного ордена, ни одной медали и только портретъ Александра 1-го, на шеѣ, украшалъ скромный армейскій мундиръ его.

Служеніе совершалъ новгородскаго кафедральнаго собора протоіерей Оома Зубковскій, вмѣстѣ съ корпуснымъ законоучителемъ Малиновскимъ и священникомъ учебнаго полка. По окончаніи литургіи, первый обратился къ кадетамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Настоящее торжество не есть слѣдствіе обязанности, которую налагаетъ иногда одинъ обычай. Оно есть торжество Вѣры и Церкви,—торжество внутреннихъ нашихъ чувствованій.

«Насажденіе винограда сего есть новое для насъ знаменіе истиннаго благочестія и любви Великаго Государа нашего,—есть новый опытъ отеческой его благодати и неусыпнаго и мудраго о благѣ и счастіи подданныхъ своихъ попече-

*) Аракчеевъ пріѣхалъ изъ Грузина тоже наканунѣ, но не прямо въ корпусъ, а въ Бронницы, откуда выѣхалъ только тогда, когда изъ Петербурга прискакалъ фельдъегерь, съ извѣстіемъ, что Государь не будетъ. Это указываетъ, что Императоръ Николай Павловичъ имѣлъ намѣреніе присутствовать на открытіи перваго изъ губернскихъ корпусовъ.

нія. Могуть ли сердца наши не быть преисполнены благодарнѣйшей благодарности къ Высокому виновнику торжества? Но царю земному, равно какъ и Царю небесному, на землѣ нѣтъ достойнаго воздаянія. Къ теплымъ моленіямъ святыхъ церкви, скудность наша и безсиліе ничего прибавить не могутъ.

«Ваше Высочество! Вы, какъ возлюбленный наперстникъ Монарха, не отриньте принять и представить Ему бѣдную и посильную нашу лепту,—сердечныя, желанія, по волѣ Его созданнаго, Вашею заботою и любовью устроеннаго, полѣзнаго оечеству и угоднаго Богу заведенія сего. Желанія заключаются въ одномъ: да поучаются въ немъ юные питомцы преждѣ всего благочестію, которое, по ученію апостола Павла, *есть велие снисканіе довольствомъ*, и навѣянуть страху Божію, который *есть начало всякія премудрости*. Усердіе же и примѣръ наставниковъ, да утвердятъ ихъ въ таковомъ обученіи и представитъ достойными сынами Вѣры, Престола, Отчества и Твоея безпримѣрныя къ нимъ любви и отеческихъ попеченій. Да тако исполнится воля Божія и воля Царева и будетъ имя Божіе и имя Царя нашего благословенны во вѣки».

Послѣ литургіи кадеть перевели въ столовый залъ, гдѣ было отслужено молебствіе съ водосвятиемъ. Поеуда священникъ окроплялъ всѣ зданія и помѣщенія святою водою, полковникъ Ростовцевъ, по приказанію Его Высочества, прочелъ актъ открытія корпуса; затѣмъ инспекторъ Боженяновъ свазалъ слѣдующую рѣчь:

«Еще по творческому гласу Самодержавца могучей Россіи, возникло заведеніе, для вѣщей опоры и силы любезнаго нашего отечества и въ вѣчное прославленіе имени того, кто съ отцовскою любовью принялъ васъ въ отцовскія свои объятія.

«Мѣста сіи издревле ознаменованы храбростію нашихъ соотечественниковъ и великими подвигами Владыкъ, предковъ

нашего Вѣнценосца. Здѣсь Александръ Невскій впервые приучалъ русскихъ къ побѣдамъ; здѣсь Царь Іоаннъ приуготовилъ единодержавіе, основу спасенія и славы Россіи. Самый домъ вашего воспитанія содѣлывается отнынѣ краснорѣчивѣйшимъ памятникомъ настоящаго величія нашего отечества и любви Царя къ его подданнымъ.

«Корпусъ сей основанъ для воспитанія дворянъ преимущественно Новгородской, Псковской и Тверской губерній, почему большая часть изъ васъ поступили сюда предпочтительно передъ прочими дворянами Имперіи. Братья ваши, дѣти родственниковъ и близкихъ вашихъ, а впоследствии ваши собственные дѣти, наконецъ, дѣти дѣтей вашихъ, здѣсь же получаютъ свое образованіе.

«Вы должны служить имъ образцами всего хорошаго; они будутъ вашими судьями; ни одно ваше дѣланіе, ни доброе, ни злое, не укроется отъ дѣтей и звуковъ вашихъ. Но вамъ, какъ первенцамъ, предопредѣлена счастливѣйшая участь оправдать неисчислимыя милости Царя, прежде всѣхъ вашихъ приемниковъ.

«Дѣти! Царь ожидаетъ отъ васъ преданности за благодѣянія. Благодѣянія неограниченны,—неограничена должна быть и преданность. Россія ожидаетъ увидѣть въ васъ благочестивыхъ гражданъ и храбрыхъ воиновъ; высокій начальникъ вашъ—ожидаетъ отъ васъ сыновней любви, за любовь отеческую. Русскіе дворяне—ожидаютъ отъ васъ русской чести; воспитатели ваши—довѣрія за довѣренность.

«Посредствомъ васъ и приемниковъ вашихъ, непрерывною цѣпью, настоящее соединится съ будущимъ и какъ мы, при основаніи сего заведенія, вспоминаемъ побѣды Невскаго и мудрость Іоанна, такъ потомки наши, при учрежденіи подобнаго же храма науки на берегахъ Дуная, вспомнятъ Николая 1-го и Его брата, сподвижника его побѣдъ на востокѣ.»

Великій Князь и всѣ приглашенные присутствовали при

кадетскомъ обѣдѣ. Кромѣ графа Аракчеева при открытіи Новгородскаго корпуса присутствовали:

Предсѣдатель совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ, сенаторъ, членъ государственнаго совѣта и шефъ Московскаго пѣхотнаго полка, генераль—отъ инфантеріи, графъ Петръ Алексѣевичъ **Толстой**.

Главный директоръ пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и дворянскаго полка, членъ совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ, генераль отъ артиллеріи, генераль-адъютантъ, Иванъ Онуфріевичъ **Сухоzonеть**.

Командиръ отдѣльнаго гренадерскаго корпуса, генераль-лейтенантъ, Иванъ Александровичъ **Набоковъ**.

Начальникъ 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, генераль-лейтенантъ **Кнорингъ**.

Командиръ 2-й бригады 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи и л. гв. Гродненскаго гусарскаго полка, генераль-маіоръ **Шtrandманъ**.

Состоящій при Его Высочествѣ генераль-фельдцейхмейстеръ, генераль-маіоръ **Бибиковъ**.

Начальникъ округовъ Новгородскаго и Старорусскаго удѣла пахотныхъ солдатъ, генераль-маіоръ **Фонъ-Фриненъ**.

Начальникъ Новгородскаго удѣла, генераль-маіоръ **Старченковъ**.

Командиръ 1 бригады 1-й гренадерской дивизіи, генераль-маіоръ **Щербатскій**.

Начальникъ артиллеріи гренадерскаго корпуса, генераль-маіоръ **Смагинъ**.

Адъютантъ Великаго князя Михаилъ Павловича и дежурный штабъ-офицеръ штаба Главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, полковникъ **Ростовцевъ**.

Старшій адъютантъ дежурства главнаго директора, подполковникъ **Свѣтловъ**.

Командиръ 1-го учебнаго карабинерскаго полка, флигель-адъютантъ, полковникъ **Бибиковъ**.

Состоящій при главномъ директорѣ по особымъ порученіямъ, гвардейской артиллеріи, полковникъ **Нязь Голицынъ**.

Флигель-адъютантъ полковникъ **графъ Ламсдорфъ**.

Новгородскій губернский предводитель дворянства, статскій совѣтникъ **Бѣлавинъ**.

Итого постороннихъ, не принадлежащихъ къ составу служащихъ въ корпусѣ, при открытіи его было 16 лицъ и изъ нихъ 10 генераловъ.

По окончаніи кадетскаго стола, Великій князь, со всѣми гостями, еще разъ обошелъ камеры и затѣмъ простился съ кадетами. Отъѣздъ былъ назначенъ въ тотъ-же день, послѣ раннаго обѣда. Кромѣ генераловъ, къ столу Его Высочества были приглашены: баталіонный командиръ, инспекторъ классовъ и 12 кадетъ, всего, по незначительности помѣщенія, до 30 особъ. Возлѣ Михаила Павловича сидѣли: графъ Толстой и генераль-адъютантъ Сухозанетъ, а противъ Его Высочества: графъ Аракчеевъ, имѣя сосѣдями: директора корпуса, генерала Бородина и полковника Ростовцева. Приглашенные кадеты были размѣщены между генералами *).

Въ теченіи обѣда Великій князь очень много говорилъ съ Аракчеевымъ. Генералу Набокову онъ подтвердилъ необходимость, для пополненія корпускаго офицерскаго состава въ будущемъ, избирать лучшихъ офицеровъ; командиру учебнаго полка совѣтовалъ оказывать корпусу возможную во всемъ помощь. Въ концѣ обѣда онъ обратился къ графу со словами:

«Я прошу васъ, какъ близкаго сосѣда, по чаще навѣщать корпусъ и пожалуйста требуйте, чтобы кадетъ какъ можно лучше кормили».

«Опасаясь Ваше Высочество», — отвѣчалъ графъ, —

*) Изъ кадетъ находились на обѣдѣ: Владиміръ Дубе I, Апполонъ Хвостовъ, Василій Пущинъ, Константинъ Сквискій, Николай Дельфинъ, Владиміръ Шильдтъ I, Александръ Шильдтъ II, Павелъ Карцовъ, Николай Каведяевъ, Николай и Василій Веревкины и Александръ Рыкачевъ.

«поправятся ли мои посѣщенія. Когда я завѣдывалъ баталіонами военныхъ кантонистовъ, то ихъ кормили отлично, потому что у меня было такое обыкновеніе: если щи не хороши, я и велю выворотить котель на голову эконома».

Великій князь обратилъ эту фразу въ шутку, а кадеты запомнили ее твердо, и всякій разъ, какъ были недовольны экономомъ Шишмолинымъ, напоминали ее.

Послѣ обѣда Михаилъ Павловичъ приказалъ кадетамъ остаться и около часа времени говорилъ и шутилъ съ ними. Ему особенно нравились находчивые и бойкіе отвѣты Шильдта и Пущина. Прощальными Его словами были: «Ведите себя хорошо, учитесь и помните, что готовитесь быть честными и полезными офицерами».

Послѣ отъезда Великаго князя началось исподволь дальнѣйшее устройство корпуса. Почти ежедневно поступали новички и когда наличное число кадетъ дошло до ста, образовалась рота, которую назвали 1-ю и раздѣлили на 4 отдѣленія. Фельдфебелемъ назначили Дуве, а отдѣленными унтеръ-офицерами: Николая Дельфина, Николая Шильдта 1-го, Казимира Краузе и Аркадія Нелидинскаго 1-го. Командиромъ роты былъ капитанъ Бряновъ.

Глава II.

Характеристика первыхъ начальниковъ и учителей.—Директоръ генераль-маіоръ Бородинъ.—Батальонные командиры: Черницкій и Струмило. Инспекторъ Божемяновъ.—Капитанъ Брянновъ.—Штабъ-капитаны: Воцининъ Араловъ и Островскій.—Учителя: Д. Н. Орнатскій и К. А. Юргенсъ.—Корпусъ наслѣдникъ графа Аракчеева.—Коммиссія для разбора движимостей графа.

Прежде описанія дальнѣйшей жизни корпуса, очертимъ, насколько позволяютъ собственныя и товарищескія современниковъ воспоминанія, характеристику тѣхъ начальствующихъ лицъ, которые были первыми руководителями Новгородцевъ, какъ въ административно-служебномъ, такъ и въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Начнемъ съ директора.

Александръ Ивановичъ Бородинъ, воспитывался во 2 кадетскомъ корпусѣ, былъ тамъ фельдфебелемъ, выпущенъ въ 1806 году въ офицеры, съ оставленіемъ при корпусѣ, гдѣ въ то время формировался особый дворянскій баталіонъ, обращенный въ слѣдующемъ году въ полкъ. Въ дворянскомъ полку онъ прошелъ всѣ должности, командуя роту и баталіономъ, а въ 1833 году произведенъ былъ въ генералы. Избраніе его директоромъ вновь учреждаемаго корпуса было вполнѣ соотвѣтственно. Онъ сдѣлалъ все, что было возможно, для внѣшняго и внутренняго порядка, а это было весьма важно для новаго заведенія, въ которомъ всѣ офицеры были изъ разныхъ мѣстъ, слѣдовательно могли быть съ разными взглядами и привычками, а учителя большею частью новички, еще нигдѣ не преподававшіе, или переведенные изъ гражданскихъ заведеній. Согласовать это и направить всѣхъ къ одной цѣли было не легко: нужно было имѣть много такта и твердости характера, чтобы не дать разнороднымъ элементамъ воспитываемыхъ

и разнороднымъ дѣятелямъ воспитанія разоитись въ стороны. Бородинъ вполнѣ обладалъ этимъ достоинствомъ. По наружности довольно суровый, онъ былъ доступенъ для каждаго изъ своихъ помощниковъ, которымъ самъ опредѣлялъ кругъ дѣйствій и не позволялъ никому вмѣшиваться въ свои распоряженія. Съ кадетами онъ держалъ себя серьезно, сохраняя принадлежащее его положенію достоинство. Классную часть и направленіе учителей онъ вполнѣ предоставилъ инспектору, потому что видѣлъ въ немъ человѣка вполнѣ заслуживавшаго довѣрія. Кадеты боялись, но уважали Бородина, настолько-же, насколько и онъ любилъ ихъ и свой корпусъ. Зная предположенія высшаго начальства о томъ, чтобы не выпускать кадетъ губернскихъ корпусовъ прямо въ офицеры, а переводить ихъ для усовершенствованія по строевой службѣ въ дворянскій полкъ, Бородинъ не могъ помириться съ этою мѣрою и всѣми силами старался отстоять самостоятельность корпуса въ отношеніи выпусковъ. *) Если бы онъ могъ довести комплектъ учителей до того уровня по числу и по знаніямъ, при которомъ можно бы кончать курсъ по программѣ специальныхъ классовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что цѣль перваго директора была бы достигнута и Новгородскіе кадеты выпускались бы въ офицеры изъ стѣнъ роднаго заведенія. Чтобы измѣнить положеніе о переводахъ въ дворянскій полкъ, Бородинъ два въ годъ ѣздилъ въ Петербургъ, хлопотать преимущественно объ этомъ, но старанія его не достигали цѣли. Борьба была неровна, потому что защитникомъ положенія о переводахъ въ дворянскій полкъ былъ Ростовцевъ, уже тогда начинавшій пріобрѣтать то громадное довѣріе Великаго князя, которымъ онъ пользовался впоследствии. Между тѣмъ Бородинъ имѣлъ полное основаніе настаивать, чтобы курсъ специальныхъ классовъ оканчивался въ корпусѣ и чтобы удостоеніе

*) Отзывъ военнаго министра Великому князю, отъ 3 декабря 1834 г.

въ производствѣ въ офицеры шло отъ него, потому что въ 13 § положенія о Новгородскомъ графа Аракчеева кадетскомъ корпусѣ, существовавшемъ въ то время еще въ проектѣ и Высочайше утвержденномъ въ 1836 году, было сказано: «По окончаніи курса, кадеты, кои удостоены будутъ производства въ офицеры, отправляются въ дворянскій полкъ, для усовершенствованія въ фронтальной службѣ, а когда дворянскій полкъ преобразуется,—и для окончанія наукъ. Но во время директорства Бородина преобразованія не совершилось.

Имѣя на своей сторонѣ инспектора, Бородинъ думалъ замедленіемъ курса затянуть дѣло и выигрываніемъ времени достигъ желаемого. На приказаніе приготовить воспитанниковъ старшаго класса къ отправленію въ Петербургъ въ 1837 г., онъ отвѣчалъ, что это невозможно, потому что еще далеко не все пройдено. Учителя видимо не торопились вести дѣло, чего конечно не могло быть безъ косвеннаго вліянія директора и инспектора. Всѣ предметы проходились добросовѣстно, но крайнѣ пространно. Приведемъ для примѣра лишь то, что изъ русской исторіи одно царствованіе Петра Великаго, читалось ровно годъ.

Генераль Бородинъ принималъ такъ близко къ сердцу дѣло о переводѣ въ дворянскій полкъ, что неудача въ немъ повліяла на его, повидимому, крѣпкое здоровье; это и заставило его потомъ просить увольненія. Изъ переписки между совѣтомъ военно-учебныхъ заведеній и директоромъ корпуса видно, что послѣдній имѣлъ много хлопотъ и огорченій, отстаивая интересы своего заведенія. На бумагахъ ему все обѣщали, но на дѣлѣ, тогдашній департаментъ военныхъ поселеній, въ веденіи котораго состояли зданія корпуса, всегда находилъ затрудненія. Ниже это будетъ доказано фактами. Кончилось тѣмъ, что Бородинъ рѣшился лучше оставить директорство, чѣмъ жертвовать своими убѣжденіями и пользами горячо любимаго имъ корпуса. До какой степени сердечно относился онъ къ каде-

тамъ, доказываетъ его прощальный приказъ, который будетъ приведенъ въ своею мѣстѣ.

Первый баталіонный командиръ, подполковникъ Черницкій, послѣ открытія корпуса оставался въ немъ всего одинъ мѣсяць. Въ апрѣлѣ того-же года онъ былъ перечисленъ въ артиллерійскій департаментъ. Такое мимолетное пребываніе въ заведеніи, не могло оставить о немъ никакихъ воспоминаній, а потому скажемъ только, что онъ былъ выпущенъ изъ 2-го кадетскаго корпуса въ 1807 году, подпоручикомъ, дѣлалъ компаніи 1812, 13 и 14-го годовъ; подъ Шамбоери былъ взятъ въ плѣнъ, а потомъ 10 лѣтъ служилъ, сначала въ артиллерійскомъ училищѣ, а потомъ во 2 кадетскомъ корпусѣ. Что было причиною столь скорого отчисленія Черницкаго отъ должности баталіоннаго командра, осталось неизвѣстнымъ; но вѣроятно же всего то, что директоръ находилъ его несоотвѣтствующимъ занимаемому имъ мѣсту.

Вмѣсто Черницкаго, 14 Апрѣля 1834 года, баталіоннымъ командиромъ былъ назначенъ, 2-го кадетскаго корпуса, подполковникъ Александръ Михайловичъ Струмилло. Выпущенный изъ того-же корпуса въ 1814 г., онъ дѣлалъ компанію 1815 г. до Шалона, а въ слѣдующемъ уже поступилъ въ корпусные офицеры. Восемнадцать лѣтъ службы среди кадетъ стараго корпуса, выработали изъ него личность, не совсѣмъ подходившую къ новому заведенію, стоявшему въ другихъ условіяхъ, съ юнымъ, почти дѣтскимъ, составомъ воспитываемыхъ. На каждую шалость, незаключавшую въ себѣ ничего нравственно дурнаго, Струмилло смотрѣлъ съ тайнымъ подозрѣніемъ чего то порочнаго и частенько прибѣгалъ къ несоотвѣтствовавшимъ винѣ наказаніямъ. Хотя тоже случалось и съ другими, но никто не исполнялъ наказанія съ тѣмъ хладнокровіемъ, какъ онъ. Несмотря на то, что онъ почти всегда ласково говорилъ съ кадетами, любилъ шутить съ ними,—его не любили, не довѣряли ему. Въ его наружности и разговорѣ проглядывало

что-то иезуитское, а обращение **инвали** было примѣнимо къ пословицѣ: «мягко стѣлать, но жестко спать».

Первый инспекторъ классовъ **Михаилъ Николаевичъ Божеряновъ**, поступилъ въ эту должность изъ учителей морскаго кадетскаго корпуса, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1822 году. Съ перваго дня и въ теченіи всей десятилѣтней службы въ корпусѣ, онъ относился къ своей должности сердечно, съ любовію. Директора ничѣмъ не стѣсняли его самостоятельности. Много труда понесъ онъ, стараясь оправдать подобное довѣріе. Онъ не могъ не видѣть слишкомъ разнообразный и не вполне подходящий составъ учителей. Не говоря о ихъ численномъ недостаткѣ, недозволявшемъ быть слишкомъ строгимъ въ выборѣ, нѣкоторыхъ, напримѣръ Габлера, Рея, а потомъ и Эйфлера, пришлось вскорѣ удалить и это происходило не безъ борьбы; они упирались, а потомъ жаловались Ростовцеву *).

По представленію генерала Бородина, Божерянову было разрѣшено два раза въ годъ ѣздить въ Петербургъ, для ознакомленія съ тѣми способами преподаванія предметовъ, какіе приняты въ прочихъ корпусахъ **).

Заслуги Божерянова выважутся еще яснѣе, если скажемъ, что въ то время небыло еще выработано классныхъ программъ, небыло даже руководствъ, по которымъ преподаватели могли бы вести занятія въ опредѣленномъ объемѣ и по извѣстной системѣ. Краткая грамматика Греча, изданная департаментомъ народнаго просвѣщенія ариметика, географія Арсеньева, исторія Кайданова и начатки христіанскаго ученія, изданные для народныхъ школъ, — вотъ единственныя книги, которыя были выданы кадетамъ, по одному экземпляру на троихъ. По иностраннымъ языкамъ, до выхода впоследствии методы Эртеля, довольствовались брошюрою, начинавшеюся словами: «Aux

*) Письмо Я. И. Ростовцева, смотри приложение 4.

**) Рапортъ полковника Ростовцева директору Бородину, 24 декабря 1834 г. № 3930.

yeux des peuples primitifs», или «Die Urvölker meinten, die Erde sei eine runde Scheibe».

Въ годовомъ отчетѣ по учебной части было впрочемъ сказано, что кадеты, поступившіе до 1-го апрѣля 1834 года, прошли все, что положено для 4-го нисшаго класса; поступившіе же въ остальной части года, по позднему и разновременному прибытію въ корпусъ, не успѣли окончить годоваго курса. Но при этомъ добавлено, что хотя въ нисшихъ классахъ и не положено проходить исторію и географію, но какъ кадеты старшаго возраста обнаружили достаточныя умственныя силы, то въ 4-мъ нисшемъ классѣ, бывшемъ тогда старшимъ, начато преподаваніе этихъ предметовъ. Михаилъ Николаевичъ Божеряновъ умѣлъ такъ направить молодой составъ учителей перваго времени, что уча кадеть, они въ то же время добросовѣстно трудились надъ дальнѣйшимъ личнымъ своимъ образованіемъ. Заслугамъ этого инспектора принадлежить и то, что въ учителяхъ Новгородскаго корпуса было много рѣтвости, бодрости и умѣнья пріохотить кадеть къ занятіямъ, а это въ новомъ заведеніи гораздо важнѣе учености. Небыло примѣра, чтобы учителя пропускали уроки. Если заболѣваль одинъ, другіе охотно занимали его часы. Многіе передъ началомъ уроковъ приходили въ инспекторскую комнату *на всякій случай*, авось придется замѣнить кого либо. Ростовцевъ очень цѣнилъ и уважалъ Божерянова и кадеты любили его.

Выше сказано, что первая сформированная въ корпусѣ рота была ввѣрена капитану **Бряннову**. Объ этомъ добрѣйшемъ и въ высшей степени симпатичномъ чловѣкѣ, Новгородскіе кадеты долго хранили самыя лучшія воспоминанія. Несмотря на некрасивое, рябоватое лице и всегда всеключенную прическу, наружность его казалась привлекательною и открытою. Мягкаго, всегда ровнаго характера, онъ привязываль къ себѣ кадеть полнымъ неліцепріятіемъ. Прилежный и дѣтливый, шалунъ и скромникъ, одинакого любили его. Никакая шалость

мальчица не посѣляли въ Брянновъ злопамятства; всякая вина искупалась наказаніемъ и о ней небыло болѣе и помина *).

Помощниками ротнаго командира и начальниками отдѣленій были: штабсъ-капитаны—Вошининъ, Араловъ и Островскій. Кадеты понимали, что это будущіе ротные командиры тѣхъ ротъ, которыя сформируются впоследствии, а потому внимательно присматривались къ нимъ и примѣнялись въ ихъ характерамъ. На этомъ у многихъ основано было желаніе попасть современемъ въ ту или другую роту.

Штабсъ-капитанъ Вошининъ, выпущенный изъ 1-го кадетскаго корпуса въ 1824 г. въ офицеры, дѣлалъ турецкую компанію 1828—29 года, былъ подъ Варной, имѣлъ ордена съ бантами, что заставляло кадетъ смотрѣть на него съ болѣшимъ интересомъ, чѣмъ на другихъ. Этому помогала и его стройная наружность, отличавшаяся нѣкоторою свѣтскою. Онъ одѣвался всегда щеголевато и требовалъ отъ кадетъ изысканной опрятности. Къ числу недостатковъ этого офицера надо отнести

*) Сынъ Бряннова Иванъ, поступилъ въ Новгородскій корпусъ въ 1863 г. Въ 1877 г. онъ былъ ротнымъ командиромъ въ Волынскомъ пѣхотномъ полку. При переправѣ черезъ Дунай у Сисова, 15-го іюня, 3 баталіонъ Волынцевъ высадился первымъ на турецкій берегъ. 12 рота Бряннова, съ тяжкими усиліями стала взбираться на крутой прибрежный скатъ, для того чтобы взять турокъ во флангъ, со стороны Дуная. Вскорабавшись на утесъ, Брянновъ первымъ, съ крикомъ ура! бросился на флангъ неприятельской позиціи. Аскеры (по турецки солдаты) на встрѣчу ему подставили стальную щетину и девять штыковъ возлились въ героя. Брянновъ былъ поднятъ на воздухъ, но и при этомъ положеніи, какъ сказывали очевидцы, успѣлъ хватить саблею по головѣ какого то Турка. Изъ девяти ранъ двѣ были въ животъ. Когда подлетѣли его солдаты, а это было черезъ 2—3 мгновенія, турки сбросили его со штыковъ имъ на встрѣчу, а сами, боясь рукопашной расправы, бѣжали. Истекая кровью, Брянновъ не потерялъ сознанія и приподнявшись съ земли на колѣно, нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы ободрять и направлять своихъ солдатъ. Это была столько же могучая какъ и геройская натура. Черезъ день онъ умеръ въ Зимницкомъ госпиталѣ, имѣвъ передъ смертью утѣшеніе въ георгіевскомъ крестѣ, который собственно-ручно былъ приколотъ къ его госпитальной рубашкѣ Государемъ Императоромъ. (*Крестовскій—Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи, стр. 340*).

проявленіе въ немъ желчности, а иногда и мстительности, что особенно обнаружилось въ то время, когда онъ сдѣлался ротнымъ командиромъ. Строевое дѣло онъ зналъ отлично: обладая особымъ умѣньемъ учить кадетъ, не утомляя ихъ, онъ развивалъ въ мальчикахъ охоту къ фронтнымъ занятіямъ; отъ этого рота, которую онъ командовалъ, впоследствии была лучшею въ строевомъ отношеніи.

Штабсъ-капитанъ **Араловъ**, по наружному виду представлялъ совершенную противоположность Воцинину. Маленькаго роста, довольно полный, всегда суетливый передъ фронтомъ, онъ въ глазахъ кадетъ много терялъ отъ того, что робѣлъ передъ начальствомъ. Впрочемъ это былъ офицеръ очень добрый и обязательный, большой любитель увеселеній; поэтому директора всегда поручали ему устройство различныхъ для кадетъ развлеченій. Онъ хорошо рисовалъ и корпусъ обязанъ ему устройствомъ театральной сцены, первыя декорациі которой были написаны Араловымъ. Первые два года по открытіи корпуса онъ находился въ командировкѣ, депутатомъ по приему библіотеки и имущества графа Аракчеева, о чемъ будетъ подробно сказано ниже.

Штабсъ-капитанъ **Островскій**, впоследствии командиръ не-ранжированной роты, представлялъ собою сдержаннаго, или вѣрнѣе скрытнаго человѣка. Онъ очень рѣдко говорилъ съ кадетами. Въ его отношеніяхъ къ нимъ замѣчалась холодность, такъ что дежурства его считались скучными. Другіе дежурные офицеры, особенно Бряновъ и Воцининъ, по вечерамъ допускали воспитанниковъ приходить къ нимъ въ дежурную комнату, бесѣдовать съ ними и когда собѣдниковъ набиралось много, то выходили съ ними въ корридоръ и гуляли, окруженные кадетами. Разговоръ шель обыкновенно о томъ, что наиболѣе интересовало мальчиковъ: о Петербургѣ, котораго почти никто не видывалъ, о лицахъ Царской фамиліи, о столичныхъ корпусахъ, о службѣ и жизни въ арміи, и т. д. Иногда и Островскій предпринималъ подобныя прогулки по

длинному и широкому корридору, но это считалось рѣдкостью. Вообще про эту личность нельзя сказать ничего особеннаго.

Обратимся къ характеристикамъ учителей.

Во главѣ ихъ мы должны поставить того, кому кадеты первыхъ выпусковъ наиболѣе обязаны своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ. Таковымъ былъ Дмитрій Николаевичъ Орнатскій. Уволенный за неспособность (такъ сказано было въ его формулярѣ) изъ Петербургской духовной академіи, ни гдѣ до того времени не преподававшій, Орнатскій съ первыхъ своихъ уроковъ, овладѣлъ сначала симпатіею, а потомъ и безпредѣльнымъ уваженіемъ своихъ учениковъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ душа—человѣкъ. Преподавая три предмета, именно: русскій языкъ, географію и исторію, онъ находилъ возможнымъ, о чемъ бы не читалъ, провести что нибудь такое, что поучало мальчиковъ быть честными и правдивыми, что дѣйствовало на ихъ вное воображеніе, въ смыслѣ любви къ хорошему и отвращенія отъ дурнаго. *)

Другою подобною же личностью, въ жизни корпуса, является Карлъ Андреевичъ Юргенсъ, единственный до сихъ поръ живущій учитель, присутствовавшій при открытіи корпуса. Да простить онъ намъ, ради исторической истины, смѣлость сказать то, что только доказываетъ, какъ много можетъ сдѣлать сила воли, въ человѣкѣ честно относящемся своему долгу и свято его исполняющемъ.

Юргенсъ, совсѣмъ молодой, еще неопытный юноша, посланный отцемъ изъ Любека въ Россію, почти незнавшій русскаго языка, имѣвшій только свидѣтельство Петербургскаго университета о томъ, что ему разрѣшается обучать началамъ нѣмецкаго языка, черезъ короткое время, дѣлается образцовымъ преподавателемъ, а потомъ заслуженнымъ наставникомъ-наблюдателемъ своего предмета. Мало этого, при одной изъ по-

*) Въ виду той пользы, которую принесъ Дмитрій Николаевичъ Новгородскому корпусу, мы говоримъ о немъ съ большею подробностью въ 5-мъ приложеніи.

Корпусъ Юргенса за границу, ему поручаютъ осмотрѣть и ознакомиться съ устройствомъ учебныхъ заведеній въ Германіи,

Результатомъ этого порученія было то, что онъ представилъ въ штабъ военно-учебныхъ заведеній, въ рукописи, два замѣчательныхъ по своей полнотѣ отчета: 1) Современное состояніе и устройство гимназій въ Германіи и 2) Программы и дисциплинарныя правила гимназій въ герцогствахъ Нассау, Гессенъ-Дарштадтѣ и въ Баваріи *).

Орнатскій и Юргенсъ могутъ быть названы сполнами корпуса. Отъ природы люди умные, живые, надежные труженики, они, можно сказать, сами образовались въ томъ заведеніи, которому отдали всѣ не-дюжинныя свои силы, сами стали на ноги и приобрѣли то почетное положеніе, котораго достигли. Оба эти учителя посвятили корпусу всю жизнь свою и нѣтъ Новгородскаго кадета, который не вспомнилъ бы о нихъ съ душевною благодарностью. **)

Не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ открытія корпуса, какъ получено было извѣстіе о смерти графа Аракчеева. Онъ умеръ 21-го апрѣля, въ своемъ великолѣпномъ грузинскомъ имѣніи. Запечатаннаго конверта, о которомъ упомянуто выше, съ указаніемъ имени избраннаго наслѣдника, не оказалось. Поэтому Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 6 Мая того-же 1834-го года, было повелѣно:

*) Въ 15 приложеніи къ этой книгѣ помѣщается документальное доказательство заслугъ К. А. Юргенса, оказанныхъ имъ его службою въ Новгородскомъ корпусѣ и въ Военной гр. Аракчеева Гимназіи.

**) Д. Н. Орнатскій умеръ на службѣ, бывъ послѣднее время воспитателемъ К. А. Юргенсъ, пробывъ до 1881 года заслуженнымъ наставникомъ наблюдателемъ нѣмецкой словесности, вышелъ въ отставку, чтобы поселиться на покой въ Новгородѣ, но не выдержавъ я года разлуки съ корпусомъ, снова возвратился въ Нижній, гдѣ ему вновь было предложено преподаваніе. Добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, заставило его, въ 1883 г. по преклонности лѣтъ и слабости силъ, навсегда отказаться отъ уроковъ и жить частнымъ человекомъ, въ томъ городѣ, гдѣ находится заведеніе, въ которомъ прошли лучшіе годы его жизни.

«Грузинскую волость отдать не имать въ полное и нераздѣльное владѣніе Новгородскому вѣдетскому корпусу, дабы доходы ея шли на воспитаніе юношей. Корпусу сему именоваться Новгородскимъ графа Аракчеева кадетскимъ корпусомъ и употреблять его гербъ».

Подобное распоряженіе вполнѣ согласовалось съ слѣдующими словами духовнаго завѣщанія графа:

«Если бы дни мои прекратились, прежде избранія мною достойнаго наслѣдника, то сіе избраніе предоставляю Государю Императору».

Вслѣдъ за этимъ состоялось распоряженіе о передачѣ корпусу всего движимаго имущества, въ томъ числѣ замѣчательной библіотеки графа и многихъ рѣдкихъ вещей, медалей, портретовъ и рескриптовъ Императоровъ Павла и Александра 1-го *).

Управление грузинскимъ имѣніемъ было возложено на хозяйственный комитетъ корпуса, непремѣннымъ членомъ котораго Высочайше повелѣно быть дворянскому предводителю Новгородскаго уѣзда. Въ началѣ полагали, что корпусу возможно управлять Грузиною самостоятельно, но потомъ убѣдились въ неудобствѣ подобнаго распоряженія и раздѣлили управление на три части. Мѣстное управление ввѣрено особому лицу—управляющему имѣніемъ, главное—предоставлено было департаменту военныхъ поселеній, директоромъ котораго былъ тогда генераль-адъютантъ Клейнмихель. Корпусъ съ его хозяйственнымъ комитетомъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ промежуточной инстанціи между департаментомъ и управляющимъ, который представлялъ ему только отчеты, для пересылки департаменту, но всѣ распоряженія получалъ прямо отъ

*) Передача Грузинскаго имѣнія и недвижимостей его происходила поздно, а потому мы возвратимся къ этому въ своемъ мѣстѣ. Опись-же вещей и документовъ переданныхъ изъ Грузина корпусу, помѣщаемъ во 2 и 3 приложеніяхъ.

Клейнмихеля. Впрочемъ, для управленія Грузиномъ, корпусу дана была особая инструкція, которую мы помѣщаемъ въ 6 приложеніи.

Вмѣстѣ съ названіемъ корпуса Новгородскимъ кадетскимъ графа Аракчеева, было повелѣно: всѣмъ чинамъ его имѣть на эполетахъ и погонахъ буквы Г. А., по образцу бывшаго гренадерскаго графа Аракчеева полка. *)

Выше было сказано о передачѣ движимой собственности графа Аракчеева Новгородскому корпусу. Для приведенія этой собственности въ извѣстность, въ 1835 году, составлена была, подъ предсѣдательствомъ состоявшаго по военно-учебнымъ заведеніямъ генераль-маіора Петровскаго (впослѣдствіи директоръ) особая комиссія. Въ составъ ея вошли: отъ Совѣта военно-учебныхъ заведеній—чиновникъ 6-го класса Кованько, Новгородскій уѣздный предводитель дворянства и отъ корпуса капитанъ Араловъ. Комиссіи было указано: раздѣлить всѣ вещи и вообще движимое имущество на два разряда: на вещи нужныя для корпуса и на ненужныя ему, которыя приказано продать въ Грузинѣ или въ Петербургѣ, куда отправить ихъ водою, а вырученныя деньги присоединить къ капиталу корпуса.

Изъ послѣдующей переписки по этому дѣлу видно, что капитану Аралову пришлось полтора года прожить, то въ Грузинѣ, то въ Петербургѣ, гдѣ разбиралось имущество, находившееся въ собственномъ домѣ Аракчеева.

Когда приступлено было къ разбору въ Грузинѣ бумагъ и библіотеки, комиссія донесла, что, по разнообразію твореній, библіотека не можетъ быть полностью передана Новгородскому корпусу и что находящіяся въ ней 3780 сочиненій, въ 11,184 тома, требуютъ спеціальнаго просмотра. Тогда Великій князь приказалъ поручить разсортировку книгъ члену Совѣта военно-учебныхъ заведеній, генералу барону Медему.

*) Полное Собр. Зак. Т. IX 1834 г. № 7054, 7057 и 7044.

Разсматривая каталоги, послѣдній изъ нихъ, что въ аракчеевской библиотекѣ есть запрещенныя и вредныя для кадетъ сочиненія, о чемъ черезъ Ростовцева довелъ до свѣдѣнія Его Высочества. *) Вслѣдствіе этого послѣдовало распоряженіе: дѣло о пересмотрѣ грузинской библиотеки передать особой спеціальной комиссіи, изъ членовъ совѣта: генерала отъ инфантеріи Довре, генераль-лейтенантовъ Притвица и Медема. Но и эти лица не приняли на себя окончательнаго рѣшенія, а просили содѣйствія цензурнаго комитета, которому и переданы были всѣ сочиненія, казавшіяся Меду вредными. Только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, слѣдующаго 1836-го года, разборъ библиотеки былъ оконченъ и комиссія донесла: «Что назначая книги для корпуса, она имѣла въ виду дать ему не только сочиненія нужныя для преподаванія, и поучительныя для чтенія кадетами, но и тѣ, которыя могутъ служить, какъ полезные источники и пособія для учителей и офицеровъ, которые, по отдаленности и уединенію корпуса, не могутъ пользоваться тѣми книгохранилищами, какія находятся въ столицахъ» **). Кромѣ того комиссія представила особую опись книгамъ, заслуживающимъ особеннаго вниманія. Великій князь препроводилъ еѣ Военному министру, а графъ Чернышевъ представилъ Государю. Императоръ Николай Павловичъ своеручно отмѣтилъ на описи: что должно быть передано въ Главный штабъ, въ инженерный архивъ, въ артилерійскій департаментъ, въ морской штабъ, въ собственную Его Величества канцелярію и въ синодальную библиотеку. Противъ нѣкоторыхъ книгъ и рукописей было отмѣчено: «показать мнѣ». Отмѣтка «передать въ Корпусную библиотеку» послѣдовала противъ 10 книгъ, поименованныхъ въ 7-мъ приложеніи. Всего-же изъ аракчеевской библиотеки было передано Новгородскому корпусу болѣе 10 тысячъ томовъ.

*) Письмо барона Медема полковнику Ростовцеву, отъ 24 Мая 1835 г.

***) Рапортъ комиссіи, отъ 14 апрѣля 1836 г. № 5.

Многое изъ присланнаго въ корпусъ, движимаго имущества графа, оказалось потомъ вовсе ненужнымъ и бесполезнымъ. Напримѣръ изъ 14 доставленныхъ экипажей, могли пригодиться только два; прочіе, по своей тяжести, много лѣтъ занимали только мѣсто, употреблялись при свадьбахъ корпусныхъ чиновниковъ и потому, по представленію директора, вмѣстѣ съ грузинскими рысаками и старыми верховыми, были проданы въ Новгородъ, съ аукціона *).

Глава III.

Первыя занятія кадетъ.—Учебная часть перваго года.—Обиундированіе и штатъ корпуса.—Приходъ и расходъ перваго года.—Первое посѣщеніе корпуса Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.—Подробный осмотръ корпуса Великимъ княземъ.—Кадеты на чаѣ у его Высочества.—Укомплектованіе офицерами и учителями.—Второе посѣщеніе корпуса Государемъ.—Причины щедрости въ наградахъ служащимъ въ корпусѣ.—Болѣзнь директора Бородина.—Прощальный приказъ его.

Въ первые три мѣсяца по открытіи корпуса, власныя занятія не были еще вполне регулированы. Кадеты находились въ классахъ всего отъ 7 до 9 часовъ утра и отъ 3 до 5 послѣ обѣда. Остальное время употреблялось на обученіе фронту, сигналамъ, общему пѣнію и танцованію. Эти занятія официально назывались тогда обученіемъ *приятнымъ искусствамъ*. Гимнастика присоединена къ нимъ впоследствии, а фехтованію долго не учили. Вставали кадеты въ 6 часовъ утра и ложились спать по пробитіи зори, въ 9 вечера. Во-

*) Докладная Записка, отъ 3 Ноября 1838 г., № 1761.

обще порядокъ всендневной жизни былъ тотъ же, что и въ столичныхъ корпусахъ, съ тою только разницею, что при обѣдѣ воспитанниковъ, по требованію директора Бородина, должны были присутствовать все офицеры. Впрочемъ подобное правило оставалось обязательнымъ не долго и потомъ при кадетскомъ обѣдѣ находились только желающіе, по преимуществу ротные командиры.

Съ наступленіемъ весны, жизнь кадетъ нѣсколько оживилась. Въ свободное время ихъ выпускали для прогулки и игръ въ небольшой садъ, находившійся между корпусными флигелями и манежемъ. Тамъ были поставлены качели, столбы для гигантскихъ шаговъ и гимнастическія машины. Игры, существовавшія въ другихъ корпусахъ, весьма скоро ввелись и въ новомъ. Городки, лапта, большіе пузырячатые мячи, подбрасывать которые ногою выучилъ кадетъ учитель рисованія Аберда,—все это сдѣлалось любимымъ препровожденіемъ времени. Не малое развлеченіе доставляли кадетамъ ученья учебнаго карабинернаго полка, производимыя на корпусномъ плацу. Особенно интересовали ученья съ порохомъ и церемоніальный маршъ, подъ превосходный хоръ полковой музыки. Иногда командиръ полка приказывалъ ему играть въ саду, собственно для кадетъ. Случалось, что вслѣдъ за полкомъ, пристраивали кадетскую роту, чтобы пропустить ее подъ музыку, что производило общую радость.

Сказанное выше о классной части дополнимъ свѣдѣніями изъ отчета о состояніи Военно-учебныхъ заведеній, за 1834 годъ, представленнаго Главнымъ начальникомъ Государю Императору. Въ немъ относительно Новгородскаго корпуса сказано: 1) Сообразно съ познаніями поступившихъ въ кадеты, они были сначала раздѣлены по классамъ примѣрно и только послѣ произведеннаго экзамена, изъ нихъ образованы 1, 2, 3 и 4-ый нижніе классы. 2) Первый экзамень, начатый 1-го и оконченный 18-го іюля, былъ сдѣланъ съ тою цѣлью, чтобы точнѣе узнать способности и знаніе каждаго и соответствен-

нѣе раздѣлить ихъ по классамъ. За тѣмъ годичный экзаменъ долженъ происходить въ мартѣ слѣдующаго 1835-го года. 3) Для вѣрнѣйшаго узнанія кадетъ, въ Новгородскомъ кадетскомъ корпусѣ введены списки по каждому предмету, висящіе на стѣнѣ каждаго класса. Въ нихъ выставляются средніе баллы кадета за каждую четверть учебнаго года; по прошествіи же года и болѣе, будутъ означаться средніе годовые баллы воспитанника и такимъ образомъ можно будетъ видѣть не только настоящіе успѣхи каждаго кадета, но даже и тѣ, которые онъ дѣлалъ во все время пребыванія своего въ корпусѣ. Покуда былъ инспекторомъ Божеряновъ, это правило строго соблюдалось.

Въ первый годъ существованія корпуса, въ число его офицеровъ поступили:

Ямбургскаго уланскаго полка, штабъ-ротмистръ князь М. Д. Назаровъ.

Мекленбургскаго карабинернаго полка штабъ-капитанъ Шредеръ и подпоручикъ артиллеріи М. П. Шубинъ 2. Всѣ они были выпущены изъ 1-го кадетскаго корпуса. Шредеръ оставался въ корпусѣ менѣе полутора года и ничѣмъ себя не заявилъ. Князь Назаровъ былъ потомъ командиромъ не-ранжированной роты.

Въ концѣ 1834-го года всѣ столичныя, а также какъ учрежденныя такъ и предполагаемыя въ учрежденію корпуса, Высочайше повелѣно было раздѣлить на разряды. Новгородскій гр. Аракчеева кадетскій корпусъ, состоялъ въ 1-мъ разрядѣ, составляя 4-й его баталіонъ.

Обмундированіе кадетъ было слѣдующее:

Мундиръ—темнозеленаго сукна, съ краснымъ, воротникомъ, обшлагами и клапанами на рукавахъ и темнозеленою вокругъ воротника выпушкою. Галунъ нашивался только на клапанахъ рукавовъ.

Куртка темнозеленая, съ краснымъ воротникомъ и обшлагами темнозелеными, безъ клапановъ.

Шинели—темносерые, съ краснымъ воротникомъ.

Брюки при мундирѣ,—темнозеленыя съ краснымъ кантомъ; при курткѣ—сѣрые безъ кантовъ.

Шуовицы—желтыя съ гербомъ.

Кивера—съ гербами въ полукругломъ сіяніи.

Поюны—темнозеленыя, съ красною выпушкою и съ желтою высѣчкою Г. А.

Въ 1835 году, 9 мая послѣдовало Высочайше утвержденіе Положенія о Новгородскомъ графа Аракчеева кадетскомъ корпусѣ, со штатомъ, въ составѣ четырехъ ротъ: одной гренадерской, двухъ мушкетерскихъ и одной неранжированной, по 100 кадетъ въ каждой, (въ томъ числѣ 1 фельдфебель и 9 унтеръ-офицеровъ). Обязанности чиновъ корпуса, раздѣленіе ротъ на отдѣленія и возрасты и фронтное образованіе, поставлены на одни основанія съ прочими корпусами. Воспитанниковъ, окончившихъ курсъ наукъ и удостоиваемыхъ производства въ офицеры, положено отправлять въ Петербургъ, въ дворянскій полкъ, для усовершенствованія по фронтной службѣ, а впослѣдствіи, когда дворянскій полкъ преобразуется, то и для окончанія наукъ:

По штату положалось:

Директоръ корпуса, генералъ 1

Штабъ-офицеровъ 2

(баталіонный командиръ и младшій штабъ-офицеръ)

Капитановъ (ротныхъ командировъ) 4

Штабъ-капитановъ 4

Поручиковъ 14

(въ томъ числѣ: адъютантъ, полицеймейстеръ, казначей, онъ же и смотритель лазарета)

Инспекторъ классовъ 1

Его помощникъ 1

Медиковъ 2

Правитель дѣлъ 1

Его помощникъ	1
Архитекторъ	1
Экономъ	1
Его помощникъ	1

Въ служительской ротѣ:

Оберъ-офицеровъ	2
Фельдфебель	1
Унтеръ-офицеровъ	10
Рядовыхъ	160

На ежегодное содержаніе корпуса, по штату и табели, ассигновано было 247.296 рублей $39\frac{1}{4}$ в. ассигнаціями. Сумму эту, за исключеніемъ 12.040 р. $55\frac{3}{4}$ в. слѣдующихъ отъ комиссаріата, опредѣлено отпускать изъ процентовъ съ корпуснаго капитала, изъ доходовъ съ Грузинскаго имѣнія и изъ особыхъ источниковъ, по Высочайшимъ назначеніямъ *).

Изъ представленнаго за 1834 годъ годоваго отчета видно, что генераль Бородинъ, въ первый же годъ своего управленія корпусомъ, обезпечилъ его полнымъ устройствомъ. Кровати, бѣлье, столовая и классная мебель были заготовлены на двѣ роты, вольными мастерами по подряду, а остальное было потомъ дополнено въ корпусныхъ мастерскихъ. При всѣхъ расходахъ новаго обзаведенія и устройства, корпусъ имѣлъ въ первый же годъ 27.410 руб. собственнаго экономическаго капитала и кромѣ того: 1) Остаточной суммы отъ некомплекта воспитанниковъ—100 тыс. 2) За проданныя вещи, переданныя изъ ресторацій округовъ пахотныхъ солдатъ—2.510 руб. и 3) Капитала, пожертвованнаго гр. Аракчевымъ, 300 тыс. Всѣ эти суммы, на основаніи иструженія объ управленіи Грузинскимъ имѣніемъ, хранились въ билетахъ сохранный казны, въ департаментѣ военныхъ поселеній.

*) Полн. Сбор. Зак. Томъ XI № 9.151.

На устройство и обзаведеніе корпуса, на содержаніе какъ кадетъ, такъ и служащихъ, въ 1834 году, было издержано 162.047 руб. 50 коп. и каждый воспитанникъ обошелся правительству въ 2.187 р. 30 к. Подобный, бросающійся въ глаза, расходъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ, хотя и показанъ въ годовомъ отчетѣ, потому что въ сумму расхода введено все заготовленное на 400 кадетъ, а раздѣлена она на 75 воспитанниковъ, бывшихъ на лицо при составленіи отчета *). Въ послѣдующіе года содержаніе кадета обходилось среднимъ числомъ по 700 руб. асс., а въ 40-хъ годахъ, съ переводомъ курса на серебро, колебалось отъ 215 до 280 р., въ 50-хъ годахъ равнялось 318, и въ шестидесятыхъ достигло 400 руб.

Въ слѣдующемъ 1835 году корпусъ былъ впервые осчастливленъ посѣщеніемъ Государя Николая 1-го, вмѣстѣ съ Великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Это было 27-го апрѣля, въ ясный весенній день, между 2 и 3 часами дня. Государя ожидали съ утра: возлѣ того-же дома, гдѣ останавливался при открытіи корпуса Великій князь, съ полудня стоялъ почетный караулъ отъ учебнаго полка и при немъ съѣхавшіеся изъ окрестностей генералы. Все это возбуждало дѣтское любопытство кадетъ, которыхъ своевременно повели къ обѣду, во время котораго прискакалъ передовой фельдъегерь. Кадеты моментально разбѣжались по камерамъ и стали у своихъ кроватей, гдѣ пришлось прождать полчаса. Они показались очень долгими, такъ рвались юные сердца впервые увидать своего Монарха. Несмотря на запрещеніе никому не выглядывать въ корридоръ, находились смѣльчаки, взбиравшіеся при малѣйшемъ шумѣ на высокіе подоконники, въ надеждѣ первыми взглянуть на Царя. Само собою разумѣется, что въ этотъ день чистота камеръ была доведена до совершенства. Кадеты въ

*) Годовой отчетъ штаба военно Уч. Зав. за 1834 г.

новыхъ съ иголки курткахъ, бѣлье какъ снѣгъ съ пунцовыми каймами одѣяла, чистые и разглаженные чехлы на изголовьяхъ, полы наложенные какъ зеркало,—все это придавало праздничный видъ заведенію. Въ ожиданіи прибытія Государя, то одинъ, то другой изъ начальства, входилъ въ камеры, съ различными торопливыми подтвержденіями и приказаніями. Офицеры въ своихъ отдѣленіяхъ то репетировали какъ отвѣчать Государю, то повѣряли выправку; одному приказывали еще разъ пригладить волосы, другому обтянуть куртку, третьему—показать чисть-ли у него платокъ и т. п. Наконецъ, сначала отдаленный, а потомъ все ближе и яснѣ слышный шумъ нѣсколькихъ экипажей, прекратилъ ожиданіе. Передовая коляска остановилась у корпуснаго крыльца: въ ней были Государь съ Великимъ княземъ. Они вмѣстѣ вошли въ камеру 1-го отдѣленія. Прежде чѣмъ поздороваться, Его Величество окинулъ взглядомъ кадетъ: они, казалось, затаили дыханіе отъ желанія услышать его голосъ, поймать его взглядъ. Кто испытывалъ на себѣ этотъ магическій взглядъ, тотъ понимаетъ значеніе этихъ словъ и не сочтетъ сказанными для фразы. Государь поглядѣлъ веселымъ, съ отраженіемъ удовольствія на лицѣ. Первыми его словами были: «Здравствуйте дѣти!» Кадеты радостно и дружно отвѣтили. Проходя въ слѣдующую спальню, Его Величество обратилъ вниманіе на наложенный полъ и не прошелъ, а прошаркнулъ по немъ какъ по льду, отставляя по полу слѣдъ, отъ запыленныхъ въ дорогѣ сапогъ.

«Вы такъ не катайтесь»,—сказалъ онъ, обращаясь къ кадетамъ и затѣмъ указывая на директора Бородина, прибавилъ—«а то онъ разсердится».

Въ третьей камерѣ Государь похвалилъ выправку, говоря: «они стоятъ молодцами, не хуже петербургскихъ»; останавливался, спрашивалъ фамиліи, гдѣ служилъ отецъ, привыкли ли въ корпусѣ? и проч. У нѣкоторыхъ кроватей Императоръ отодвигалъ подушки, или отвертывалъ одѣяла, чтобы видѣть

чистоту бѣлы и качество тѣстоваго. При вхождѣ въ столовую, экономя Шиншмодинъ поднесъ пробную порцію, но Его Величество отстранилъ его рукою, сказавъ: «Не надо, я въ другой разъ попробую твою стряпню изъ кадетской тарелки».

Въ столовой залѣ были собраны всѣ учителя, съ инспекторомъ во главѣ ихъ. Последняго Государь спросилъ: сколько открыто классовъ, каковъ уровень познаній и соответствуетъ ли онъ возрастамъ, пополненъ ли комплектъ учителей?

Изъ столовой Государь прошелъ въ рекреационный залъ, гдѣ обратилъ вниманіе на превосходный портретъ, во весь ростъ, Императора Павла, переданный изъ Грузина, а оттуда черезъ манежъ въ церковь. Возвращаясь тѣмъ же путемъ, Его Величество прошелъ къ сосѣднему дому, гдѣ стоялъ почетный караулъ и гдѣ былъ приготовленъ, заранѣе прибывшею походною кухней, обѣдъ. Къ Высочайшему столу были приглашены: директоръ, баталіонный командиръ и инспекторъ. Сряду послѣ обѣда поданы были дорожные экипажи. Кадетамъ дозволено было выдти къ подъѣзду; они окружили коляску Государя. Садясь въ нее, Его Величество благодарилъ директора за здоровый видъ мальчиковъ, за ихъ выправку и порядокъ въ корпусѣ и затѣмъ сказавъ: «Досвиданія дѣти» — уѣхалъ. Великій князь остался въ корпусѣ.

Весь слѣдующій день Его Высочество употребилъ на подробный осмотръ заведенія. Въ 7 часовъ утра, 27 апрѣля, онъ съ Ростовцевымъ вошелъ въ столовую во время завтрака, состоявшаго изъ кружки збитня съ булкою. Во время приготовительныхъ часовъ, Великій князь обошелъ корридоръ подвального этажа, кухню, пекарню, цейхгаузъ, прошелъ напрачешный дворъ, осмотрѣлъ всѣ свободныя помѣщенія будущихъ ротъ и заготовленную въ нихъ для слѣдующихъ пріемовъ мебель. Въ 9 часовъ онъ посѣтилъ классы, гдѣ оставался до ихъ окончанія, потомъ присутствовалъ при одиночномъ ученіи и при обѣдѣ кадетъ. Всѣмъ осмотрѣннымъ Его Высочество остался вполне доволенъ.

Въ 6 час. вечера приказано было привести весь старшій влассъ и человекъ по 10 изъ прочихъ, на квартиру Великаго князя, въ вечернему чаю. Кромѣ директора и инспектора, никого изъ начальства при этомъ не было. Цѣль-же подобнаго приглашенія было желаніе Михаила Павловича видѣть кадетъ ближе и разговоромъ съ ними испытать ихъ развитіе. Онъ приказалъ имъ не стѣсняться, идти въ садъ, разсматривать развѣшенные по комнатамъ гравюры, разговаривать между собою и вообще дѣлать кто что хочетъ. Сначала подобная свобода показалась странною; кадеты конфузились, но когда начали разносить чай и появились подносы съ сухарями, все оживилось, начался говоръ, образовались группы. Великій князь сидѣлъ у стола съ генераломъ Набоковымъ и все время говорилъ съ тѣми изъ кадетъ, которые были ближе, задавая имъ вопросы въ слѣдующемъ родѣ:

«Слыхаль-ли что нибудь о Дмитріи Донскомъ?—и получивъ отвѣтъ, что слыхаль, прибавлялъ,—расскажи-ка намъ что ты о немъ знаешь?»

Кадеты изъ любопытства обнаружали рассказчика и кто нибудь изъ нихъ вдругъ получалъ отъ Великаго князя новый вопросъ:

«Какъ ты думаешь, вездѣ-ли теперъ вечеръ?» или: «Отчего лѣтомъ тепло, а зимой холодно?» и т. д.—все въ этомъ родѣ.

Отвѣты большею частью были удачные, что видимо радовало Его Высочество. Конечно подвертывался ему на глаза и старался быть поближе тотъ, кто больше на себя надѣялся. Это не укрылось отъ Великаго князя, такъ что онъ сказалъ кадету—Веревкину 2-му, желавшему иногда отвѣчать за другаго, если онъ запинаяся:—«Я знаю, что ты боевъ, ступай пить чай»—и вслѣдъ затѣмъ подзывалъ кого нибудь изъ бывшихъ въ отдаленіи.

Такого-же рода испытаніе продѣлывалъ Я. И. Ростовцевъ въ другой комнатѣ, съ другою группою; всякому вопросу

онъ давалъ шуточную форму, что именно правилась кадетамъ, толпою окружавшимъ его.

Такія, такъ сказать, семейныя отношенія Великаго князя ко всей массѣ воспитанниковъ, только и были возможны въ корпусѣ, постановленномъ въ условія Новгородскаго, гдѣ ни служебныя обязанности, ни этикетъ двора, ни отношенія къ обществу, не отвлекали Его Высочество. Вотъ почему онъ и говаривалъ, что поѣздки въ Новгородскій корпусъ составляютъ для него отрадный отдыхъ.

Вновь сформированную въ 1835 г. 2-ую роту принялъ капитанъ **Брянновъ**, 1-ая же рота поступила въ командованіе капитана **Воцинина** и перешла въ правое крыло корпуснаго зданія. Съ этого времени служба офицеровъ сдѣлалась гораздо труднѣе; имъ приходилось дежурить вдвое чаще, покуда не начали прибывать новые офицеры, по составу двухъ ротъ. Таковыми были: 2-го Сапернаго баталіона подпоручикъ **Гонольдъ**.

Подпоручики артиллеріи: **Нейманъ 2-й** и **Шубинъ 1-й**.

Гренадерскаго Генералиссимуса князя Суворова полка поручикъ **Лихачевъ**.

Изъ учителей въ томъ же году поступили: **Габлеръ** (вмѣсто уволеннаго Рея)—французскаго языка, остававшійся въ корпусѣ только 3 мѣсяца.

Каменскій—Викторъ Ивановичъ,—математики.

Нюккеръ—Антонъ Николаевичъ (прусскій подданный)—французскаго и нѣмецкаго языковъ.

Нотъ—изъ 2-го курса студентовъ петербургскаго университета,—французскаго языка.

Мерцаловъ—географіи и русскаго языка.

Збергардъ (сынъ)—танцованія.

Градде (прусскій подданный)—чистописанія *).

*) Черезъ полгода былъ уволенъ за беспокойный характеръ (см. Списокъ служащихъ).

Въ 1836 г. въ составу офицеровъ прибавились:

Изъ полка Фельдмаршала князя Кутузова, поручикъ **Калигинъ**, оставшійся въ корпусѣ всего годъ.

Ростовскаго гренадерскаго полка штабсъ-капитанъ **Огаревъ**.

Гренадерскаго графа Румянцева—Задунайскаго полка, подпоручикъ **Деллингаузенъ**.

Подпоручикъ артиллеріи **Піотровскій**.

Въ томъ же году комплектъ учителей пополнился слѣдующими:

Изъ уѣзднаго училища переведенъ **Власовъ**. Онъ преподавалъ русскій языкъ только въ младшемъ классѣ, и какъ прослужившій уже 28 лѣтъ, черезъ 2 г. вышелъ въ отставку.

День—учитель французскаго языка, поступилъ изъ московской гимназіи и пробылъ въ корпусѣ 3 года.

Шелковниковъ, Иванъ Ивановичъ, учитель танцованія и потомъ русскаго языка въ младшихъ классахъ.

Никольскій, приглашенъ изъ профессоровъ Нѣжинскаго лицея, гдѣ уже выслужилъ пенсію въ 25 лѣтъ. Ему было предоставлено преподаваніе исторіи и русской словесности.

Изъ этого перечня видно, что большая часть наступившихъ учителей была приглашена для низшихъ классовъ неранжированной роты; только Никольскій составлялъ исключеніе и былъ вызванъ потому, что Орнатскому, занятому тремя предметами, трудно было преподавать одному въ **своихъ** отдѣленіяхъ старшаго класса.

9-го августа 1836 г. Новгородскій корпусъ удостоился вторичнаго посѣщенія Государя, но ранѣе, весною, именно 9 мая, въ немъ былъ Великій князь Михаилъ Павловичъ. Оба высокіе посѣтителя остались вполне довольны всѣмъ виденнымъ.

Въ это время уже сформировалась неранжированная рота, а 1-й и 2-ой были выданы ружья, но ни Государь, ни Великій князь фронтоваго смотра не дѣлали. Войдя въ неранжиро-

ванную роту и увидя глѣбокаго, съ флажковаго, замѣчательно маленькаго по роста кадета Богданова. Его Высочество сказалъ ему: «Полѣзай на меня». Богдановъ, не долго думая, мигомъ взобрался на плеча Великаго князя. Михаилъ Павловичъ перекинувъ ноги Богданова черезъ свою шею, обошелъ съ нимъ всѣ камеры. Съ тѣхъ поръ Богданова прозвали *ранцемъ Великаго князя*, а для сокращенія, кадеты до самаго выпуска звали его просто—ранецъ.

Неранжированную роту получилъ штабсъ-капитанъ князь *Назаровъ*, человекъ чрезвычайно чадолубивый, добрый и по своему характеру вполне подходившій вести вновь поступающихъ мальчиговъ. Впрочемъ, и въ то время обращалось вниманіе на назначеніе новичковъ по ротамъ, сообразно ихъ возрасту, такъ что не всѣ прибывающіе поступали въ неранжированную роту, но нѣкоторые попадали прямо во 2-ю, изъ которой подростшіе переводились въ первую.

Въ Петербургѣ сознавали, что служба въ уединенной мѣстности не можетъ быть привлекательною и потому по возможности поддерживали и поощряли служащихъ въ корпусѣ офицеровъ и учителей. Всякое представленіе директора утверждалось. Состоялось распоряженіе, чтобы всѣхъ учителей, хотя бы и не имѣющихъ чина, полагать: преподающихъ науки—въ 9 классѣ, языки—въ 10, чистописаніе и рисованіе—въ 12. Инспекторъ классовъ Божеряновъ получалъ награды почти ежегодно: Государь былъ восприемникомъ всѣхъ его восьми дѣтей и жаловалъ каждому подарки изъ кабинета. Баталіонный командиръ Струмилло, черезъ годъ по назначеніи, былъ произведенъ въ полковники, а въ слѣдующемъ году получилъ 2000 десятинъ земли. Щедрость наградъ въ первые годы доходила до того, что въ столичныхъ корпусахъ говорили: «чтобы получать награды, надо переходить въ Новгородскій».

Въ началѣ 1837-го года директоръ Бородинъ заболѣлъ; въ февралѣ онъ уже не выходилъ, а въ мартѣ просилъ уволить его отъ должности, почему и былъ отчисленъ съ состояніемъ

по Военно-учебнымъ заведеніямъ. Это была утрата незамѣ-
нимая. Къ какой мѣрѣ Александръ Ивановичъ Бородинъ честно
и добросовѣстно трудился для корпуса, какъ онъ искренне
любилъ кадетъ, видно изъ послѣдняго, прощальнаго его при-
каза, отданнаго 16 марта 1837-го года. Приводимъ изъ него
извлеченія.

«Крайній болѣзненное состояніе заставило меня прежде-
временно разстаться съ заведеніемъ, устройство котораго было
довѣрено мнѣ Монархомъ. Осчастливленный такимъ поруче-
ніемъ Государя Императора, я ревностно, сколько силъ мо-
ихъ было, старался доставить новому корпусу все необходимое
для прочнаго устройства, ввести неизмѣнный порядокъ, уста-
новить направленіе и ходъ воспитанія дѣтей и указать образъ
дѣйствій ихъ начальникамъ. Я не смѣю, и не долженъ все
это приписывать себѣ одному. Въ душѣ моей навсегда сохра-
нится признательная память о моихъ сотрудникахъ, раздѣ-
лявшихъ труды общаго нашего святаго дѣла. Въ продолженіи
трехъ-лѣтняго моего управленія корпусомъ, всѣ посѣщенія, кото-
рыми осчастливливали насъ, какъ Государь Императоръ, такъ
и Главный начальникъ, Великій князь Михаилъ Павловичъ,
ознаменовались особымъ, милостивымъ вниманіемъ; каждый
разъ я испытывалъ невыразимое удовольствіе лично при-
нимать ихъ лестные отзывы. Искренне, отъ полноты сердца,
желаю, чтобы корпусъ и впредь заслуживалъ такое-же и еще
большее благоволеніе».

«Любезные дѣти! По чувствамъ моимъ къ вамъ и по
любви, которая легче сознать чѣмъ высказывать, тяжело
мнѣ разстаться съ вами. Доброю своею волею и неуклоннымъ
стремленіемъ къ утвержденію въ себѣ чести, наконецъ—ис-
полненіемъ въ точности дѣлаемыхъ вамъ ближайшими началь-
никами наставленій, вы каждого заставили полюбить себя ду-
шевно».

«Простите мнѣ дѣти, что я не въ состояніи придти къ
вамъ, поблагодарить васъ, побесѣдовать съ вами быть можетъ

въ послѣдній разъ. Тяжкая болѣзнь, не смотря на все мое желаніе, не позволяетъ мнѣ исполнить это. Чувствую, что я не въ состояніи бы былъ перенести прискорбнаго для меня разставанія съ вами. Примите черезъ этотъ приказъ, мое заочное прощанье и запечатлѣйте въ сердцахъ вашихъ немногіе слова, которыя въ послѣдній разъ и на всегда завѣщаю вамъ. Умоляю васъ друзья мои, дорогіе моему сердцу кадеты! Будьте всегда такими-же добрыми, честными и благородными, какими вы были при мнѣ; будьте внимательны къ вашимъ начальникамъ и наставникамъ, принимайте сердцемъ и исполняйте въ точности все вамъ внушаемое; будьте прилежны къ наукамъ, благородны и честны въ поступкахъ, не по наружности одной, но по искренности душевныхъ чувствъ, по сознанію чистой совѣсти. Помните, что съ юности вы должны приучать себя къ неуклонному выполненію своихъ обязанностей, къ порядку, повиновенію и дисциплинѣ, дабы впослѣдствіи быть полезными себѣ и отечеству и содѣлаться вѣрными и достойными слугами своего Государя!»

Въ этомъ приказѣ вполне выразилось то направленіе воспитанія, которое было дано Бородинымъ новгородскимъ кадетамъ его времени. Послѣдующая жизнь и служба ихъ показали, что они исполнили завѣтъ своего перваго директора, и за ничтожными быть можетъ исключеніями, оправдали его надежды.

Если бы генераль Бородинъ относился къ интересамъ корпуса и пользѣ кадетъ съ меньшею горячностью и сердечностью, встрѣчалъ бы менѣе противодѣйствія въ отношеніи корпусныхъ помѣщеній (о чемъ будетъ сказано ниже), со стороны тогдашняго директора департамента военныхъ поселеній, Клеймихеля, наконецъ если бы онъ пользовался большею поддержкою Я. И. Ростовцева, то, несомнѣнно, что крѣпкое его здоровье неразстроилось бы такъ быстро. Что отношенія между Бородинымъ и Ростовцевымъ были натянутыми, видно изъ ихъ переписки: «По мѣстному положенію корпуса» — писалъ Бо-

родинь, — «о всѣхъ неудобствахъ и дѣлаемыхъ затрудненіяхъ, я писалъ, и писалъ много, но ничего не послѣдовало. Наконецъ нынѣ послалъ вамъ новую просьбу — отвести мѣсто для кладбища, мѣсто покоя, мѣсто молчанія мертвыхъ, которые живыхъ, уже никакими доуками, беспокоить не будутъ» *).

Глава IV.

Второй директоръ генераль-маіоръ Петровскій. — Полное укомплектованіе кадетами и служащими. — Неудобства и выгоды избранной для корпуса мѣстности. — Польза уединенія. — Внутренняя жизнь въ корпусѣ. — Кадетскія развлечения. — Отпускъ къ роднымъ. — Духъ товарищества. — Учебная часть первыхъ годовъ. — Метода преподаванія учителя Ньюкера.

Послѣ Бородина, вторымъ директоромъ корпуса былъ генераль-маіоръ Петровскій. Онъ поступилъ на службу юнкеромъ въ 1804 году; черезъ четыре года былъ произведенъ въ корнеты, дѣлалъ 13 компаній всѣхъ воинъ, начиная съ 1805 по 1814 годъ и наконецъ участвовалъ въ польской войнѣ 1831-го года. Съ 1825-го года онъ командовалъ Тираспольскимъ конно-егерскимъ полкомъ и затѣмъ состоялъ по военно-учебнымъ-заведеніямъ. Старый кавалеристъ, участвовавшій въ 85 сраженіяхъ, это былъ въ полномъ смыслѣ добрякъ, никогда не готовившійся стать во главѣ воспитательнаго заведенія. Ко всему этому онъ встрѣтилъ въ лицѣ ближайшаго своего помощника, хитраго Струмиллу, сейчасъ-же понявшаго, съ чѣмъ имѣлъ дѣло. Ему нетрудно было овладѣть новымъ ди-

*) Письмо отъ 7 Февраля 1836 года.

ректоромъ и поставить его въ положеніе чловѣка, только по наружности носившаго это званіе. Струмилло, почти не стѣсняясь, показывалъ, даже передъ кадетами, что онъ главное лицо въ корпусѣ. Это неразъ порождало столкновенія между баталіоннымъ командиромъ и инспекторомъ, тактъ и сдержанность котораго только и были причиною, что ихъ отношенія не имѣли вліянія на воспитанниковъ. Петровскій, поставленный между этими лицами, представлялъ собою посредника, желавшаго угодить и тому и другому. Однако, несмотря на полный недостатокъ самостоятельности, кадеты любили Петровскаго, за его доброту, ласковость и заботливость о ихъ содержаніи *).

Въ 1837 году Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, по числу кадетъ, вступилъ въ полный комплектъ. По окончаніи годичнаго экзамена, въ маѣ мѣсяцѣ была сформирована гренадерская рота, изъ бывшихъ 1 и 2-й. Въ нее посулили лучшіе старшаго возраста и старшихъ классовъ, а первымъ ея командиромъ былъ капитанъ Воцининъ, вмѣсто котораго 1-ую роту принялъ штабсъ-капитанъ Нейманъ 1, а 2-ю, вмѣсто вышедшаго въ отставку капитана Брянова, — капитанъ Араловъ. Штабсъ-капитанъ князь Назаровъ продолжалъ командовать наранжированною ротою. Съ этого времени, въ строевомъ отношеніи, корпусъ представлялъ 6-ти взводный баталіонъ 3-хъ ротнаго состава.

Тогда же произошла перемѣна и по классной части. Бывшіе до того 6 низшихъ классовъ и 3 среднихъ, послѣ экзамена были переформированы въ 2 приготовительныхъ и 3 общихъ, изъ которыхъ каждый, кромѣ III общаго, былъ раздѣ-

*) По выходѣ въ 1840 году въ отставку, Петровскій посѣлился въ своемъ небольшомъ имѣніи, въ 10 верстахъ отъ Задонска. Отдавъ это имѣніе двумъ замужнимъ дочерямъ своимъ, онъ поступилъ въ монастырь, постригся въ монахи, передъ смертью былъ схимникомъ и умеръ 23 января 1867 года на 81 году своей жизни. Журналъ «Странникъ», июнь 1867 года.

ленъ на два параллельныя отдѣленія, такъ что всѣхъ отдѣльныхъ классныхъ комнатъ было 9, а съ переводомъ воспитанниковъ III общаго класса въ IV общій—10.

Доведеніе числа кадетъ до комплекта въ 400 человекъ, съ сформированіемъ гренадерской роты, потребовало добавленія офицеровъ. Поэтому въ 1837 году, были прикомандированы къ корпусу, для перевода въ него послѣ годичнаго испытанія:

Изъ гренадерскаго наслѣднаго принца прусскаго полка—штабсъ-капитанъ **Зарницкій**.

Того-же полка штабсъ-капитанъ **Петръ Ивановичъ Бугаковъ**.

Гренадерскаго принца Фридриха нидерландскаго полка—поручикъ **Кисляковъ**.

Люблинскаго полка-поручикъ **Вельчинскій**.

Кременчугскаго полка—поручикъ **Штефенсъ**.

Сибирскаго гренадерскаго полка—поручикъ **Карповъ**.

Бутырскаго полка—поручикъ **Бѣляевъ**.

Низовскаго егерскаго полка—поручикъ **Стоговъ**.

Артиллеріи штабсъ-капитанъ **Мирашевскій**.

Въ этомъ-же году къ числу учителей прибавились:

Изъ 2-го кадетскаго корпуса, **Ладанъ**—французскаго языка и **Гудима**—географіи. Оставиль-же корпусъ учитель танцованія **Эберггардъ**.

Въ первый же годъ существованія корпуса обнаружилось, что избранная для него мѣстность имѣетъ много неудобствъ для служащихъ въ немъ. Отсутствіе малѣйшаго признака торговли заставляло, за всякою мелочью домашняго быта, ждать случая посылки, за 28 верстъ, въ Новгородъ. Въ существовавшей при штабѣ округа пахатныхъ солдатъ мелочной лавкѣ, можно было купить только то, что удовлетворяло потребность солдата или крестьянина. Это было поводомъ къ распоряженію директора Бородина, объ отпускѣ всѣмъ служащимъ, изъ кадетской кухни, бѣлаго хлѣба и обѣдовъ, по той стоимости, во что они обходятся казнѣ. При такомъ положеніи, офицеры

и учителя поневолѣ пріучились къ неприхотливости и экономіи. Поѣздка каждаго изъ нихъ въ Новгородъ, была для остальныхъ радостнымъ событіемъ; будущаго заваливали порученіями. Одинъ просилъ привезти чаю, другой шапку для сына, третій башмаки дочери. Особенно обязательны относительно порученій были: Н. Е. Араловъ и И. И. Шелковниковъ, дававшій въ Новгородѣ уроки танцованія.

Неудобство, испытываемое служащими, съ лихвою окупалось той пользой, которую представляло уединеніе корпуса воспитанію и образованію кадетъ. Долго въ немъ держались тѣ патриархальныя, семейныя отношенія кадета къ офицеру и учителю, которыя нравственно вліяли на юношей гораздо болѣе, чѣмъ официальные методы и правила. Долго Новгородскіе кадеты были чужды тѣмъ привычкамъ и шалостямъ, которые получили гражданство въ столичныхъ корпусахъ. Съ другой стороны, тѣ-же офицеры и учителя, неимѣя ни постороннихъ знакомствъ и занятій, не имѣя никакихъ развлеченій, находили его единственно въ стѣнахъ заведенія. Всякая свободная минута проводилась ими среди кадетъ, гдѣ бы они ни были, и приносила пользу, потому что кадеты видѣли въ своихъ офицерахъ и учителяхъ людей нравственныхъ, преданныхъ долгу, желающихъ не только по обязанности, но и по любви къ нимъ, даже въ частныхъ разговорахъ и бесѣдахъ, принести пользу и словомъ и примѣромъ. Входя въ возрастъ, кадеты конечно не могли не замѣчать въ этихъ людяхъ нѣкоторыхъ недостатковъ или смѣшныхъ сторонъ, не могли воздержаться отъ резюмированія той или другой странности. Столь сродная юношескому возрасту насмѣшка, высказывалась или гласно, или въ видѣ письменной сатиры, но никогда не имѣла характера ненависти и озлобленія. Кадеты въ большинствѣ любили и уважали офицеровъ и учителей перваго состава.

Съ увеличеніемъ числа кадетъ, офицеровъ и учителей, внутренняя жизнь съ каждымъ годомъ дѣлалась хотя нѣсколько разнообразнѣе и веселѣе.

Въ ротахъ явились желающіе учиться музыкѣ, на различныхъ инструментахъ, для чего кадеты на свой счетъ нанимали учителей изъ музыкантовъ учебнаго полка. Особенные успѣхи въ этомъ отношеніи оказали кадеты: Балъ—на кларнетѣ, Перегудовъ и Храневичъ—на флейтѣ, Кондратовъ—на скрипкѣ. *) Кромѣ того, къ веснѣ 1836 г. образовался очень порядочный хоръ пѣвчихъ, въ которомъ солистами были: Дуве, Польшманъ, Мельницкій и Арбузовъ. Обученіе пѣвчихъ добровольно и безвозмѣдно принялъ на себя сначала Д. Н. Орнатскій, а потомъ діаконъ Сперанскій. Хотя послѣ превосходнаго хора пѣвчихъ учебнаго полка, для всякаго кадетскій хоръ казался бы мизернымъ, но кадеты въ то время не замѣчали разницы и были очень довольны своимъ.

Для указанія, въ какой мѣрѣ все касающееся корпуса было близко учителямъ и родственникамъ кадетъ, упомянемъ, что вся обѣдня, въ нѣсколькихъ экземплярахъ и большая часть нотъ была переписана рукою Орнатскаго, при помощи сестры кадета Арбузова **).

Еще большее участіе воспитателей того времени къ кадету доказываетъ то, что семейные офицеры и многіе учителя, по праздникамъ, брали лучшихъ учениковъ къ себѣ въ отпускъ, сряду послѣ обѣдни и оставляли до вечерней зори. Не семейные-же, какъ напр. Орнатскій, Ньюкерь, Юргенсъ Нотъ и Каменскій, почти каждое воскресенье приходили къ

*) Замѣчательно, что желаніе заниматься музыкою появилось въ Новгородскомъ корпусѣ годомъ раньше приказа по военно-учебнымъ заведеніямъ, въ которомъ Великій князь писалъ: «Въ подвѣдомственныхъ мнѣ военно-учебныхъ заведеніяхъ не поощряется занятіе музыкою. Она, какъ и всякое изящное искусство, возвышаетъ духъ человѣка, даетъ ему средство быть пріятнымъ въ обществѣ, а въ грустныя минуты жизни служить иногда утѣшеніемъ... и т. д.». Затѣмъ предписывалось помогать желающимъ учиться на инструментахъ, отводить особыя комнаты, изготовить для этого столы и пюпитры, давать мѣсто для храненія и сбереженія инструментовъ. *Приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ 2 Февраля 1836 г. № 49.*

**) Госпожа Арбузова впоследствии была замужемъ за адмираломъ Зеленымъ.

кадетамъ: одни—прочестъ вслухъ что либо интересное и забавное, поучительное, другіе—собирали человѣкъ по 15 и болѣе и, съ разрѣшеніи директора, отправлялись съ ними гулять по берегу рѣки, или въ лѣсъ. Въ хорошую погоду подобныя чтенія и рассказы происходили въ саду, гдѣ собравшаяся группа садилась въ кружокъ, на траву, съ учителемъ въ серединѣ, и съ жадностью слушала его. Прогулки въ лѣсъ или деревню особенно любили Нюккеръ и Нотъ. Дорогою кадеты, кто какъ умѣлъ, болтали съ ними по французски или по нѣмецки, слушали рассказы о заграничной жизни, бѣгали въ запуски, прыгали черезъ канавы, собирали полевые цвѣты и незамѣтно уходили отъ корпуса верстъ за 8, въ какуюнибудь деревню, гдѣ обыкновенно дѣлали приваль; тутъ учитель покупалъ нѣсколько крынокъ молока и нѣсколько фунтовъ чернаго хлѣба и угощалъ своихъ спутниковъ, съ которыми, въ томъ-же непринужденномъ порядкѣ, возвращался къ ужину въ корпусъ.

Кромѣ этого, для развлеченія кадетъ, въ корпусѣ устраивали спектакли, сначала вполнѣ домашніе, но потомъ развившіеся до того, что въ одной изъ залъ гренадерской роты была устроена постоянная сцена. Главными распорядителями этой забавы были: капитанъ Араловъ и учитель танцованія Шелковниковъ. Первый занимался декоративною частью и костюмами, второй режисировалъ и бралъ на себя тѣ роли, которыя были потруднѣе, неисключая даже женскихъ. Первою игранною въ корпусѣ пьесю былъ водевиль «Сентябрьская ночь», сочиненіе П. Каратыгина. Она была выбрана по совершенному отсутствію женскихъ ролей. Тогда же давали дивертисментъ, въ которомъ фельдфебель Дуве пѣлъ воинственные куплеты, кадеты же Польманъ и Цвѣдинскій, *) изображали въ лицахъ, модный въ то время романсъ «Не шей ты мнѣ матушка, красный сарафанъ».

*) Впослѣдствіи Генералъ-адъютантъ, умершій въ 1881 г.

Первый опытъ театральнаго представленія при постороннихъ зрителяхъ, пришелся по вкусу какъ начальству, такъ и кадетамъ. Учителя и офицеры охотно посѣщали спектакли, вмѣстѣ съ своими семействами; кадеты ждали театра какъ праздника. Лучшими актерами были: Дуве, Балкъ, Пальманъ, Веревинъ, Вельяшевъ, Мельницкій и Ушаковъ. Чѣмъ чаще давались представленія, тѣмъ выборъ піесъ дѣлался смѣлѣе и разнообразнѣе, и доходило до того, что брались за драмы: Иголкинъ, Костромскіе лѣса, Русскій человекъ добро помнитъ и проч. Какъ исполнялись онѣ, припомнить теперь трудно, но тогда вѣроятно нравились, потому что не многіе изъ зрителей видали лучшее. Между тѣмъ инспекторъ Божеряновъ замѣтилъ, что раздача ролей большею частью однимъ и тѣмъ-же, искусившимся въ лице-дѣйствіи, начала отзывать на ихъ классныхъ занятіяхъ. Чѣмъ успѣшнѣе шло представленіе, тѣмъ меньше и меньше оказывались баллы исполнителей. Это вызвало распоряженіе, чтобы роли раздавались не иначе, какъ съ разрѣшенія инспектора, что значительно затрудняло распорядителей и огорчало актеровъ.

Кромѣ театральныхъ представленій, по зимамъ, во время святокъ и масляной, устраивали балы, даже костюмированные. Последними распоряжался тотъ-же капитанъ Араловъ. Этого рода удовольствія были не только развлеченіемъ, но отчасти и поощреніемъ, потому что на балы допускали не всѣхъ, а только лучшихъ по классамъ и поведенію. Для первыхъ учениковъ костюмы брали на счетъ корпуса, прочіе должны были платить за нихъ. Обыкновенно, дня за два до маскарада, капитанъ Араловъ отправлялся въ Новгородъ и бралъ ихъ на прокатъ, у содержателя гостиницы Шмита. Отъ него привозили что попало; но тогда все казалось прекраснымъ. Кадеты являлись одѣтыми: испанцами, маркизами, арлекинами, цыганами и т. д. Нѣкоторые ухитрились замаскироваться мѣстными средствами, доставая кое что у семейныхъ офицеровъ и учителей, охотно принимавшихъ на себя заботу уго-

дять хорошему кадету своего отдѣленія, или лучшему ученику своего класса.

Но всѣ подобнаго рода развлечения немогли замѣнить собою той радости, которую ощущали кадеты съ приближеніемъ отпусковъ къ роднымъ, на праздники Рождества и Святой недѣли, а первые три года — и на лѣтвіе каникулы, съ половины іюня до начала августа. Такого рода отпуски были эпохами, и не было больше горя, какъ поддаться подъ наказаніе, не быть уволену въ подобный отпускъ. Нананунѣ увольненія, а иногда и дня за два до него, начинался съездъ родныхъ, или присылка родственниками кибитокъ и бричекъ, съ довѣренными слугами, чаще же съ старыми нянями, зимою, привозившими своимъ питомцамъ бѣлизну, валенки и платки, закутывать ихъ въ балаклавы, а зимой желѣзныхъ дорогъ небыло, а ѣзда по проселкамъ и дорожкамъ недопускалась, поэтому за всѣми присылками бѣлизны и сивокъ. Одинъ видъ кучера или слуги, въ которомъ котораго, собирающійся домой, родился и выросъ, производилъ послѣдняго въ кругъ родной семьи; а домобродячьи мяча, на которую онъ учился садиться еще ребенкомъ, производила отрадное впечатлѣніе. Хотя по положенію разрѣшено было увольнять къ роднымъ, живущимъ не далѣе 75 верстъ отъ корпуса *), но въ этомъ случаѣ разстоянія какъ то сокращались и по кадетскому дорожнику, версты считались по масштабу Екатериненскихъ временъ — семисотенныя. Многіе изъ увольняемыхъ брали съ собою, не имѣвшихъ родныхъ, товарищей. Послѣднее разрѣшалось только особенно хорошо учившимся, если родители приглашающаго присылали письменное заявленіе, что желаютъ имѣть у себя такого-то товарища своего сына или родственника.

То, что въ кадетахъ того времени существовало истин-

*) Рапортъ Ген. адъют. Сухозонета Великому князю, отъ 11 апрѣля 1834 г. № 2257.

ный духъ товарищества и чувства любви и участія другъ къ другу, доказывается фактами. Не мало между ними было та-кихъ, которымъ не начто было купить себѣ не только какое либо лакомство, но даже карандашъ, или листъ почтовой бу-маги на письмо къ матери. Стоило ему обратиться къ това-рищу и отказа никогда не было. Не было примѣра, чтобы тотъ, къ кому присылали или приносили гостинцы изъ дома, не подѣлился ими. Къ кому пріѣзжали на воскресенье родные (а у иныхъ они гостили недѣлями), тѣ всегда приглашали къ себѣ трехъ-четырехъ товарищей. Приведемъ, для примѣра, нѣсколько документальныхъ доказательствъ того, какъ новго-родскіе кадеты принимали близко къ сердцу, все касающееся товарища.

Приказъ по Новгородскому графа Аракчеева кадетскому корпусу, 26 іюня 1836-го года.

«Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ, прибывшая къ своимъ сы-новьямъ кадетамъ Подгурскимъ, мать ихъ, по неимѣнію средствъ, не могла возвратиться на мѣсто жительства, въ Екатеринославскую губернію. Старшій ея сынъ, Дмитрій Под-гурскій, видя положеніе матери, отдалъ ей на дорогу хранив-шійся у него полуимперіаль. Узнавъ объ этомъ, кадетъ Кон-дратовъ, сообщилъ товарищамъ своимъ: Василию Самсонову, Адаму Столповскому, Дмитрію Хвостикову, Павлу Карцову, Григорію Мальковскому и Павлу Ступишину, которые сложив-шись, собрали 50 р. и передали ихъ Г-жѣ Подгурской.

О столь похвальномъ поступкѣ было мною донесено Глав-ному начальнику Военно-учебныхъ заведеній, а Его Импера-торское Высочество довелъ до свѣдѣнія Государя Императора и кромѣ того, какъ бы желая самъ участвовать съ кадетами въ помощи ближнему, прислалъ Г-жѣ Подгурской, изъ собс-твенныхъ суммъ, 50 рублей, которые ей и отправлены. Пріят-ною обязанностію поставляю себѣ объявить искреннюю мою благодарность означеннымъ гг. кадетамъ и въ особенности Кондратову. Я надѣюсь, что и впредь, внушаемая воспитан-

никамъ ихъ начальствомъ правила долга, чести и товарищества, останутся на всегда въ ихъ сердцахъ и будутъ лучшими указателями на пути жизни.»

Приказъ отъ 2-го іюня 1839-го года.

«Вѣреннаго мнѣ корпуса, нѣкоторые изъ гг. кадетъ, видя бѣдное состояніе оказавшагося, по болѣзни, неспособнымъ къ службѣ и отправляемаго на родину товарища своего Эрнеста Подвысоцкаго, по единодушному согласію, насколько позволяли средства каждаго, сдѣлали ему на дорогу денежное пособіе. Въ этомъ похвальномъ дѣлѣ участвовали: Веревкинъ 1, Веревкинъ 2, Львовъ, Хвостиковъ, Дементьевъ, Старовъ, Викулинъ, Бартельмановъ, Карцовъ 1, Рыкачевъ 3, Самсоновъ, Дементьевъ 2, Лутохинъ и неизвѣстный.»

«Подобный поступокъ убѣждаетъ меня въ чувствительности сердець и въ участіи названныхъ кадетъ къ своему, изувеченному болѣзнею товарищу, за что я объявляю имъ мою благодарность и дѣлаю извѣстнымъ по корпусу.»

Несмотря на то, что корпусъ существовалъ уже четвертый годъ и былъ въ полномъ комплектѣ, его классная часть находилась еще въ какомъ то неопредѣленномъ состояніи. По ходу преподаванія было замѣтно, что у инспектора Божеянова все еще была надежда на окончаніе кадетами полного курса въ своемъ корпусѣ, потому что учителя, то затягивали курсъ, то вдругъ начинали торопиться. Съ началомъ каждаго учебнаго года ожидали приказанія въ слѣдующій везти старшій классъ въ Петербургъ; приказаніе не приходило и всѣ успокоивались, продолжали заниматься не ради сухаго выполненія программы, а основательно, съ любовью къ предмету и къ учащимся. Въ 1837 году введено было въ старшемъ классѣ преподаваніе естественныхъ наукъ. Это было возложено на младшаго доктора Филиппенко. Оригиналь, малоросъ по происхожденію и по манерамъ, онъ часто давалъ кадетамъ поводъ къ различнымъ про него анекдотамъ. Начиная первую лекцію ботаники, онъ говорилъ, что

она мать всѣхъ наукъ. Приступая къ зоологіи Филипченко старался доказать, что она мать наукъ; но когда черезъ годъ сказалъ тоже на первомъ урокѣ минералогіи, то кадетъ Вибулинъ остановилъ его и вставая, сказалъ:

«Это невѣрно Ефимъ Ивановичъ,—минералогія внука, потому что матерью была ботаника.»

Для того, чтобы по возможности яснѣе характеризовать учебную часть первыхъ годовъ существованія корпуса, рассмотримъ кто изъ учителей и какъ преподавалъ свой предметъ.

1) *Законъ Божій*. Курсъ состоялъ изъ Священной исторіи, катихизиса—Филарета (съ вопросами и отвѣтами) и изъ объясненій богослуженій православной церкви. Краткую исторію церкви ввели въ курсъ только въ 1840 году. Преподавателями были священникъ Малиновскій и діаконъ Сперанскій.

2) *По русскому языку* систематическаго курса никакого небыло и преподаваніе зависело отъ усмотрѣнія учителей. Въ младшихъ классахъ, учитель Мерцаловъ заставлялъ кадетъ только заучивать басни Крылова и описаніе финляндіи Батюшкова, начинавшіеся словами: «я видѣлъ страну близкую къ полюсу, сосѣднюю Гиперборейскому морю.» Кромѣ этого была еще въ ходу книга какого-то Гугеля, носившая названіе «Умственное развитіе», изъ котораго задавались статейки для заучиванія наизусть. Совсѣмъ иначе вели преподаваніе отечественнаго языка другіе преподаватели. Орнатскій не заставлялъ кадетъ ничего изучивать, даже грамматическихъ правилъ, но задавалъ темы для легенькихъ описаній, разбиралъ ихъ въ классѣ и по нимъ, а также по разбору лучшихъ писателей, училъ грамматику, а потомъ логику и въ послѣдній годъ передъ выпускомъ даже эстетику. Этимъ онъ развивалъ учениковъ умственно и литературно.

Помнится, что нѣкоторыя изъ сочиненій Веревкина 2, Машшевца, и Викулина, читанныя во время посѣщенія классовъ Я. И. Ростовцевымъ, замѣчательнымъ знатокомъ и

цѣнителемъ литературы, заслуживали особенное одобрение. Гуманное вліаніе Орнатскаго на кадета было такъ искренне тепло, что и теперь, по прошествіи полувѣка, ученики его вспоминаютъ о немъ съ сердечною привязанностію и благодарностію. Это вліаніе было высоко-правственное и честно-либеральное, не вольнующее, а сдерживающее правильное ихъ развитіе въ смыслѣ долга и чести.

Совершенно иной методъ преподаванія имѣлъ другой учитель русскаго языка, профессоръ Никольскій, человекъ обладавшій обширною классическою ерудиціею, но съ взглядами сильно устарѣвшими. Онъ, напримѣръ, не признавалъ поэзіи Пушкина, а ставилъ кадетамъ въ образецъ Ломоносова, заставлялъ учить аріи и свой переводъ въ стихахъ Энеиды Виргилія, и лиотрывки изъ своей собственной поэмы «Умъ и Рокъ». Несмотря на такое направленіе и усилившуюся въ профессорѣ нетрезвость, что было главною причиною его удаленія, кадеты очень любили и уважали его, не столько за многостороннѣе знаніе древняго міра, сколько за его правдивость и прямоту.

3) *Исторію* читали тѣ-же учителя Орнатскій и Никольскій и, кромѣ ихъ, въ началѣ не долго Каменскій, а потомъ Тарховъ. Системы тоже не было никакой, а руководствами служили Кайдановъ и Шульгинъ. Замѣчательно то, что Каменскій начиналъ преподаваніе русскоі исторіи съ царствованія Александра I и потомъ переходилъ къ Павлу I, Екаторинѣ II и т. д. до Петра Великаго, т. е. въ порядкѣ обратномъ естественному ходу событій. У Никольскаго болѣе всего занимали кадета его интересные рассказы о древнихъ грекахъ и римлянахъ. Тарховъ читалъ среднюю исторію. Онъ блистательно прочелъ пробную лекцію о крестовыхъ походахъ и повторилъ ее въ классахъ, причемъ въ началѣ увлекъ кадета своимъ краснорѣчіемъ, но скоро оно начало выдыхаться и наконецъ совсѣмъ изсякло. Онъ видимо размѣнался, въ чемъ кадеты окончательно убѣдились, встрѣтясь съ нимъ въ дворянскомъ полку, куда онъ пришелъ черезъ два года.

4) *Географію* преподавали: сначала тотъ же Орнатскій и Никольскій, но съ 1838-го года, первенствующее значеніе по этому предмету приобрѣлъ въ корпусѣ капитанъ Нейманъ, положившій въ основаніе своего предмета черченіе картъ. Оно доведено было имъ до мельчайшихъ подробностей и до изумительной вѣрности и красоты. Методъ Неймана былъ тогда нововведеніемъ, но потомъ упрочился и былъ принятъ повсемѣстно, благодаря его послѣдователямъ и ученикамъ, новгородскимъ вадетамъ, — извѣстнымъ преподавателямъ географіи: въ Петербургѣ—Пуликовскому, въ Москвѣ—Саванчееву, въ Киевѣ—Редрову, въ Нижнемъ Новгородѣ—Долгорукову и въ Полоцкѣ—Перегудову. Такимъ образомъ способъ преподаванія Неймана, былъ распространенъ во многихъ Военно-учебныхъ заведеніяхъ.

5) *Чистую математику*, т. е. арифметику, алгебру и геометрію, преподавали:—въ старшихъ классахъ: поручикъ Шубинъ 2 и Каменскій. Эти предметы были поставлены въ корпусѣ съ самаго начала очень хорошо. Особенно успѣшно велъ дѣло Каменскій. Онъ проходилъ курсъ, не торопясь и неоставляя ничего неразъясненнымъ, чѣмъ незамѣтно приучалъ учениковъ въ логической послѣдовательности и строгой правильности умозаключеній, черезъ что втягивалъ ихъ легко въ сферу математическихъ знаній. Кстати замѣтимъ, что Каменскій былъ настроенія нѣсколько мистическаго и часто говаривалъ на лекціяхъ о какомъ то таинственномъ значеніи алгебраическихъ формулъ и геометрическихъ фигуръ, но эти вводныя рѣчи не производили впечатлѣнія на молодые и трезвые умы его учениковъ. Въ доказательство этого приведемъ слѣдующій фавтъ.

Однажды Каменскій, увлекшись, выразился что математика наука божественная, а потому и всевидящее око изображаютъ въ треугольникѣ.

«А отчего же Викторъ Ивановичъ—спрашиваетъ одинъ изъ вадетъ,—въ деревняхъ на свинью надѣваютъ треугольники?»

Каменскій сначала хотѣлъ рассердиться и строго взглянуть

на шалуна, но потомъ сподойно отвѣчалъ: «Не всегда братецъ; вотъ напримѣръ на тебѣ я не вижу треугольника» *).

6) *Естественныя науки*: ботанику, зоологию и минералогію читалъ Филипченко очень пространно, но далеко не интересно, нисколько не отступая отъ сухаго текста учебниковъ.

7) Совершенно другое нужно сказать о преподавателѣ физики **Бартеневѣ**, который былъ и помощникомъ инспектора классовъ. Это былъ человекъ замѣчательно образованный, прекрасно владѣвшій своимъ предметомъ, весьма просто и ясно объяснявшій кадетамъ самыя сложные вопросы **).

8) *Иностранныя языки* имѣли превосходныхъ преподавателей въ лицѣ только двухъ учителей: К. А. Юргенса и А. Н. Ньюкера; всѣ же другіе, а ихъ было не мало, какъ то: Рей, Эйфлеръ, Ноть, Денъ, Фреронъ и даже Ладанъ—были заурядными. Но объ учителѣ Ньюкерѣ и его методѣ слѣдуетъ сказать подробно.

Ньюкеръ былъ главнымъ виновникомъ той репутаціи, въ отношеніи знанія языковъ, которою пользовались Новгородскіе кадеты первыхъ выпусковъ, сравнительно съ кадетами столичныхъ корпусовъ. При переводахъ въ дворянскій полкъ, это знаніе такъ удивляло Я. И. Ростовцева, что спустя 15 лѣтъ, онъ, такъ сказать, переманилъ Ньюкера во 2-ой кадетскій корпусъ, собственно для того, чтобы показать столичнымъ учителямъ, какъ слѣдуетъ преподавать иностранныя языки. Отъ того ли, что Ньюкеръ не могъ побороть въ старомъ корпусѣ предубежденій кадетъ противъ языкознанія, или что ему была тяжела разлука съ заведеніемъ, гдѣ его труды при-

*) Впослѣдствіи Каменскій выйдя въ отставку, вполне предался мистицизму, долго жилъ въ Иерусалимѣ и написалъ о немъ книгу, въ которой при прекрасномъ языкѣ небыло никакого реального содержанія.

**) Доставленіемъ этихъ свѣдѣній мы обязаны заслуженному Профессору Николаевской академіи генеральнаго штаба, бывшему Новгородскому кадету, А. И. Макшеву.

носилъ столь видимую пользу, но черезъ полтора года онъ вновь возвратился въ Новгородскій корпусъ и оставался въ немъ, до переименованія его въ военную гимназію т. е. болѣе 32-хъ лѣтъ. Бравый видъ, оживленная, всегда быстрая, громадными шагами походка и громкій голосъ, — были причиною, что кадеты считали его отставнымъ прусскимъ офицеромъ. Такое предположеніе подтверждалось еще тѣмъ, что Нюккеръ носилъ на лбу черную повязку, какъ послѣдствіе раны; но эта рана была не боевая, случайная, сдѣланная разбойникомъ, желавшимъ ограбить его.

Система преподаванія Нюккера была вполне военною: У него кадеты садились, вѣдали на столы книги, вынимали тетради, по командѣ и по счету вслухъ. Во время урока никто не смѣлъ ничего, кромѣ указаннаго учителемъ, имѣть передъ собою, всѣ должны были смотрѣть ему въ глаза, держать руки на столѣ и т. д. Для чтенія, сидящіе на каждой скамьѣ дѣлились на двѣ половины и по командѣ выходили изъ за столовъ направо и налево, къ стѣнамъ класса, а по окончаніи чтенія, тоже по командѣ, возвращались на свои мѣста. Если что либо задавалось выучить наизусть, то онъ никогда не спрашивалъ одного и того-же кадета долго, или по порядку какъ сидѣли, но какъ только замѣчалъ знаніе, то иногда на полуфразѣ быстро указывалъ своимъ длиннымъ пальцемъ на другаго, и тотъ долженъ былъ моментально продолжать. Малѣйшее замѣдленіе приписывалось невниманію, что Нюккеръ считалъ равносильнымъ незнанію. Подобныя указанія переходили съ первой скамьи на 4-ю, съ 3-го ученика на 15-го, потомъ на 7-го, на 23-го и т. д. и все это дѣлалось необыкновенно живо и энергично. Всякое грамматическое правило, склоненія и спряженія, спрашивались такимъ-же способомъ и до тѣхъ поръ, покуда весь классъ, отъ перваго до послѣдняго, не отвѣтитъ безошибочно. Вообще все было основано на полномъ вниманіи, какъ къ словамъ учителя, такъ и къ отвѣтамъ товарищей. Каждая ошибка въ правописаніи переноси-

лась на доску, объяснялась и объясненіе повторялось по оди-
ночѣ и въ разбивку всѣмъ. При такой методѣ, въ классѣ
не оставалось ни одного очень слабого въ чтеніи и въ пере-
водѣ, и если не всѣ говорили по нѣмецки или по французски,
то всѣ вполне понимали прочитанное и могли усовершен-
ствоваться потомъ. Классы Ньюкера проходили для кадетъ скоро,
оживленно и для большей части весело. Въ нихъ не было и
тѣни той апатіи, которую наводили французскіе и нѣмецкіе
учителя, на тѣхъ же кадетъ въ Петербургѣ.

Изъ отчета за 2-й учебный годъ видно, что нѣкоторые
предметы были пройдены въ большемъ, а другіе въ меньшемъ
объемѣ, сравнительно съ другими заведеніями. Напримѣръ
изъ исторіи пройденъ домъ Романовыхъ, тогда какъ этого
въ низшихъ классахъ проходить не полагалось; изъ географіи
проходили Европу, между тѣмъ какъ слѣдовало заниматься
обзоромъ другихъ частей свѣта.

Глава V.

Ожиданіе отправленія перваго выпуска въ Петербургъ.—Первый лагерь.—Приготовленія къ смотру Великаго Князя.—Представленіе ординарцевъ.—Описаніе смотра. Трудность пріисканія преподавателей.—Комиссія для пріисканія мѣръ къ ихъ привлеченію.—Посѣщеніе Императрицы Александры Феодоровны; съ Великою Княжною Марією Николаевною. — Высочайшій смотръ.—Пожалованіе и освященіе знамени.—Военная прогулка въ Бронницы.—Устройство сада.

Кадеты первыхъ приемовъ, находившіеся въ старшемъ классѣ, всякую весну ожидали, что ихъ отправятъ для окончанія курса въ Петербургъ. Обманутыя надежды, въ юношескомъ возрастѣ, всегда приводятъ къ нѣкоторому разочарованію, а потому должно сознаться, что въ началѣ каждаго учебнаго года, стараніе къ ученію нѣсколько охладѣвало. Еслибы не энергія инспектора Божерянова и такихъ учителей, какъ Юргенсъ, Ньюкертъ, Каменскій, и особенно еслибы не бесѣды Орнатскаго, имѣвшаго на кадетъ сильное нравственное вліаніе, то нѣкоторые ихъ ученики вышли бы не тѣми, какими оказались впослѣдствіи. По достиженіи возраста, въ которомъ человѣкъ уже начинаетъ думать о будущемъ, кадетъ досадовало еще и то, что нѣкоторые изъ ихъ сверстниковъ по пріему въ корпусъ, переведенные въ дворянскій полкъ за неразвитость и устарѣлость, въ 1837 году были уже офицерами. Такъ на примѣръ бывший Новгородецъ Юковскій, проѣздомъ въ свой баталіонъ, заѣхалъ въ корпусъ въ мундирѣ сапернаго офицера, навѣстить прежнихъ товарищей, тогда какъ эти товарищи еще не знали, когда ихъ отправятъ въ Петербургъ оканчивать курсъ.

На лѣтнія вакансіи 1837-го года отпуска къ роднымъ не было, потому что корпусъ, впервые по его учрежденіи, былъ выведенъ, за исключеніемъ неранжированной роты, въ лагерь.

Мѣсто для него было избрано въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ корпуснаго зданія, позади директорскаго сада, на песчаной, не приглядной равнинѣ. Тамъ 6 большихъ шатровъ были поставлены въ одну линію, тыломъ къ Новоселицамъ. За ними разбили нѣсколько палатокъ для служителей, а за тѣмъ ни кухонь, ни столовыхъ навѣсовъ при лагерѣ не было. Кадетъ водили къ обѣду и ужину въ корпусное зданіе. Не смотря на это, выводъ въ лагерь, какъ новинка, занималъ воспитанниковъ. Имъ приходилось быть дежурными и дневальными, вызывать и выбѣгать на линію; имъ нравилось строиться къ зорѣ и на ученья на линейкахъ, устанавливать свои доблеска вычищенные ружья въ пирамиды. Все это, вмѣстѣ съ первыми ученьями въ составѣ баталіона, занимало ихъ, не смотря даже на то, что полковникъ Струмило былъ далеко не мастеръ производить ученья. Кстати замѣтимъ, что въ кадеткахъ того времени, любовь ко всему фронтовому была сильно развита. Лѣниться во фронтѣ—значило подводить товарищей. Передалось ли это отъ сосѣдства идеальнаго по фронтовой части учебнаго полка, или отъ общаго направленія молодежи того времени,—рѣшить трудно. Чѣмъ кто короче дѣлалъ ружейные приемы, чѣмъ красивѣе маршировалъ,—тѣмъ большимъ авторитетомъ пользовался въ своей ротѣ. Даже къ тѣмъ изъ прикомандированныхъ офицеровъ, которые громче и ловче командовали, кадеты относились съ большимъ довѣріемъ и симпатією. Къ числу подобныхъ, напр. принадлежалъ Петръ Ивановичъ Бутавовъ, сдѣлавшійся нотомъ учителемъ и даже наставникомъ-наблюдателемъ преподаванія исторіи. Выбранное для лагеря мѣсто оставалось постояннымъ, до самаго перемѣщенія корпуса въ Нижній Новгородъ. Впослѣдствіи, желаніе придать лагерной службѣ нѣкоторую серьезность и подвести ее подъ уставныя требованія, выступленіе дѣлали по всѣмъ правиламъ полевой службы: назначали квартирьеровъ, авангардъ и арьергардъ, посылали патрули. Но такъ какъ всего этого невозможно было продѣлать на четы-

рехстахъ шагахъ, отдѣлявшихъ лагерь отъ корпуса, то баталіонъ уводили въ походномъ порядкѣ верстъ за 7, тамъ дѣлали приваль и затѣмъ, на возвратномъ пути, съ церемоніею вступали въ лагерь.

Въ половинѣ лѣта 1837-го года сдѣлалось извѣстнымъ, что въ началѣ сентября Великій князь Михаилъ Павловичъ произведетъ смотръ кадетскому баталіону. Кадетамъ въ первый разъ приходилось представиться съ ружьями, выданными годъ назадъ. Стараніе показаться молодцами, такому знатоку и строгому судьѣ, было неимовѣрное. Хитрый Струмилло, какъ только узналъ о предстоящемъ смотрѣ, поспѣшилъ испросить отпускъ; младшій штабъ-офицеръ подполковникъ Карташовъ, находился въ командировкѣ въ Старой Руссѣ, поэтому притомлять къ смотру пришлось капитану Аралову:

Въ августѣ мѣсяцѣ возвратился изъ красносельскаго лагера учебный полкъ; при его содѣйствіи начались дѣятельныя приготовленія къ смотру Великаго князя. Портные полка шили на весь корпусъ новые мундиры, полковой капельмейстеръ Емельяновъ ежедневно училъ корпусныхъ барабанщиковъ, адъютантъ Кисляковъ неутомимо занимался съ линейными унтеръ-офицерами. Баталіонныя ученія происходили большею частію въ притутствіи командира полка, полковника Нишпы; даже бригадный командиръ, генераль-маіоръ Бабиновъ, пріѣзжалъ заниматься съ ординарцами; церемоніальный маршъ производили постоянно подъ полковой хоръ. Директоръ корпуса Петровскій, не только не знавшій устава, но частенько, какъ истый кавалеристъ, подтрунивавшій надъ пѣхотнымъ строемъ, не принималъ участія въ фронтowychъ приготовленіяхъ, но всегда присутствовалъ на плацу. Даже производимый пмъ осмотръ новыхъ мундировъ обнаруживалъ въ немъ недостатокъ глаза и непривычку къ чему либо пѣхотному. Единственный недостатокъ, который онъ могъ замѣтить въ одеждѣ, это криво пришитые крючки, или *ганельки*, какъ онъ называлъ ихъ, за что и былъ прозванъ кадетами *ганелькою*.

Ординарцами къ Великому князю были назначены: унтеръ-офицеръ *Павелъ Карцовъ* и ефрейторъ *Владиміръ Зарубаевъ*. Вспоминая какъ насъ готовили, многое кажется теперь страннымъ до комизма. Намъ было выдано для умыванья особое душистое мыло; передъ каждою репетиціею насъ поили сливками, а два за три до представленія, опасаясь какъ бы мы не охрипли, давали по утрамъ гоголь-могель. Казалось, что особенно заботиться о насъ было нечего, потому что была еще запасная пара ординарцевъ: унтеръ-офицеръ Вельяшевъ и кадетъ Перегудовъ. Боязнь, чтобы мы не оробѣли, и неувѣренность дѣйствительно ли мы хорошо приготовлены, была причиною, что насъ показывали по очереди всѣмъ прибывавшимъ ранѣ Великаго князя генераламъ. Стоило пріѣхать начальнику военного поселенія или командиру кавалерійской бригады, какъ ординарцевъ вызывали изъ класса, одѣвали и заставляли продѣлывать все, что требовалось въ то время, не исключая ружейныхъ приемовъ и сниманія ранцевъ по счету.

Великій князь пріѣхалъ въ ночь съ 9-го на 10 сентября и приказалъ баталіону быть на слѣдующій день готову на плацу, къ 12-ти часамъ. Въ этотъ разъ Его Высочество остановился во вновь приготовленной для пріѣзда начальства квартирѣ, гдѣ прежде была квартира командира полка. Кадеты называли этотъ домъ дворцомъ, хотя онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ домовъ. Въ этой то квартирѣ и должно было происходить представленіе ординарцевъ, передъ выходомъ Великаго князя на смотръ. Насъ повели часа за полтора.

При представленіи могъ находиться только директоръ, потому что баталіонный и ротный командиры уже были въ строю. Помню, что Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ лично показывалъ намъ всѣ снаровки, которыхъ требовало расположение приемной комнаты, ея дверей и оконъ. Надо было войти въ растворенную половинку двери, сдѣлать шагъ влѣво и вмѣстѣ съ этимъ стать по направленію къ двери, изъ которой предстояло выйти Михаилу Павловичу. Явившись слѣдо-

вало отойти къ лѣвой стѣнѣ, по полученіи приказанія представить ружья и снять ранцы. Сниманіе и надѣваніе дѣлалось въ то время по счету, въ 5 пріемовъ и непременно одновременно съ вѣстовымъ. Репетичка Ростовцева продѣлывалась тихо, шепотомъ, дабы Великій князь не могъ ничего слышать. Вслѣдъ за нами должны были подходить ординарцы учебнаго полка. Конкуренція казалась намъ невыгодною, — вышло иначе.

Великій князь вышелъ въ пріемную ровно въ 12 часовъ, въ мундирѣ 2-го кадетскаго корпуса, съ довольно серьезнымъ видомъ и, оглянувъ собравшихся къ его пріѣзду изъ окрестностей генераловъ, довольно сурово сказалъ директору Петровскому: «Вы не по формѣ одѣты: извольте переодѣться.» Потомъ взглянувъ на меня, кивнулъ головою; — это значило «подходи». — Все было продѣлано какъ указывалъ Я. И. Ростовцевъ. Подходить пришлось всего 5 шаговъ. Только что я успѣлъ произнести. — «Къ Вашему Импер... какъ Его Высочество, нахмурясь, довольно внушительно и громко сказалъ: «руку ниже!» Пришлось начинать рапортованіе сначала, думая при этомъ: «ну плохо; какъ то придется кончить.» Но кончилось все отлично. Зарубаевъ исполнилъ свое дѣло щегольски и когда мы, какъ одинъ, сняли и надѣли ранцы, что продолжалось не болѣе двухъ-трехъ минутъ, то Великій князь похвалилъ обоихъ. За нами началось представленіе ординарцевъ учебнаго полка. Не успѣлъ унтеръ-офицеръ сдѣлать трехъ шаговъ, какъ Его Высочество крикнулъ:

«Это что за кривлянье! Вонъ! Терпѣть не могу этихъ учебныхъ вывертовъ» и, обратясь къ командиру полка, прибавилъ:

«Вы видите какъ подходили кадеты; не имъ у вашихъ, а вамъ не мѣшаетъ поучиться у нихъ». *)

Что говорилось потомъ, намъ неизвѣстно, потому что до

*) Великій князь Михаилъ Павловичъ не любилъ учебныхъ полковъ и называлъ ихъ: клейнмихельская гвардія.

выхода Великаго князя на крыльцо, намъ привязано было успѣть добѣжать до баталіона и, сбросивъ по пути служителю ранцы, стать въ строй, гдѣ намъ оставлены были мѣста.

Какъ офицеры, такъ и кадеты, ожидая смотра думали, что представленіе ординарцевъ было неудачно, потому что видѣли директора бѣжавшимъ по тротуару въ свою квартиру. Старше, торопясь перемѣнить парадный мундиръ на корпусный, споткнулся и упалъ въ виду строя.

Несмотря на неблагоприятное расположеніе Великаго князя, начало смотра была вполне удачно; но какъ только начались построенія, то со стороны офицеровъ произошло нѣсколько ошибокъ. Первымъ ошибся штабсъ-капитанъ Нейманъ, въ то время уже преподававшій географію. У него было принято за правило, чтобы кадеты, чертя на доскѣ, говорили: «Ѣду отъ такого то города до такой то рѣки», или «Ѣду отъ такого то мыса до такого то залива». Случилось, что при захожденіи по взводу, онъ вмѣсто того чтобы идти на заходящій флангъ, направился передъ середину взвода. Великій князь приказалъ идти ему за фронтъ. Нейманъ, взявъ саблю подвись, мѣрнымъ шагомъ направляется за взводъ и слышитъ шопоть: «Ѣду, Ѣду, — вотъ и доѣхалъ».

Вслѣдъ за этимъ, прикомандированный поручикъ Бѣляевъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 1-го взвода, при захожденіи колонны правымъ плечомъ, не обозначалъ шага на мѣстѣ. Его Высочество видитъ это и спрашиваетъ командующаго баталіономъ:

«Откуда вы взяли его?»

— Изъ Бутырскаго полка—отвѣчалъ капитанъ Араловъ.

«Отправить его въ Бутырскій же полкъ на гаубвахту» — приказываетъ Великій князь.

Наконецъ при церемоніальномъ маршѣ, поручикъ Деллинсгаузенъ проходить не въ тактъ музыки; Его Высочество вызываетъ его передъ колонну и самъ командуетъ ему одному: «Тихимъ шагомъ—маршъ». Музыка играетъ; Деллинсгаузенъ

узенъ старается и какъ только поравнялся съ гаубвахтой Михайль Павловичъ командуетъ ему: «Напра-во». Таеъ тихимъ шагомъ и пошелъ поручикъ подъ арестъ.

Въ отношеніи кадетъ было сдѣлано единственное замѣчаніе, что кто-то въ гренадерскомъ взводѣ шевелилъ головою, что замѣчено издали по качавшемуся солтану. Сначала Великій князь приказалъ наказать виновнаго; но когда, по окончаніи смотра, подошелъ къ соменутой колоннѣ и спросилъ: «Кто шевелился въ 1-мъ взводѣ?» и кадетъ, выйдя впередъ, отвѣтилъ: «Я Ваше Императорское Высочество», то взыскивать не приказалъ и затѣмъ началъ благодарить кадетъ, говоря, что они дѣлали свое дѣло отлично, а ружейные приемы въ особенности.

Этимъ и кончилось дурное расположеніе духа Великаго князя. За обѣдомъ, и обходя камеры, онъ шутилъ съ кадетами, говоря: «А что? задалъ я вамъ страху»? Отъѣзжая онъ приказалъ не взыскивать съ Бѣльева и освободить Деллингаузена. Все это въ настоящее время кажется страннымъ, но если вникнуть въ значеніе подобныхъ смотровъ, то нельзя не видѣть въ нихъ пользы. Относясь таеъ серьезно къ каждой ошибкѣ офицера, не показывая ли этимъ Великій князь кадету, какая точность и исполнительность, какое твердое знаніе своихъ обязанностей требуетъ строевая служба. Кадетъ — мальчишъ, воспріимчиво принималъ впечатленія подобныхъ смотровъ; готовясь быть, и потомъ дѣлаясь офицеромъ, онъ вполне понималъ, что такое исполнительность и отвѣтственность, — эти два двигателя военной службы.

Наступалъ пятый годъ существованія корпуса, а все-таки небыло извѣстно отправятъ-ли старшій классъ въ Петербургъ. Новыхъ программъ не присылали, прежнихъ не увеличивали, поэтому въ старшемъ классѣ, почти по всѣмъ предметамъ приступили къ повторенію пройденнаго. Такъ какъ учителей все-таки по числу классовъ недостовало, то преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ предоставлено было офицерамъ, съ ос-

тавленіемъ за ними обязанностей и въ ротахъ. Какъ выше замѣчено, штабсъ-капитанъ Нейманъ 1-й сдѣлался преподавателемъ географіи, Бутаковъ—исторіи, поручики Шубинъ 1 и 2—математики и Лихачевъ—нѣмецкаго языка. Надо отдать справедливость, что эти, по необходимости призванные къ преподаванію, строевые офицеры, исполняли дѣло нисколько не хуже и приносили нисколько не меньше пользы, чѣмъ и штатные учителя.

Въ какой мѣрѣ трудно было, не только въ первое время, но и впослѣдствіи, привлечь учителей, доказываетъ слѣдующее, сообщенное директору изъ штаба военно учебныхъ заведеній распоряженіе: «Принимая въ соображеніе, что пріисканіе учителей для Новгородскаго корпуса сопряжено не съ маловажными затрудненіями, ибо они, поступая въ оный должны отказаться отъ всякаго посторонняго преподаванія, приносящаго имъ постороннія выгоды, почему, равно какъ и по дороговизнѣ въ 4 округѣ пахотныхъ солдатъ всѣхъ жизненныхъ потребностей, хорошіе и даже посредственные преподаватели, не иначе соглашаются поступать на службу при Новгородскомъ корпусѣ, какъ съ полученіемъ жалованья весьма значительнаго, съ средствами корпуса даже несообразнаго.»

«Дабы привлечь въ Новгородскій гр. Аравчеева кадетскій корпусъ хорошихъ преподавателей, безъ обремененія правительства новыми издержками, Его Императорское Высочество изволилъ входить съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, чтобы сыновьямъ учителей, равно какъ и гражданскихъ чиновниковъ, пользующимся званіемъ дворянъ, предоставлено было право воспитываться въ семъ корпусѣ, наравнѣ въ дворянами приписанныхъ къ оному губерній, съ тѣмъ однакожь условіемъ, чтобы отцы ихъ прослужили уже при корпусѣ, или обязывались прослужить не мѣнѣе 4-хъ лѣтъ; а также, дабы обезпечить и офицеровъ сего корпуса касательно воспитанія дѣтей, то означенныя права, присвоить и симъ послѣднимъ, но безъ упомянутаго ограниченія. Эта мѣра должна дос-

тавить корпусу людей семейныхъ, которымъ съ большою довѣренностью можно ввѣрять воспитаніе юношей».

Приведенное представленіе Великаго князя было утверждено Государемъ; но видя, что и оно не привело къ цѣли, было потомъ предписано директору, въ общемъ совѣщаніи со всѣми преподавателями, изыскать средства для привлеченія учителей. Комиссія подъ предсѣдательствомъ директора, изъ членовъ: инспектора Божерянова и учителей Орнатскаго, Никольскаго, Нота, Каменскаго, Юргенса, Мерцалова, Шелковникова, Священника Малиновскаго и доктора Филипченко, — предложила двѣ слѣдующія мѣры:

1) Награждать учителей, по прослуженіи извѣстнаго срока, земельными участками, изъ прилегающихъ къ р. Мстѣ казенныхъ луговъ и пахатныхъ полей, и

2) Строить на счетъ казны, для служащихъ въ корпусѣ учителей дома, прирѣзывая къ нимъ по 12-ти десятинамъ сѣнокоса и по 8 десятинамъ пахотной земли, обращая то и другое, послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы въ корпусѣ, въ собственность учителя.

Первую мѣру комиссія сама назвала сомнительною; для второй же выработала нѣкоторыя подробности, а именно:

а) Тому кто прослужилъ въ корпусѣ 10 лѣтъ, домъ съ прирѣзанными 20-ю десятинами оставлять въ пожизненную собственность.

б) Прослужившему еще 10 лѣтъ, прирѣзывается еще 10 десятинамъ.

в) По смерти служившаго 20 л., домъ и земля отходить на вѣчныя времена въ собственность его жены и дѣтей.

Въ первый годъ по утвержденіи этой мѣры, предполагалось выстроить 22 дома съ лавками.

Вторая придуманная комиссіею мѣра была принята, но долго оставалась безъ послѣдствій. Ее много разъ обсуждали въ совѣтѣ Военно-учебныхъ заведеній, передѣлывали, вновь обсуждали, рассматривали въ Военномъ совѣтѣ и только че-

резь 8 лѣтъ, въ 1844 году, послѣдовало Высочайшее соизволеніе: отвести подъ постройку домовъ для учителей 4 десятины земли съ тѣмъ, чтобы дома были построены учителями на свой счетъ.

Несмотря на то, что въ корпусѣ, въ теченіи 8-ми лѣтъ почти уже забыли о томъ чего просили, что многихъ учителей подписавшихъ проэктъ уже небыло и что съ тѣхъ поръ смѣнилось два директора, отводъ только одной земли подъ домъ, для постройки котораго денегъ ни у кого въ запасъ небыло, не представлялъ возможности къ осуществленію. По этому директоръ корпуса писалъ въ штабъ Его Высочества главнаго начальника:

«Учителя и чиновники, принимая эту Монаршую милость, съ вѣрноподданскимъ чувствомъ благодарности, объявили, что такъ какъ они содержатъ себя и свои семейства однимъ только получаемымъ жалованіемъ, то и не имѣютъ возможности, что либо отдѣлить изъ онаго, на постройку домовъ».

Тогда исходатайствовано было новое повеленіе: отпустить въ продолженіи 10-ти лѣтъ, по 3 тысячи рублей изъ суммъ департамента военныхъ поселеній, на сломку казарменныхъ связей 1-го учебнаго карабинернаго полка, съ тѣмъ, чтобы переносъ этихъ связей на отведенную корпусу землю и обращеніе ихъ въ учительскіе дома, учителя дѣлали на свой счетъ. Но учителя отказались и отъ этого. Дѣло видимо тянулось и тормозилось. Между тѣмъ департаментъ военныхъ поселеній составлялъ планы и чертежи, а его общее присутствіе даже утвердило проэктъ устройства возлѣ корпуса цѣлаго городка, изъ домовъ для учителей. Конечно и этотъ проэктъ остался безъ осуществленія, хотя переписка тянулась 15 лѣтъ, и только въ октябрѣ 1854-го года корпусу было предписано: считать дѣло оконченнымъ, во первыхъ потому, что назначенные къ переноскѣ дома, пришли въ совершенную ветхость, а во вторыхъ, что по инженернымъ смѣтамъ постройка городка требовала бы 800 тысячъ рублей.

Лѣто 1837-го года было ознаменовано посѣщеніемъ корпуса Императрицею Александрой Ѳеодоровной, съ Великою княжною Маріею Николаевною, тогда только что объявленною невѣстою герцога Лейхтенбергскаго. Онѣ ѣхали въ Москву не черезъ Новгородъ, а со станціи Спасская Полисть по грунтовой дорогѣ на Бронницу, такъ что пришлось проѣзжать мимо корпуснаго зданія. Ея Величество и Великая княжна, о пріѣздѣ которыхъ узнали только часа за три, застали кадетъ за ужиномъ, но было еще совершенно свѣтло. Желая попробовать пищу, Великая княжна сѣла за крайній столъ 2-й роты, возлѣ кадета Бачманова. Взявъ его ложку, она скушала немного супу *). Императрица въ это время перешла къ столамъ неранжированной роты. Тамъ, на лѣвомъ флангѣ, сидѣлъ, только два дня назадъ приведенный въ корпусъ, кадетъ Масляницкій 2, сирота, безъ всякаго воспитанія и до того бѣдный, что былъ доставленъ въ корпусъ обутымъ въ лапти. Въ два дня его, конечно, не могли выучить кому какъ слѣдуетъ отвѣчать.

Нужно-же было, чтобы Императрица именно къ нему обратилась со словами:

«Государь приказалъ» — сказала она, кладя руки на плечи Масляницкаго «кланяться вамъ и сказать, что онъ всѣхъ кадетъ очень любить».

Масляницкій, не вставая, а взглянувъ только изъ подлобья, пробормоталъ: «спасибо». Хотя ротный командиръ и объяснилъ кому то изъ свиты, причину подобнаго отвѣта, но всѣ были очень опечалены этою случайностью.

*) Ложка которою ешала Великая княжна Марія Николаевна, была потомъ вызолочена и хранилась въ особомъ футлярѣ, въ столовой залѣ, на скупорѣ, подъ мраморною доскою, сдѣланную въ память описаннаго посѣщенія. На доскѣ сдѣлана золотыми буквами надпись: «31 Іюля 1837 года осчастливили Новгородскій гр. Аракчеева кадетскій корпусъ своимъ посѣщеніемъ: Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, съ Великою Княжною Маріею Николаевною. О другихъ мраморныхъ доскахъ сдѣланныхъ въ память посѣщенія корпуса особами Императорской фамиліи, смотри Приложение 8-е.

Описанный нами не вполнѣ удачный смотръ Великаго князя, былъ вскорѣ поправленъ. 9-го декабря того-же 1837 г. Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, проѣздомъ въ Москву, посѣтили корпусъ. Его Величество изволилъ произвести кадетскому баталіону смотръ и ученье въ манежѣ и остался настолько доволенъ, что тутъ-же объявилъ о пожалованіи корпусу знамя. Восторгъ кадетъ былъ неудержимый. Знамя было прислано въ корпусъ только въ мартѣ мѣсяцѣ и такъ какъ это пришлось въ Великомъ посту, то освященіе было отложено до 23-го апрѣля.

Наканунѣ этого дня, по заранѣе разосланнымъ приглашеніямъ, къ 8 часамъ вечера, собрались въ квартиру директора Петровскаго нѣкоторые изъ генераловъ и командировъ полковъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Новгорода, всѣ корпусные офицеры, фельдфебеля, по одному унтеръ-офицеру и по 2 кадета отъ каждой роты. Прибывша полотно къ дереву происходила по уставу. Какъ никогда еще невиданная церемонія, она сильно возбуждала кадетское любопытство. Но еще болѣе занимало ихъ то, кто будетъ первымъ знаменщикомъ. Начальство держало это въ секретѣ, поэтому предположеній было множество, а претендентовъ еще больше. Секретъ открылся только послѣ прибавки, когда директоръ, поднявъ знамя, передалъ его унтеръ-офицеру Коведяеву 1-му.

На слѣдующее утро знамя было освящено по церковному чиноположенію, законоучителемъ корпуса, протоіереемъ Малиновскимъ, въ присутствіи тѣхъ же лицъ, которые были на прибавкѣ. Баталіону, построенному передъ церковью, была прочтена слѣдующая Высочайшая грамота:

Божіею милостію
Мы Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій
и проч. и проч. и проч.

Нашему Новгородскому графа Аракчеева кадетскому корпусу.

Въ изъявленіе Монаршаго Нашего благоволенія, Всемилостивѣйшее жалуя Новгородскому графа Аракчеева кадетскому корпусу препровождаемое у сего знамя, повелѣваемъ: освятить оное сообразно съ воинскимъ уставомъ, и по прочтеніи передъ всѣмъ корпусомъ сей Нашей грамоты, употреблять знамя на службу.

Мы увѣрены, что сей новый знакъ монаршаго благоволенія Нашего къ молодымъ дворянамъ, посвятившимъ себя военному поприщу, усугубитъ въ каждомъ изъ нихъ, пламенную ревность, содѣлаться вѣрными слугами Престола Нашего и Отечества.

Николай.

Послѣ церемоніальнаго марша, новое знамя предшествоваемое хоромъ музыки, отнесено было на квартиру директора.

Десять лѣтъ спустя, это знамя, вслѣдствіе измѣненія формы знаменъ вообще, было перемѣнено на новое. Разница между ними заключалась въ замѣнѣ краснаго цвѣта въ крестѣ полотна зеленымъ. Такъ какъ на это знамя не было дано грамоты и оно было прислано, при предписаніи Великаго князя, собственно на перемѣну прежняго, то и освященіе его происходило хотя и согласно устава, но безъ особой торжественности. Прежнее знамя, послѣ освященія новаго, отнесено было для храненія въ корпусную церковь *).

Чтобы сколько нибудь уразнообразить монотонность лагерной стоянки 1838-го года и доставить кадетамъ развлеченіе, директоръ Петровскій придумалъ военную прогулку, за 8 версть, въ ямъ Бронницу. Приготовленія къ этой забавѣ занимало кадетъ нѣсколько дней, а воспоминанія, разговоры о ней, — еще болѣе. Экономъ хлопоталъ какъ устроить на походѣ обѣдъ, кадеты заботились о полученіи отъ ротныхъ командировъ де-

*) Въ настоящее время оба знамя находятся въ церкви Нижегородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса.

негъ на лакомства, пѣсенники усердно снѣвались; даже учителя собирались принять участіе въ прогулкѣ и нѣкоторые (Орнатскій и Ньюкеръ) шли всю дорогу, возлѣ ротъ. Почтенный старикъ директоръ тоже большую часть дороги, несмотря на раненую ногу, шель впереди пѣсенниковъ, которые, въ угоду ему, особенно часто пѣли любимую его малороссійскую пѣсню:

«Гей пидъ горою, пидъ перевозомъ.»

Пройдя мость, что на шоссе близъ Бронницъ, баталіонъ былъ поставленъ на берегу бивуакомъ. Здѣсь ожидалъ его только что замѣнившій Шишмолина, новый экономъ Тетеревовъ, съ готовымъ уже обѣдомъ.

Жители, въ то время богатаго яма, собрались къ мосту и смотрѣли на приходъ кадетъ, какъ на необыкновенное событіе. Но и кадеты со своей стороны были не менѣе любопытны. Сраду послѣ обѣда, они партиями, при офицерахъ и учителяхъ, разошлись по селу: одни смотрѣть церковь, находящуюся на очень высокомъ кургапѣ, съ котораго представлялся обширный горизонтъ, съ прекрасными видами на озеро Ильмень, съ разбросанными по его берегамъ монастырями и церквами, на виднѣющійся въ синей дали Новгородъ, на извивающуюся голубою лентою Мсту. Другіе интересовались видѣть царскіе повои на почтовой станціи; но большая часть разсыпалась по лавкамъ, запасаться пряниками, орѣхами и

*) Репертуаръ пѣсенниковъ былъ очень разнообразенъ. Особенно любимыми пѣснями кадетъ были:

1) «Русскій царь собралъ дружину»,—пѣсня составленная для Калншскихъ маневровъ 1835 г.

2) «Въ лагерь, въ лагерь выступаемъ,
Дружными рядами,
И съ восторгомъ восклицаемъ:
Сынъ Монаршій съ нами».

Она пѣлась на голосъ мазурки: «Еще Польша не сгинела».

3) «Ты помнишь-ли товарищъ неизмѣнный».

4) «Прогремѣлъ барабанъ, намъ походъ веселый»; и еще никогда не ходившіе изъ моды: «Солнце на закатѣ»; «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» и «Небѣлы то снѣги».

и сластями. Менѣе прихотливые несли на биваѣ горшки
яа, яйца, картофель, которые, тутъ-же у рѣки, сами пекли
арили. Оживленіе и радость были общими. Пробытый въ
7 часовъ сборъ, сильно всѣхъ опѣчалилъ: пришлось строиться
и возвращаться въ лагерь, куда баталіонъ прибылъ около 10-ти
часовъ вечера.

Описанная прогулка, названная въ приказѣ громкимъ
терминомъ «практическаго похода», была полнымъ соедине-
ніемъ пріятнаго съ полезнымъ.

Корпусному начальству давно слѣдовало обратить внима-
ніе, что кромѣ рѣдкаго ряда деревьевъ вокругъ плаца, да
нѣсколькихъ тополей возлѣ церкви, при корпусѣ не было уголка,
гдѣ можно бы было укрыться отъ солнца. Единственнымъ
мѣстомъ прогулки былъ поссированный, всегда пыльный и, въ
лѣтнюю пору, раскаленный плацъ.

Только осенью 1838-го года было приступлено къ разбивкѣ,
на полѣ за манежемъ, большого корпуснаго сада, съ широ-
кими аллеями. Засадка его началась въ слѣдующую весну,
деревьями доставленными большею частью за 100 верстъ изъ
Грузина, откуда привозили тополя, липы и дубки значитель-
ной уже вышины. Работа шла крайнѣ медленно; ею завѣды-
валъ начальникъ инженерной дистанціи, въ веденіи котораго
состояли всѣ корпусныя зданія. Садъ этотъ впоследствии густо
разросся и вполнѣ удовлетворялъ своей цѣли. Въ немъ было
нѣсколько бесѣдокъ, павильонъ для музыки, крытая аллея и
множество скамеекъ. Но и въ устроенномъ видѣ, онъ долго
не составлялъ собственности корпуса, хотя кадеты и пользо-
вались имъ, потому что директора находили невозможнымъ
содержать его, безъ отпуска необходимаго ремонта. Только
въ 1851 году садъ былъ окончательно сданъ корпусу.

Глава VI.

Приготовленія въ отправкѣ перваго выпуска.—Экзамень его.—Послѣдніе дни выпускныхъ въ корпусѣ.—Отправленіе въ Новгородъ.—Дневка.—Перѣздъ до Петербурга.—Приемъ сдѣланный въ дворянскомъ полку.—Экзамень въ Петербургѣ.—Отправленіе 2-го выпуска.—Новгородская рота въ Дворянскомъ полку.—Положеніе въ немъ кадетъ вообще.

Въ началѣ 1839-го года, наконецъ было получено положительное распоряженіе штаба военно-учебныхъ заведеній, о доставленіи къ первому юнію старшаго отдѣленія IV-го класса, для окончанія курса въ дворянскій полкъ. Откладываніе этого перевода съ года на годъ привело къ тому, что кадетамъ какъ то не вѣрилось, что и теперь онъ состоится; такъ обжились они въ стѣнахъ корпуса. Пять лучшихъ, юношескихъ лѣтъ, проведенные въ одномъ заведеніи, въ кругу однихъ и тѣхъ-же лицъ, безъ всякихъ постороннихъ интересовъ, для многихъ даже безъ свиданія съ родными, до того освоили кадетъ перваго выпуска совсѣмъ окружающимъ, что имъ казалось не возможнымъ очутиться въ другой обстановкѣ, среди другихъ взглядовъ и обычаевъ.

Распоряженіе о переводѣ, давно рѣшенное въ принципѣ, казалось удивило и начальство корпуса. Оно засуетилось такъ, какъ будто это послѣдовало неожиданно и суета болѣе всего коснулась классной части. Учителя начали торопливо перебирать все пройденное, чтобы убѣдиться нѣтъ-ли пропусковъ, противъ присланныхъ изъ штаба программъ. Инспекторъ Божеряновъ почти не выходилъ изъ выпускнаго класса *).

*) Во избѣжаніи недоразумѣній, считаемъ необходимымъ предворить, что въ корпусѣ переводимыхъ въ Петербургъ называли *выпускными*, хотя до выпуска въ офицеры имъ предстояло выдержать еще два года нелегкаго искуса въ дворянскомъ полку. Мы рѣшились придерживаться принятаго

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ начался экзаменъ переводимыхъ, изъ всего пройденнаго въ теченіи 5-ти лѣтъ. Онъ имѣлъ особенное значеніе какъ для кадетъ, такъ и для учителей; для первыхъ въ отношеніи старшинства, съ которыми имъ предстояло перейти въ спеціальныя классы; для вторыхъ—экзамены въ дворянскомъ полку были отчасти повѣркою ихъ личнаго знанія и усердія. Они предвидѣли, что о результатѣ экзамена по каждому предмету будетъ знать Ростовцевъ, мнѣніемъ котораго они очень дорожили, такъ какъ при посѣщеніяхъ корпуса, онъ былъ всегда къ нимъ внимателенъ и лично зналъ многихъ. Кстати замѣтимъ, что Я. И. Ростовцевъ обладалъ, въ отношеніи личностей, необыкновенною памятью. Стоило кадету одинъ разъ отвѣчать при немъ, чтобы онъ навсегда его помнилъ. Боязни предстоящаго въ Петербургѣ экзамена, какъ со стороны кадетъ такъ и начальства, много содѣйствовало то, что въ корпусѣ было извѣстно, что годъ назадъ, изъ кадетъ тульскаго корпуса, нѣсколько человекъ было, за невыдержаніе экзамена, возвращено обратно въ корпусъ.

Къ половинѣ мая экзамены были окончены и 39 кадетъ назначены къ отправленію въ дворянскій полкъ. Двѣ недѣли оставшіеся до выѣзда прошли незамѣтно: выпускныхъ обмундировывали съ особою тщательностію, изрѣдка занимали строевыми ученіями и хотя въ опредѣленное время водили въ классы, но тамъ предоставлено было заниматься повтореніемъ того, что каждому казалось нужнѣе. Учителя проводили свои часы въ объясненіяхъ и бесѣдахъ съ тѣми, кто обращался къ нимъ, общихъ же лекцій уже небыло. Нѣкоторые изъ учителей, на примѣръ законоучитель Малиновскій, и Д. Н.

въ корпусѣ счисленія выпусковъ не по времени производства, а по отправкамъ кадетъ изъ корпуса. На этомъ основаніи, въ прилагаемомъ къ этой книгѣ списокѣ, временемъ выпусковъ изъ Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса изъ Нижегородской военной гимназіи и Нижегородскаго корпуса, названо время отправленія воспитанниковъ въ дворянскій полкъ, или въ Военныя училища.

Орнатскій, послѣдній свой приходъ посвятили прощальному наставленію. Они высказали кадетамъ свои пожеланія и благословили юношей, 5 лѣтъ бывшихъ ихъ учениками, на дальнѣйшее поприще. Эти послѣднія бесѣды можно назвать прощаньемъ отцевъ съ дѣтьми и если бы въ то время можно было записать сказанное ими, то теперь прощальныя ихъ наставленія могли бы служить драгоценными, документальными доказательствами того высоко честнаго и вполне нравственнаго направленія, какое получили Новгородскіе кадеты, оставляя свой родной корпусъ.

Прощанье съ нимъ кадетъ все таки было и радостнымъ. Юное воображеніе искало новизны, новыхъ впечатлѣній; оно уносило всѣ помыслы къ будущему, не позволяло обдумывать и оцѣнивать прошедшее.

Только впослѣдствіи, окунувшись въ жизнь и испытавъ ея тревоженія, въ новгородскомъ кадетѣ, возрождались воспоминанія о минувшемъ, а при переходѣ къ возмужалости, передъ нимъ съ каждымъ годомъ яснѣе и яснѣе обрисовывались образцы для примѣра, которые онъ имѣлъ въ такихъ личностяхъ какъ Бородинъ или Брянновъ, какъ Орнатскій или Каменскій, какъ Божеряновъ и Малиновскій. Кадетъ потомъ уже убѣждался, что даже и тѣ, человѣческіе недостатки, которые осуждались имъ и казались несносными, не заключали въ себѣ ничего вреднаго для его будущности. По мѣрѣ этого убѣжденія возрастала въ Новгородскомъ кадетѣ привязанность и любовь къ своему корпусу.

Наступилъ день отъѣзда перваго выпуска. Послѣднюю ночь провели выпускные въ своихъ ротахъ, на постоянныхъ своихъ мѣстахъ, потому что не были отдѣлены отъ товарищей и до послѣдней минуты пребыванія въ корпусѣ, фельдфебеля и унтеръ-офицеры исполняли свои обязанности съ тою же точностію, какъ будто имъ предстояло еще долго отвѣчать за свои отдѣленія и десятки. 28-го мая, съ ранняго утра, 12 большихъ троичныхъ телѣгъ, стояли у подъѣзда праваго флигеля,

гдѣ была гренадерская рота. Служителя суетливо улаживали на двѣ изъ нихъ, тюки съ новымъ обмундированіемъ, кадеты тискали свои ящички и узелки съ тетрадами. Директоръ, всѣ офицеры и учителя, даже многія изъ дамъ, пришли смотрѣть на отъѣздъ первыхъ выпускныхъ, а когда они стали размѣщаться, то весь корпусъ окружалъ поѣздъ. Прощальные поцѣлуи, всевозможныя пожеланія, просьбы и обѣщанія писать, все это сливалось въ общій гулъ, затихавшій по мѣрѣ того, какъ телѣги одна за другою трогались отъ подѣзда; но и потомъ, маханья платками и шапками и разные знаки продолжались до тѣхъ поръ, пока шоссе пылъ не закрыла пустившихся рысью повозокъ. Человѣка два-три изъ выпускныхъ были особенно грустные. Они оставляли въ корпусѣ свои зазнобушки. Дѣло понятное. Тамъ гдѣ 16-ти и 17 лѣтніе юноши постоянно видятъ хорошенькую сестру, дочь или племянницу своего офицера или учителя, непременно найдутся влюбленные. Конечно привязанность оказывалась непродолжительною и по большей части ее хватало не дальше Новгорода, но были и такіе примѣры, что года черезъ два по производствѣ, влюбленный, оставшись вѣренъ своему чувству, добивался прикомандированія къ корпусу, собственно для того, чтобы достигъ цѣли; и нѣкоторые дѣлались потомъ мужьями тѣхъ, въ кого были влюблены кадетами. Выходили-ли изъ нихъ полезные воспитатели, или только вѣрные мужья—это другой вопросъ.

Сопровождать первый выпускъ и сдать его въ дворянскій полкъ былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Огаревъ; *) но до

*) Тотъ самый Огаревъ, который былъ потомъ переведенъ въ Оренбургскій край, гдѣ особенно отличился обороною форта Перовскій и разбитіемъ бухарскихъ полчищъ. Съ 5-ю ротами и нѣсколькими казачьими сотнями, онъ не только отбилъ нападеніе на слабый фортъ, но на голову разбилъ 30 тысячъ Бухарцевъ. За этотъ подвигъ Императоръ Николай Павловичъ произвелъ Огарева изъ подполковниковъ прямо въ генералъ-майоры, а его имя внесено на мраморную доску дворянскаго полка, какъ бывшаго воспитанника такимъ образомъ:

Новгорода, вмѣстѣ съ кадетами, ѣхали капитанъ Араловъ и экономъ, съ запасомъ пироговъ и тартяновъ, уничтоженныхъ на сдѣланной въ полупути остановкѣ.

Въ Новгородѣ, куда должны были прибыть изъ Петербурга нанятая карета, назначена была дневка, во время которой пріѣхали изъ корпуса: директоръ Петровскій, ротные командиры Шубинъ 1, Нейманъ и князь Назаровъ и учителя: Орнатскій, Нюкверъ, Юргенсъ и Шелковниковъ. Всѣ они приходили къ выпускнымъ, помѣщеннымъ въ двухъ отведенныхъ домахъ, гдѣ для всѣхъ были поставлены кровати. Вообще начальствомъ корпуса были приняты всѣ мѣры къ возможно удобному переѣзду кадетъ и къ ихъ довольствію въ пути. Какъ въ Новгородѣ, такъ и далѣе, на всѣхъ покормкахъ и ночлегахъ, ѣхавшимъ впередъ помощникомъ эконома, заказывался обѣдъ; по утрамъ, передъ выѣздомъ давался чай съ булками, а вечеромъ, Михаилъ Васильевичъ Огаревъ, кромѣ чая, покупалъ молоко, яйца, масло. Во время дневки кадеты, партиями, подъ предводительствомъ названныхъ офицеровъ и учителей, осматривали Кремль, Софійской соборъ, лодку Екатерины II, гуляли по берегу Волхова, были—одни въ Юрьевѣ, другіе въ Духовомъ монастырѣ. У Нѣлова, Польмана, Манкошева и Рыкачева были въ Новгородѣ родные. Они взяли къ себѣ нѣсколькихъ товарищей. Такимъ образомъ дневка была проведена вполне пріятно.

На слѣдующій день, 29-го мая, простившись съ провожавшими, часовъ въ 7 утра, выпускные, размѣстившись въ 9-ти огромныхъ каретахъ, запряженныхъ четверками, тронулись въ

Михаилъ Огаревъ,
выпущенъ въ 1824 году.
1853.

Фортъ Перовскій.

Кадетамъ Новгородскаго корпуса, кончавшимъ курсъ въ дворянскомъ полку, было пріятно видѣть, на тольбо что учрежденныхъ мраморныхъ доскахъ, имя своего бывшего офицера.

дальнѣйшій путь. На переѣздъ 180 верстъ употребили 3 дня, которые можно было назвать прогулкою. Московское шоссе въ то время было необыкновенно оживлено. Почтовые кареты, дилижансы разныхъ компаній, множество проѣзжихъ въ коляскахъ и каретахъ, фельдъегеря, почти сплошная вереница обозовъ,—все это то встрѣчало, то обгоняло одно другое и все было для кадетъ новизною. Погода стояла отличная. На половинѣ перегона Огаревъ позволялъ желающимъ выйти и покуда лошади, ради отдыха, шли шагомъ, пройти версты 2 пѣшкомъ. На ночлегахъ кадеты размѣщались въ двухъ большихъ постоялыхъ дворахъ, спали обыкновенно въ повалку, на сѣновалѣ, что составляло тоже небывалую особенность.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ Петербургу, тѣмъ больше возрастало любопытство скорѣе увидѣть его. Никому въ то время не приходило на мысль, что съ этимъ приближеніемъ начинается удаленіе отъ беззаботныхъ дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ въ мирномъ уединеніи корпуса, о которыхъ многимъ придется вспомнить съ сожалѣніемъ, зачѣмъ они прошли такъ скоро и безвозвратно. Никто въ минуту своего перваго вѣзда въ столицу, не остановился на мысли, что для каждаго начинается новая жизнь, въ кругу новыхъ лицъ, новыхъ порядковъ и требованій, — жизнь сопряженная съ бѣльшими трудами, заботами и отвѣтственностями.

Приближаясь къ пересѣченію шоссе Царскосельскою желѣзною дорогою, кареты остановились у спущеннаго слагбаума. Кадеты выбѣжали посмотреть на невиданное ими прохожденіе поѣзда. Поровнявшись съ ихъ вытянувшюся вдоль полотна шеренгою, машинистъ, вѣроятно догадавшись что это провинціалы, нарочно далъ сильный свистокъ. Какъ бы облитые водою, въ одинъ мигъ всѣ бросились отъ дороги и только добѣжавъ до своихъ каретъ опомнились отъ страха.

31-го мая, въ 6 часовъ вечера, первый выпускъ Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса, вышелъ изъ экипажей, у подъѣзда дворянскаго полка.

Необходимо замѣтить, что изъ желанія-ли возбудить въ воспитанникахъ стараніе къ занятіямъ, или просто отъ манеры грозить будущимъ, но въ корпусѣ кадетъ сильно стращали дворянскимъ полкомъ и въ особенности его командиромъ генераль-маіоромъ Пуцинымъ. На дѣлѣ оказалось совершенно противное тому что говорили. Онъ принялъ первый выпускъ необыкновенно внимательно и даже ласково. Въ первый же вечеръ приказано было всѣхъ фельдфебелей и старшихъ унтеръ-офицеровъ привести въ его квартиру, гдѣ они были представлены его семейству. Чуждое всякой официальнойности обращеніе генерала, любезность его супруги, такъ умѣвшей въ каждомъ словѣ, въ каждомъ вопросѣ выразить доброту и участіе, съ перваго раза показали новгородцамъ, что ихъ желаютъ приблизить и затѣмъ ввести въ новое заведеніе съ полнымъ гостеприимствомъ. На слѣдующій день прибывшихъ кадетъ распредѣлили съ роты 1-го баталіона, причемъ всѣ фельдфебеля и старшіе унтеръ-офицеры заняли въ строю унтеръ-офицерскіе мѣста, и только младшимъ унтеръ-офицерамъ пришлось стать за рядовыхъ *).

Первые дни ротные командиры и вообще офицеры полка какъ бы приглядывались къ Новгородцамъ, но увидя въ нихъ полную во всемъ исполнительность, видимо стали отличать кадетъ и обнаруживать къ нимъ полное вниманіе. Ни той суровости тона, ни того солдатства о которомъ носились слухи въ корпусѣ, ни въ чемъ замѣчено не было. Напротивъ, съ каждымъ днемъ прибывшіе болѣе и болѣе чувствовали, что ихъ положеніе въ дворянскомъ полку, будетъ недурно.

Черезъ два дня по приѣздѣ начались экзамены, на которыхъ постоянно присутствовало множество учителей, не только дворянскаго полка, но и другихъ корпусовъ. Не проходило

*) Зачисленіе прибывшихъ кадетъ губернскихъ корпусовъ въ 1-й баталіонъ, было основано на высочайшемъ повеленіи о преобразованіи дворянскаго полка, послѣдовавшемъ 6-го февраля 1836 г. № 1090.

дня, чтобы непріѣзжали то директора, то инспекторы влассовъ изъ разныхъ заведеній. Даже въ постоянную экзаменную комиссію были назначены: инспекторъ 2-го кадетскаго корпуса Ортенбергъ 2-ой, законоучитель 1-го корпуса Раевскій и инспекторъ павловскаго кадетскаго корпуса. Промежутковъ для приготовленій небыло; каждый день приходилось сдавать какой либо предметъ, а иногда и два въ день. Видимо было, что начальникъ штаба Ростовцевъ, обставляя экзамены строго и безпристанно, какъ бы желалъ похвастать передъ стѣличными корпусами, первымъ выпускомъ изъ губернскаго. Дѣйствительно онъ могъ считать Новгородскій корпусъ отчасти и своимъ созданіемъ, такъ много онъ всегда показывалъ къ нему участія. Два или три раза пріѣзжалъ на экзаменъ и Главный директоръ, генералъ Клингенбергъ.

Въ числѣ экзаменовавшихъ была личность поражающая кадетъ громадностію роста и еще тѣмъ, что бывъ во фрагѣ, принимала особенное участіе въ экзаменѣ Закона Божія. Черезъ два мѣсяца, та же личность совершала уже литургію въ полковой церкви. Это былъ незабвенный Іоаннъ Васильевичъ *Рождественскій*, занявшій, съ пріѣздомъ перваго Новгородскаго выпуска, мѣсто священника и законоучителя дворянскаго полка. Кадеты страстно полюбили его; казалось сама судьба протезировала ихъ въ отношеніи законоучителей, потому что отъ Малиновскаго они попали къ Рождественскому. Память о немъ, о его дивныхъ проповѣдяхъ, о его прямотѣ и участіи къ каждому, Новгородскіе кадеты сохранили на всю жизнь. Почти всѣ вышедшіе въ гвардію и послѣ выпускоевъ оставались его духовными сыновьями, пока служили въ Петербургѣ. Кто былъ потомъ въ близкихъ сношеніяхъ съ множествомъ священниковъ и законоучителей, тотъ несомнѣнно скажетъ, что подобнаго І. В. Рождественскому небыло, да едва ли и будетъ.

Вообще экзаменъ перваго Новгородскаго выпуска произвелъ на петербургскихъ экзаменаторовъ самое лучшее впе-

чтлѣвіе. Онъ и еще то что кадеты нисколько не дичились новаго начальства, не конфузились новыхъ учителей, держали себя передъ ними просто, проявляли въ своихъ отвѣтахъ и манерахъ много естественности, отзывавшейся чѣмъ-то семейнымъ, было причиною, что они приобрѣли общее въ себѣ расположеніе. Двое изъ перваго выпуска, Краузе и Лефнеръ, изъявили желаніе, въ теченіи лѣта приготовиться, минуя 1-й спеціальный классъ, въ который были послѣ экзамена зачислены всѣ другіе, экзаменоваться въ августѣ прямо во 2-ой спеціальный. Получивъ на это разрѣшеніе, они не только отлично выдержали экзамень, но и во 2-омъ классѣ Краузе кончилъ курсъ первымъ и былъ выпущенъ въ гвардію, а Лефнеръ въ артиллерію.

Въ то время, какъ первый выпускъ, послѣ петергофскаго лагеря, начиналъ въ спеціальныхъ классахъ свои занятія, Государь Императоръ вновь посѣтилъ Новгородскій корпусъ. По этому случаю, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній писалъ директору: «Государь Императоръ, при проѣздѣ въ с. Бородино, изволить осчастливить ввѣренный Вамъ корпусъ своимъ посѣщеніемъ и сдѣлать смотръ и ученье корпусу въ баталіонномъ составѣ. Его Величество изволить выѣзжать изъ Петербурга въ ночь съ 14 на 15 августа. *)»

Императоръ прибылъ 15-го августа въ 11^{1/2} ч. утра. Обойдя всѣ помѣщенія и лазаретъ, Его Величество произвелъ на плацу смотръ баталіоннаго и застрѣльщичьяго ученья, послѣ чего былъ у стола кадетъ и удостоилъ кушать вмѣстѣ съ ними, сидя за среднимъ столомъ гренадерской роты. Сряду послѣ обѣда, изъявивъ всѣмъ благодарность за все видѣнное, Государь въ 2 часа дня выѣхалъ по пути въ Москву. **)»

Ровно черезъ годъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1840-го года, состоялось прибытіе въ дворянскій полкъ втораго Новгородскаго выпуска. Репутація составленная корпусу первымъ, — заставила корпусъ

*) Письмо отъ 12-го августа № 5921.

**) Отношеніе генерала Петровскаго отъ 15 августа, № 1403.

ное начальство особенно заботиться о томъ, чтобы поддержать ее. Поэтому директоръ, отдавая приказъ объ экзаменахъ, требовалъ отъ инспектора и учителей, чтобы они особенно строже экзаменовали предназначенныхъ къ переходу въ дворянскій полкъ. Опасеніе за второй выпускъ были совершенно напрасно. Во первыхъ у него большую часть предметовъ преподавали не тѣ учителя, которые приготавливали выпускъ минувшаго года, поэтому, ~~желая конкурировать~~, они употребляли все возможное стараніе, чтобы ихъ ученики оказались не хуже. Во вторыхъ, составъ втораго выпуска былъ какъ то особенно удаченъ. Онъ состоялъ преимущественно изъ воспитанниковъ даровитыхъ, прилежныхъ и увѣренныхъ въ своихъ занятіяхъ. Во главѣ таковыхъ были: Одаховскій, Мавшеевъ, Вельяшевъ, Краузе 2, Фроловъ, Свѣжинскій, Рывачевъ 2 и другіе.

Отправление ихъ уже не было новинкою и совершилось нѣсколько проще прошлогодняго: ихъ везли не черезъ Новгородъ, а прямымъ трактомъ, на Спасскую Полиць и не въ каретахъ, а на большихъ тройныхъ телегахъ. Для сопровожденія 2-го выпуска былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Бѣляевъ, съ прибытіемъ котораго штабсъ-капитанъ Огаревъ возвратился въ корпусъ. Экзамень произведенный второму выпуску былъ вполне блистателенъ. Отвѣты изъ географіи (преподаватель Нейманъ) изъ математики (преподаватель Каменскій) изъ иностранныхъ языковъ (преподаватели Юргенсъ и Нюкверъ) поражали начальство петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ. Они утвердили за Новгородскими кадетами репутацію отлично подготовленныхъ къ спеціальнымъ классамъ, а за ихъ учителями — знающихъ, усердныхъ и толковыхъ преподавателей.

Между тѣмъ изъ неречня и характеристики первыхъ и въ послѣдствіи поступавшихъ учителей, мы видѣли, что эти преподаватели далеко не были орлами своей науки. Не доказываетъ ли это, что для первоначальнаго образованія юношества,

добрая воля, усердіе и честное отношеніе къ дѣлу, гораздо важнѣе глубокой учености. Почти одновременно съ прїѣздомъ въ дворянскій полкъ 2-го Новгородскаго выпуска, тудаже прибылъ первый выпускъ Полоцкаго, такъ что экзамены обоихъ происходили параллельно и давали полную возможность для сравненія. Въ нѣкоторыхъ предметахъ (словесность, естественныя науки, исторія) Полочане брали верхъ, — въ другихъ-же (математика, географія, иностранныя языки) Новгородцы оставляли ихъ за собою, такъ что рѣшить, кому принадлежитъ первенство, было не возможно.

Въ 1840 году совершилось окончательное преобразование дворянскаго полка, по которому онъ, сравнившись въ учебномъ отношеніи со всѣми столичными кадетскими корпусами, долженъ былъ постепенно составиться только изъ кадетъ губернскихъ корпусовъ, присылаемыхъ для окончанія спеціальнаго курса. На этомъ основаніи, оба выпуска Новгородскаго корпуса были соединены въ одну 1-ю гренадерскую роту, названную Новгородскою. Кадеты Полоцкаго корпуса были зачислены въ 1-ю мушкетерскую роту, тогда переименованную — Полоцкою. Затѣмъ предполагалось 2-ю роту предоставить Петровскому — Полтавскому корпусу, 3-ю Орловскому — Бахтина и т. д. Кромѣ того, имѣлось въ виду въ каждой ротѣ губернскаго корпуса, весь составъ офицеровъ образовать изъ офицеровъ того-же самаго корпуса, которыхъ замѣнять черезъ каждые два года другими.

Въ послѣдующіе года, начальство дворянскаго полка, видя что нѣкоторые предполагавшіеся къ учрежденію губернскіе корпуса не открываются, а черезъ это большая половина его состава состоитъ изъ собственныхъ его воспитанниковъ, между тѣмъ какъ Новгородцы и Полочане постоянно дѣлаются преобладающимъ элементомъ въ учебномъ отношеніи, нашло предлогъ упразднить названіе ротъ по корпусамъ и разъединить кадетъ. Предлогъ этотъ, поддержанный совѣтомъ военно-

учебныхъ заведеній, былъ официально выставленъ въ слѣдующемъ видѣ:

«Кадеты, составляя отдѣльныя роты, не сливаются съ составомъ дворянскаго полка, удерживаютъ свой отличительный провинціализмъ и свой такъ называемой *esprit de corps*. Черезъ это при образованіи прочихъ губернскихъ гренадерскихъ ротъ, каждая изъ 8-ми ротъ дворянскаго полка, составитъ какъ бы особое цѣлое, съ своими мѣстными достоинствами и недостатками и полкъ не будетъ имѣть должнаго единства».

Хотя въ настоящемъ историческомъ очеркѣ, мы по возможности избѣгаемъ критическаго разбора той или другой мѣры, исключая тѣхъ случаевъ, которые имѣли первенствующее значеніе въ жизни Новгородскаго корпуса, но не можетъ не замѣтить, что выше приведенные начальствомъ дворянскаго полка доводы, не имѣли достаточнаго основанія. Тоже самое начальство находило, при экзаменахъ, познанія губернскихъ кадетъ весьма хорошими; при всякомъ удобномъ случаѣ оно выставяло кадетъ въ примѣръ своимъ воспитанникамъ и даже личнымъ обращеніемъ приближало къ себѣ кадетъ болѣе, чѣмъ носившихъ форму полка. Тотъ *esprit de corps*, котораго опасались, не обнаружился въ 4 года ни однимъ общимъ дурнымъ поступкомъ; напротивъ, онъ приносилъ видимую пользу, поддерживая соревнованіе между ротами. Новгородцы старались перецеголять Полочанъ, Полочане—Орловцевъ, Полтавцы—тѣхъ и другихъ. Никогда прежде, изъ дворянскаго полка не выходило въ гвардію столько какъ 1842 году, когда Новгородская и Полоцкая роты были въ комплектѣ. Въ этотъ годъ вышло изъ полка въ гвардію 17; изъ нихъ кадетъ изъ двухъ ротъ было 12, на 6 ротъ дворянскаго полка пришлось 5. Несмотря на это, 23-го апрѣля 1842-го года состоялось распоряженіе: присылаемыхъ кадетъ губернскихъ корпусовъ, въ отдѣльныхъ ротахъ по каждому корпусу неимѣть, а разпредѣлять ихъ въ общій составъ дворянскаго полка, съ тѣмъ, что бы они носили и форму полка. вмѣстѣ съ этимъ

отмѣнена присылка отъ корпусовъ офицеровъ и приказано доставлять кадетъ не передъ лагеремъ, а послѣ его окончанія, по производствѣ воспитанниковъ дворянскаго полка въ офицеры. *)

Въ доказательство того, что кадеты губернскихъ корпусовъ не только въ классномъ, но и въ другихъ отношеніяхъ, оставляли за собою коренныхъ воспитанниковъ Дворянскаго полка, которыхъ было въ 4 раза болѣе, приведемъ тотъ фактъ, что фельдфебеля ротъ полка и большая часть унтеръ-офицеровъ была изъ кадетъ. Въ числѣ фельдфебелей были одновременно *Новгородцы*: Карцовъ, Одоховскій, Вельяшевъ и *Полочане*: Тиньковъ, Власовъ, Пржевалинскій, т. е. 6 на 8 ротъ.

Долгъ благодарности и исторической истины заставляетъ насъ сказать, что насколько кадеты Новгородскаго корпуса обязаны ему своимъ учебнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ, на столько же они обязаны дворянскому полку и въ особенности его командиру, генералу Пуцину, — служебнымъ образованіемъ. Его въ высшей степени честный и серьезный взглядъ на службу, всѣлялъ сознаніе въ необходимость ответственности, уваженіе къ служебнымъ требованіямъ и ту опытность и знаніе, которыя кадеты того времени обнаруживали выходя въ офицеры. Тотъ кто былъ фельдфебелемъ и унтеръ-офицеромъ при Пуцинѣ, не нуждался болѣе ни въ какихъ служебныхъ указаніяхъ. Это были уже готовые офицеры въ кадетской курткѣ, умѣвшіе потомъ служить при всякомъ, и слишкомъ строгомъ и слишкомъ добромъ начальникѣ, умѣвшіе любить и уважать службу.

*) Полн. Сбор. Зап. Т. XVII 15,588.

Глава VII.

Корпусъ по отправкѣ выпускныхъ.—Директоръ Главацкій.—Его приказы.— Учебная часть въ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ.— Инспекторъ Ржевскій.—Жалоба кадетъ Великому князю.—Ея послѣдствія.—Учителя репетиторы.—Ослабленіе успѣховъ.—Неудобства классныхъ размѣщеній.—Улучшеніе бібліотеки.

Отправленіе выпускныхъ всегда оставляло въ корпусѣ нѣкоторую пустоту, которую чувствовали преимущественно офицеры и учителя, какъ чувствуетъ человѣкъ только что окончившій свою работу и еще не зная о ея результатѣ, долженствующій снова приниматься за тоже самое. Кадеты напротивъ очень скоро забывали разлуку съ товарищами, потому что вмѣсто отправленныхъ дѣлалось назначеніе новыхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, бывший 3-й общій классъ обращался въ 4-й, т. е. въ старшій, и всѣ прочіе повышались, начинался приемъ новичковъ. Все это производило оживленіе въ общемъ и сенсациі въ частностяхъ.

Послѣ 4-го и 5-го выпусковъ, Новгородскій корпусъ по немногу болѣе и болѣе утрачивалъ свою особенность и наконецъ къ 1850-мъ годамъ, его внутренняя жизнь потеряла свой семейный характеръ, составлявшій глубокій внутренній смыслъ нравственнаго воспитанія. Вновь прибывающіе офицеры не заставляли уже въ корпусѣ прежнихъ тенденцій. Мало по малу они стали держать себя далѣе отъ кадетъ, что нисколько не служило въ пользу дисциплины, а только вело къ упадку взаимныхъ привязанностей. Офицеры первыхъ годовъ обладали дорогимъ и рѣдкимъ тактомъ не смѣшивать дружбы съ службою, отъ того въ первыя 20 лѣтъ существованія корпуса, не было примѣра грубости офицеру или неуважитель-

ныхъ въ нему обращеній. Въ одномъ изъ приложений *), мы помѣщаемъ воспоминанія кадета о его бытности въ Новгородскомъ корпусѣ, какъ доказательство многого о чемъ мы упоминали. Положительно можно сказать, что никогда дисциплина не была такъ разумно требуема и понимаема и такъ свято и строго соблюдается, какъ это было въ Новгородскомъ корпусѣ въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ.

Въ виду того что съ 1842-го года, какъ внутренній бытъ, такъ учебная и административная жизнь корпуса стали все болѣе и болѣе входить въ общую рамку другихъ однородныхъ съ нимъ заведеній и все потомъ подчинилось общимъ распоряженіемъ, исходившимъ изъ штаба военно-учебныхъ заведеній, мы съ этого времени измѣняемъ систему нашего разсказа и вмѣсто описанія происходившаго въ корпусѣ по годамъ, будемъ продолжать нашъ очеркъ по періодамъ, соединяя однородныя событія за нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ. Это же служить причиною, что съ 1839-го года, мы прекращаемъ переименованіе поступающихъ въ теченіи извѣстнаго года офицеровъ и учителей.

Вмѣсто этого, читатели найдутъ, въ 10-мъ приложеніи, полный списокъ всѣхъ служившихъ въ корпусѣ, съ означеніемъ нѣкоторыхъ главныхъ о ихъ службѣ свѣдѣній, о времени поступленія въ корпусъ и оставленія его.

Въ 1840 году директоръ Петровскій былъ отчисленъ по кавалеріи и на его мѣсто, изъ баталіонныхъ командировъ Павловскаго корпуса, исправляющимъ должность директора назначенъ полковникъ Федоръ Васильевичъ Главацкій, въ томъ же году произведенный въ генераль-майоры. Онъ воспитывался во 2 кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ 1807 г. подпоручикомъ въ артиллерію. Участвуя въ турецкой кампаніи 1809—1812 годовъ, онъ былъ раненъ подъ

*) Въ 9-мъ приложеніи помѣщенъ правдивый очеркъ жизни въ Новг. графа Аракчеева кадetsk. корпусѣ, бывшаго кадета В... З...

Руцузомъ, вслѣдствіи чего оставивъ строй, поступилъ въ корпусные офицеры, сначала 2-го кадетскаго, а потомъ Павловскаго корпуса.

Главацкій былъ человѣкъ хозяйственный, обращавшій особенное вниманіе на административную и экономическую части корпуса, но не забывавшій и остального. Въ своихъ приказахъ, онъ любилъ обращаться къ наставленіемъ и къ совѣтамъ относительно нравственности. Вступая въ должность онъ просилъ офицеровъ о продолженіи къ воспитывающимся той же попечительности и надзора, а къ кадетамъ обратился въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я въ полной надеждѣ, что кадеты будутъ совершенствовать свое воспитаніе тѣми нравственными качествами, на которыхъ основана военная служба и всѣ дѣйствія благороднаго человѣка». Большой любитель все заводить, устроить, передѣлывать,—Главацкій сдѣлалъ много хорошаго для корпуса. При немъ проведенъ водопроводъ изъ Мсты, сдѣланы брантъ-мауеры, устроено шоссе до бани. Заботясь о возможномъ сбереженіи суммъ, онъ частенько допускалъ упущенія въ отношеніи кадетскаго стола, что особенно чувствовалось послѣ добраго старика Петровскаго, постоянно заботившагося о пищѣ кадетъ и строго державшаго эконома Шишмолина, отъ чего тотъ наконецъ и ушелъ. Вообще Главацкій любилъ показывать товаръ лицомъ и былъ мастеръ этого дѣла.

Хотя отъ многихъ современниковъ намъ доводилось слышать, что Главацкій былъ вообще равнодушенъ ко всему кромѣ хозяйства, но мы безусловно согласимся съ этимъ не можемъ. Его борьба съ полиціймейстеромъ Тромщинскимъ, имѣвшимъ заступу въ штабѣ, откуда однажды было даже написано директору, что онъ: «не можетъ отстранять отъ должности человѣка назначеннаго высшимъ начальствомъ», его самостоятельность въ отношеніи баталіоннаго командира Струмилло—доказываютъ, что Главацкій вовсе не былъ слабъ и податливъ, какъ это казалось. Онъ сразу показалъ полковнику

Струмило, что его вліаніе на управление кончено. Струмило понималъ, что новый директоръ не Петровскій. Онъ почти каждое лѣто уѣзжалъ въ отпускъ, представляя строевую часть, произведенному въ 1840 году въ подполковники, Аралову, замѣнившему въ должности младшаго штабъ офицера умершаго подполковника Жирикова *).

Читая приказы по корпусу, отданные генераломъ Главацкимъ, можно придти къ убѣжденію, что онъ лично входилъ во всѣ подробности какъ нравственнаго такъ и умственнаго воспитанія. Въ дѣйствительности было далеко не такъ. Тѣмъ не менѣе многіе изъ его приказовъ на столько замѣчательны въ воспитательномъ отношеніи, что мы пользуемся ими какъ доказательствомъ существовавшаго въ то время взгляда на преступны кадеты.

Воспитательной опытности въ Главацкомъ было не мало. По поводу продажи двумя кадетами казенныхъ книгъ корпусной библіотеки, онъ писалъ въ приказѣ: «пятнадцати лѣтній возрастъ виновныхъ позволяетъ мнѣ имѣть къ нимъ снисхожденіе болѣе должнаго, позволяетъ надѣяться, что они послѣ опредѣленнаго наказанія, почувствуютъ всю черноту своего поступка и не загрубѣвъ въ пороки, обратятся къ нравственности чистой, безукоризненной. Въ теченіи долговременной службы моей, я видѣлъ не рѣдкіе примѣры такого исправленія. Настоящій несчастный случай долженъ служить предостереженіемъ и для воспитателей и для воспитанниковъ. Первые, по долгу христіанина и вѣрноподаннаго, обязаны внушать кадету правила неуклонной честности и благородныхъ стремленій, а неусыпнымъ и осторожнымъ надзоромъ,

*) Подполковникъ Жириковъ, передъ своею послѣднею болѣзною, былъ прикомандированъ къ дворянскому полку, гдѣ скончался 22 ян. 1840 г. Новгородскимъ кадетамъ 1-го выпуска довѣлось отдать ему послѣднюю воинскую почесть. Произнесенная при его отпѣваніи священникомъ Рождественскимъ рѣчь, была въ высшей степени замѣчательна по своей задушевности и силѣ слова, при возможной краткости.

предостерегать вредныя вліянія. Вторыя, — для оправданія надежд родителей и попеченій Государя, наконецъ для собственнаго блага, должны всѣми силами, не только сами воздерживаться отъ проступковъ унизительныхъ, но и предостерегать отъ нихъ слабыхъ волею товарищей*).

Вообще товарищескому вліянію Главацкій придавалъ видимое значеніе. «Воспитанникъ Б.—» писалъ онъ въ приказѣ — «препровожденіемъ въ отпуску времени въ кругу прислуги и лицъ нисшей степени образованія, показалъ, что онъ предпочитаетъ подобное сообщество удовольствію быть между лицами благовоспитанными. Представляя исправленіе столь ложныхъ убѣжденій и взглядовъ кадета Б. его товарищамъ, предлагаю ротному командиру внимательно слѣдить за нимъ**). Таковой приказъ не могъ быть написанъ человѣкомъ равнодушнымъ къ нравственности кадетъ и нелюбившимъ ихъ. При обычной въ описываемое время строгости дисциплины, у директора были въ рукахъ средства удерживать отъ дурнаго страхомъ наказанія, слѣдовательно не имѣй онъ сердечнаго желанія дѣйствовать кромѣ наказаній убѣжденіемъ, никто бы и не замѣтилъ этого. Приведемъ еще одинъ изъ его приказовъ:

«Прошу кадетъ, послѣ каникулярнаго времени и отдыха, съ новыми силами и рвеніемъ приступить къ занятію науками. Пусть каждый вспомнить, что онъ учится для себя, что отъ степени его успѣховъ зависитъ не только переходъ въ старшій классъ и право на полученіе офицерскаго чина, но степень его образованія, а слѣдовательно и благоденствія. И въ нынѣшнее время трудно жить безъ образованія, а въ ваше

*) Приказъ по корпусу 1845 г. № 77. Предоставляемъ читателю судить, на сколько правы тѣ педагоги, которые осуждая прежніе кадетскіе корпуса, говорили, что въ нихъ не обращалось вниманія на нравственное воспитаніе и все было пожертвовано одному солдатизму.

**) Приказъ 1851 г. № 64.

время будетъ еще труднѣе. Уже теперь дѣти купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ, даже крестьянъ учатся и учатся хорошо. Не стыдно ли же будетъ вамъ, дворянамъ, предназначеннымъ къ почетной военной службѣ, отстать отъ нихъ, или позволить имъ сравняться съ собою? Вамъ, щедротами Монарха, даны всѣ средства, не только къ образованію, но и къ честной, блистательной будущности. Соберите же всѣ ваши молодыя силы и испросивъ помощь у Бога, принимайтесь усердно за новые труды. Господь поможетъ вамъ преодолѣвать ихъ съ легкостью, успѣхомъ и удовольствіемъ *).

Въ чемъ нельзя не упрекнуть Главацкаго, такъ это въ томъ, что онъ управлялъ корпусомъ съ высока, изображая изъ себя не столько директора сколько главнаго начальника. Онъ довольно рѣдко являлся въ роты, а если и приходилъ, то объ этомъ всѣ знали заранее: кадетамъ надѣвали новыя куртки, ставили ихъ по кроватямъ, все вездѣ чистили, прибирали и когда все было готово, тогда являлся директоръ, въ сопровожденіи всѣхъ служащихъ. Результатомъ подобной методы было то, что повседневная одежда кадетъ была въ очень

*) Приказъ 1853 г. № 259.

Въ историческомъ вѣстникѣ 1882 г. № 5, въ статьѣ «Кадетскій бытъ» помѣщенъ отзывъ о Ф. В. Главацкомъ, какъ о баталіонномъ командирѣ. Авторъ этой статьи говоритъ: «Главацкій имѣлъ учить кадетъ, былъ вѣжливъ и привѣтливъ съ ними, внимателенъ и исполнителенъ передъ начальниками и не мудрено, что сталъ общимъ любимцемъ и кадетъ и начальниковъ». Послѣ этихъ похвалъ, почтенный авторъ, къ сожалѣнію не могъ воздержаться, чтобы не послѣдовать модѣ и не кольнуть чѣмъ-либо прежнее направленіе корпусовъ. Далѣе онъ говоритъ: «Но въ торжествѣ своемъ Главацкій упускалъ изъ виду, что успѣхъ его (т. е. фронтовой) былъ прямо противоположенъ успѣху умственного образованія кадетъ». Невольно рождается вопросъ—почему? Отвѣта мы не находимъ. Съ своей же стороны замѣтимъ, что именно въ то самое время когда Главацкій былъ баталіоннымъ командиромъ, изъ Павловскаго корпуса выходило наибольшее число въ гвардію; что въ это время Павловскій корпусъ далъ много свѣтлыхъ умовъ и личностей, бывшихъ потомъ замѣчательными офицерами Генеральнаго штаба и замѣчательными дѣятелями на различныхъ служебныхъ поприщахъ. Гдѣ же послѣ этого основаніе говорить, будто фронтовое образованіе мѣшаетъ умственному?

плохомъ видѣ, а новыя куртки, находясь преимущественно въ цейхгаузахъ, служили два сроба, что доставляло экономію въ ущербъ порядку.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ учебная часть корпуса поступила подъ полный контроль штаба военно-учебныхъ заведеній, откуда исходили распоряженія одинаково обязательныя для всѣхъ кадетскихъ корпусовъ. Изъ нихъ, въ отношеніи Новгородскаго графа Аравчеева кадетскаго корпуса уважемъ на слѣдующее: 1) Съ 1840 г. преподаваніе по всѣмъ предметамъ велось по программамъ утвержденнымъ для всѣхъ корпусовъ; 2) принятая оцѣнка классныхъ отвѣтовъ по 12-ти балльной системѣ, примѣнена была и для поведения, вмѣсто прежней оцѣнки словами; 3) въ ротахъ и классахъ заведены красныя и черныя доски; на первыя вносились фамиліи отличныхъ учениковъ, на вторыя—учившихся особенно дурно; 4) для обсужденія мѣръ по нравственному и учебному воспитанію, въ корпусѣ былъ учрежденъ воспитательный комитетъ: изъ баталіоннаго командира, инспектора, ротныхъ командировъ и наставниковъ—наблюдателей по каждому предмету. Главацкій рѣдко присутствовалъ въ воспитательномъ комитетѣ; но о результатѣ его засѣданій и о просмотрѣ представляемыхъ ротными командирами аттестаціонныхъ тетрадей объявлялъ въ приказѣ. Это уже указывало на переходъ отъ личнаго управленія къ коллегиально-бюрократическому.

Суля по статистическимъ даннымъ, о результатѣ годовыхъ экзаменовъ и по числу отличныхъ и неуспѣшныхъ, объявляемому въ годовыхъ отчетахъ, видно, что съ конца сороковыхъ годовъ экзамены кадетъ въ Петербургѣ, проходятъ уже безъ особенныхъ похвалъ. Начали-ли уставать прежніе учителя, относились ли новыя въ дѣлу съ одной, такъ сказать, казенной стороны, только видимъ, что съ 1849 года переводимымъ въ дворянскій полкъ назначаются перевыэкзаменованія, чего доселѣ не было.

Замѣчательно, что ослабленіе въ познаніяхъ переводи-

михъ, началось именно съ того года, когда первый инспекторъ корпуса Божеряновъ вышелъ въ отставку. Въмѣсто него былъ назначенъ статскій совѣтникъ Владиміръ Константиновичъ Ржевскій *). Находившіеся въ дворянскомъ полку Новгородцы, за долго еще до назначенія Ржевскаго инспекторомъ, часто встрѣчали его у командира полка Н. Н. Пушина, а также видѣли въ классахъ, приглядывающимся къ порядкамъ и способамъ преподаванія. По прибытіи въ корпусъ, новый инспекторъ энергически отнесся къ своей обязанности. Про его отношенія къ кадетамъ нужно сказать, что онъ до баловства былъ хорошъ къ тѣмъ, которые учились успѣшно и до излишества строгъ въ остальнымъ. Для поощренія первыхъ, онъ не мало тратилъ собственныхъ денегъ, бралъ ихъ къ себѣ, устраивалъ для нихъ литературныя вечера, давалъ обѣды. Это не совсѣмъ нравилось директору, потому что Ржевскій былъ человѣкъ холостой, а въ холостой бесѣдѣ всегда болѣе излишней свободы, чѣмъ въ быту человѣка семейнаго. Кромѣ того, такъ какъ Главацкій былъ скупенекъ, то Ржевскому всегда стоило большаго труда получить отъ него средства для улучшенія классной части. Все это вмѣстѣ было причиною, что между директоромъ и инспекторомъ, не было особой симпатіи. Съ учителями новый инспекторъ былъ очень деликатенъ и умѣлъ своею манерою заставлять работать и тѣхъ изъ вновь прибывшихъ при немъ, которые не отличались охотою къ дѣлу. По мнѣнію Ржевскаго (судя по его дѣйствіямъ) между отличными и дурными воспитанниками, не было середины; кто не отличенъ, тотъ дурень. Это и привело къ тому, что въ его время способные кадеты, на которыхъ онъ обращалъ исключительное вниманіе, учились лучше преж-

*) Ржевскій былъ кандидатъ Московскаго университета, изъ котораго вышелъ въ 1831 году. Съ 1837 по 1839 г. онъ былъ учителемъ исторіи, а затѣмъ инспекторомъ въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ. Съ 1841 года, до назначенія инспекторомъ въ Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, состоялъ при штабѣ Военно-учебныхъ заведеній.

нато, а масса, изъ которой онъ зналъ только тѣхъ, кого приходилось наказывать, опускалась. Но какъ классные успѣхи не всегда совпадали съ нравственными достоинствами, то и выходило, что онъ выдвигалъ иногда впередъ такихъ, вліяніе которыхъ на товарищей приносило скорѣе вредъ чѣмъ пользу. Это не разъ порождало столкновения инспектора съ ротными командирами, отстаивавшими тѣхъ, которые несли отъ него гоненіе. Подобныя отношенія не могли не вліять на кадета. Къ тому же разница между характерами инспектора Боже-рянова и его преемника была на столько велика и на столько склонялась въ пользу перваго, что послѣднему трудно было приобрести ту любовь воспитанниковъ, которую 10 лѣтъ пользовался его предшественникъ.

Не влюбивъ Ржевскаго за имѣніе любимчиковъ, кадеты долго таили свое къ нему нерасположеніе; наконецъ оно выразилось довольно прискорбнымъ фактомъ и для него и для всего корпуса.

Лѣтомъ 1845-го года, великій князь Михаилъ Павловичъ посѣтилъ корпусъ. Всѣмъ имъ осмотреннымъ, и особенно фронтovýmъ ученіемъ, онъ остался вполне доволенъ. Передъ самымъ отъѣздомъ, когда уже была подана коляска, всѣ офицеры, инспекторъ, учителя и кадеты, собравшись у подъѣзда, окружили экипажъ, ожидая выхода Михаила Павловича. Его высочество появился въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, сѣлъ уже съ адъютантомъ въ коляску, какъ среди кадетъ послышался глухой говоръ; слышались какія-то неясныя и отрывочныя фразы. Когда Великій князь спросилъ: «что такое?» и обратясь къ директору прибавилъ: «чего они хотятъ?» то начали уже болѣе разборчиво слышаться слова:— «Инспекторъ не хорошъ! Инспекторъ строгъ! Другаго инспектора!» Въ одинъ мигъ лицо его высочества измѣнилось; онъ крикнулъ: «молчать» и указывая на кадета Роговинскаго, говорившаго громче другихъ, сказалъ:— «арестовать его и разобратъ дѣло».

Отѣхавъ 5 верстѣ, у выѣзда на московское шоссе, Великій князь приказалъ адъютанту возвратиться въ корпусъ, на тройкѣ сопровождавшаго его фельдъегеря и передать генералу Главацкому, во первыхъ полное неудовольствіе за то, почему онъ не зналъ о намѣреніи кадетъ и не предупредилъ общую жалобу, а во вторыхъ — что для ея разслѣдованія будетъ прислано довѣренное лицо, а повуда, впредь до приказанія, никого изъ кадетъ въ отпускъ не увольнять и никакихъ недоставлять имъ удовольствій и развлеченій.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ корпусъ членъ совѣта и инспекторъ военно-учебныхъ заведеній генераль-лейтенантъ Анненковъ.

Жалоба на Ржевскаго, произвела на начальство корпуса потрясающее впечатлѣніе, такъ какъ оно, во первыхъ не ожидало ничего подобнаго, а во вторыхъ — полагало, что за это произшествіе, корпусъ и его начальство на всегда лишатся милостиваго расположенія Великаго князя. Это доказывало, что думавшіе такимъ образомъ, мало знали Михаила Павловича, сердечность котораго никогда не допускала ни мстительности, ни злопамятства. Не прошло мѣсяца послѣ описаннаго случая, какъ генераль Ростовцевъ писалъ директору:

«Его Высочество получа донесеніе о разслѣдованіи генераломъ Анненковымъ принесенной, неумѣстной жалобы на инспектора Ржевскаго нѣкоторыми воспитанниками, изволить жаловать корпусу прощеніе, надѣясь что воспитанники постигнутъ все безразсудство и неделикатность виновныхъ ихъ товарищей, разрѣшаетъ дѣлать отпускъ къ родственникамъ на прежнемъ основаніи, равно и корпусъ подъ гнѣвомъ своимъ не считаетъ».

Подробный разборъ жалобы привелъ къ тому, что дѣйствія инспектора были найдены правильными, хотя и несомнѣнно, что онъ былъ лицепріятенъ къ однимъ и слишкомъ-взыскателенъ къ другимъ. При этомъ оказалось, что

жаловались далеко не всѣ, а только тѣ кого кадетъ Рагозинскій успѣлъ склонить къ этому. Вслѣдствіи этого, вѣскольکو кадетъ были наказаны телѣсно, а подговаривавшій ихъ Рагозинскій, какъ зачинщикъ, выписанъ въ армію рядовымъ.

Подъ впечатленіемъ описаннаго случая и полученнаго отъ Ростовцева письма, генералъ Главацкій отдалъ пространнѣйшій приказъ по корпусу, изъ котораго приводилъ мѣста наиболѣе характеризующіе взгляды воспитателей того времени, на направленіе и духъ воспитанія.

«... Не могу умолчать — писалъ директоръ, сколь глубоко огорченъ и оскорбленъ я неслыханнымъ событіемъ. Хотя въ немъ участвовали не многіе, но они видимо вліяли на тѣхъ, которые не понимали важности проступка и не усвоили чувствъ благородства и благодарности, составляющихъ цѣль нравственнаго образованія, которое одно составляетъ на всю жизнь истинное благополучіе. Вѣроятно они забыли, что изъ всѣхъ нравственныхъ чувствъ, послѣ религіи, главнѣйшее есть благодарность, преданность Государю, повиненіе и почитательность... Еслибы вы постигали всѣ заботы вашихъ родителей, неимѣющихъ средствъ дать вамъ воспитаніе дома, достигнуть помѣщенія васъ въ корпусъ и ежедневно благословляющихъ за это Государя и Августѣйшаго брата его, тогда бы страшились и подумать о неблагодарности» *).

Съ 1844 года разрѣшено было имѣть въ корпусѣ, изъ числа прикомандированныхъ офицеровъ, репетиторовъ. Ихъ обязанность заключалась въ содѣйствіи воспитанникамъ готовить заданные уроки и въ случаѣ надобности, замѣнять временно-отсутствующаго преподавателя. Но до 1852-го года въ Новгородскомъ корпусѣ репетиторовъ не было, потому ли что не находилось желающихъ занять эту должность, или потому, что начальство корпуса нашло возможнымъ принять

*) Приказъ по корпусу 17 іюня 1845 г. № 167.

предложеніе нѣкоторыхъ учителей, нести на себѣ обязанности репетиторовъ. Старшіе между ними, вѣрные тому направленію, которое было дано имъ инспекторомъ Божеяновымъ, явились первыми замѣстителями репетиторовъ. Они выразили готовность посвящать каждый нѣсколько вечеровъ въ недѣлю, наблюденію за приготовленіемъ кадетами уроковъ въ ротяхъ. Но какъ для всѣхъ ротъ и классовъ, учителей было бы недостаточно, а между тѣмъ въ надзорѣ за приготовленіемъ болѣе нуждались кадеты младшаго возраста, то было рѣшено: репетировать уроки только во 2-й и неранжированной ротѣ. При этомъ, распредѣленіи времени для посѣщенія ротъ учителями, директоръ предоставлялъ инспектору; преподавателей же просилъ: неограничиваться репетированіемъ съ однимъ или нѣсколькими воспитанниками собственнаго класса или предмета, но помогать и содѣйствовать всѣмъ кто нуждается.

На сколько оберегалась въ то время дисциплина и поддерживалось начальническое значеніе, видно изъ слѣдующихъ фразъ одного изъ приказовъ по корпусу. «Въ продолженіи репетированія, отношенія кадетъ къ преподавателямъ остаются тѣже какъ и всегда, т. е. съ сохраненіемъ полного послушанія, покорности и почтенія»... Далѣе: «Такая мѣра нисколько не отстраняетъ и нисколько не ослабляетъ надзора за порядкомъ и занятіями кадетъ, который возложенъ на ротныхъ командировъ и дежурныхъ офицеровъ и я надѣюсь, что они не уменьшатъ своей дѣятельности въ этомъ отношеніи».

Въ то время когда такъ заботились объ успѣхахъ въ младшихъ классахъ, въ старшемъ, въ свободное время, велъ бесѣды, или занимался разборомъ лучшихъ произведеній литературы Д. Н. Орнатскій, о которомъ приходится говорить при всякомъ случаѣ, касающемся любви учителя къ кадету. Въ 1847 году, длинные, осенніе вечера, для выпускнаго класса, были имъ обращены въ интересные. По субботамъ

они дѣлились до 11 часовъ и были посѣщаемы не только кадетами слѣдующаго за выпускнымъ класса, но и офицерами *).

За то, что экзамены выпускныхъ съ 1850 г. въ общемъ не выдавались такъ замѣтно какъ прежде, многіе потомъ вѣрили генерала Главацкаго, будто бы несочувствовавшаго стрѣмленіямъ инспектора Ржевскаго. Приведенные выше приказы вполнѣ опровергаютъ такое обвиненіе. Нужно имѣть въ виду, что Главацкій имѣлъ дѣло съ 4-мя инспекторами: до 1845 г. съ Божеряновымъ, затѣмъ до 1848 г. съ Ржевскимъ, потомъ съ Лавровымъ, оставшимся всего 2 года и наконецъ съ Александровымъ. Вотъ эта-то частая перемѣна инспекторовъ и еще болѣе частая перемѣна учителей и была главною причиною нѣкотораго упадка учебной части въ общемъ. Въ частности же, въ каждомъ выпускѣ всегда было нѣсколько отличныхъ. Одинъ изъ инспектировавшихъ корпусъ членовъ совѣта военно-учебныхъ заведеній, весьма вѣрно подмѣтилъ причину ослабленія успѣховъ. Онъ писалъ: «Прежде успѣшному ходу образованія много способствовало то, что преподаватели, по всѣмъ предметамъ, шли съ своими учениками отъ низшаго класса до высшаго и что при годовичныхъ испытаніяхъ, воспитанниковъ экзаменовали не только изъ пройденнаго въ теченіи года, но изъ всего курса». Новые инспектора часто мѣняли учителей, что и было главною причиною неудачъ при экзаменахъ.

До 1846 г. вновь поступающіе учителя, чтобы быть принятыми, прочитывали пробную лекцію на тему, по назначенію инспектора классовъ, а затѣмъ письменное изложеніе прочитаннаго поступало въ штабъ военно-учебныхъ заведеній, на разсмотрѣніе учебнаго его отдѣленія. Съ слѣдующаго года, было приказано темы для пробныхъ лекцій получать изъ штаба **).

*) Приказъ № 282.

**) Приказъ по воен. учеб. зав. 1846 г. № 806.

Классная обстановка въ корпусѣ долго оставалось въ патриархальной простотѣ. Громадныя скамьи, человекъ на 10, съ врѣзанными въ нихъ оловянными чернильницами, черная кафедра и на ней черный же крашенный столъ, да одна или двѣ доски на треножникахъ, — вотъ и все. Освѣщались классы салными свѣчами, покуда это не было замѣчено инспектировавшимъ, приказавшимъ завести лампы. Классную же мебель передѣляли по образцу столичныхъ корпусовъ въ 1846 г.

Послѣ описаннаго случая съ инспекторомъ Ржевскимъ, онъ сдѣлался замѣтно сдержаннѣе и осторожнѣе, хотя и продолжалъ подымать вопросы о такихъ предметахъ, которые не представляли никакихъ затрудненій при Божеяновѣ. Такъ имъ начато было, вопреки мнѣнія директора, дѣло о неудобствѣ классныхъ размѣщеній. Болѣе 12-ти лѣтъ классы были размѣщены такъ: 7 комнатъ находилось въ верхнемъ этажѣ лѣваго флигеля, въ одномъ корридорѣ съ неранжированною ротою и 7 другихъ—въ верхнемъ этажѣ праваго флигеля—въ корридорѣ гренадерской роты, на другомъ концѣ манежа. Ржевскій находилъ, что чрезъ это: 1) Воспитанники должны приходять въ классы изъ разныхъ ротъ, черезъ манежъ, встрѣчаясь одни съ другими, безъ особеннаго надзора, такъ какъ дежурные офицеры обязаны были находиться при своихъ ротахъ. 2) Что наблюденіе за ходомъ преподаванія и за наружнымъ порядкомъ въ классахъ, раздѣляемыхъ огромнымъ манежомъ, дѣлается для инспектора затруднительнымъ. Для отстраненія этого Ржевскій предлагалъ: а) Музей, бібліотеку и гимнастическій залъ, находившіеся въ среднемъ этажѣ праваго флигеля, въ одномъ корридорѣ съ 1-ю мушкетерскою ротою, перевести на мѣсто классъ—въ верхній этажъ лѣваго флигеля, т. е. въ одинъ корридоръ съ неранжированною ротою. б) 1-ю мушкетерскую роту перевести на мѣсто занимаемое бібліотекою и музеумомъ, т. е. съ одной стороны корридора на другую и в) классы лѣваго флигеля перевести

на мѣсто занимаемое 1-ю ротю. Для этихъ перемѣнъ предстояло произвести нѣкоторыя передѣлки.

Директоръ корпуса находилъ, что предположенія Ржевскаго нисколько не отстраняетъ выставленнаго имъ неудобства, потому что нѣкоторымъ воспитанникамъ 2-й и неранжированной роты, все таки придется ходить въ классы черезъ манежъ, что для кадетъ младшаго возраста менѣе удобно чѣмъ для большихъ. Слѣдовательно вся выгода перемѣщенія сводится къ тому, что Ржевскому самому будетъ удобнѣе находиться въ одномъ флигелѣ, а не переходить изъ младшихъ классовъ въ старшіе черезъ манежъ. Но такъ какъ инспекторъ настаивалъ, то генералъ Главацкій и представилъ его проектъ Великому князю *). При первомъ же посѣщеніи корпуса Его высочество, выслушавъ обѣ стороны, приказалъ составить объ этомъ особый всеподданнѣйшій докладъ. Государь Императоръ, получивъ его, приказалъ представить ему планы корпуса и своеручно отмѣтилъ на нихъ, какъ бы слѣдовало размѣстить классы, соединивъ ихъ въ одномъ верхнемъ этажѣ лѣваго флигеля. При этомъ Его Величество не обратилъ вниманія, что нѣкоторые классы приходились бы въ полусвѣтлыхъ комнатахъ, выходящихъ окнами въ манежъ. Это возбудило вторичное представленіе, на которое послѣдовало Высочайшее повеленіе, размѣстить классы по усмотрѣнію Великаго Князя. Но вслѣдъ затѣмъ Государь изволил лично посѣтить корпусъ и приказалъ оставить классы какъ они были **).

Библіотека Новгородскаго корпуса, образовавшаяся изъ библіотеки графа Аракчеева, до 1845-го года состояла исключительно изъ тѣхъ книгъ, которыя были доставлены изъ Грузина. Весьма богатая классическими твореніями иностранныхъ авторовъ и рѣдкими изданіями, она имѣла очень мало

*) Отношеніе корпуса въ штабъ Военно-Учеб. Зав. 1845 з. № 1506.

***) Отзывъ Великаго князя Военному министру 19 декабря 1846 г.

книгъ доступныхъ для чтенія кадетъ. Даже учителя не могли пользоваться многимъ, такъ какъ въ ней большая часть русскихъ сочиненій относилась до артиллерии и другихъ военныхъ наукъ. Инспекторъ Ржевскій много сдѣлалъ для пополненія библіотеки такими сочиненіями, которыя могли бы доставлять полезное и интересное для кадетъ чтеніе и еще болѣе такими, которыя служили бы источниками для усовершенствованія учителей въ преподаваемыхъ ими предметахъ. Онъ черезъ Я. И. Ростовцева исходатайствовалъ приказаніе Великаго князя, чтобы всѣ деньги остающіеся отъ штатныхъ суммъ были употребляемы на покупку книгъ, полезныхъ для обогащенія познаній учителей и воспитанниковъ. Но вмѣстѣ съ этимъ послѣдовало распоряженіе, чтобы корпусъ покупалъ только тѣ книги, которыя включены въ изданный учебнымъ комитетомъ штаба каталогъ.

Хотя обученіе музыки не входило въ число обязательныхъ предметовъ преподаванія, тѣмъ не менѣе въ Новгородскомъ корпусѣ, съ точностію исполнялась воля Великаго князя, о предоставленіе кадетамъ всѣхъ средствъ къ занятіямъ этимъ искусствомъ. Въ одной изъ первыхъ главъ мы уже говорили, что въ первые годы по учрежденіи корпуса, нѣкоторые изъ кадетъ, по собственной охотѣ, учились игрѣ на различныхъ инструментахъ. Въ одномъ изъ отчетовъ инспектировавшаго корпусъ въ сороковыхъ годахъ, значится: «Пѣнія и музыка воспитанниковъ, доставили мнѣ удовольствіе, какъ искуснымъ исполненіемъ, такъ и тѣмъ, что въ этомъ участвуютъ вмѣстѣ съ кадетами многіе офицеры и учителя». Успѣхъ этихъ занятій удивлялъ многихъ изъ родственниковъ кадетъ. Одинъ изъ нихъ обратился къ директору Главацкому, по этому поводу, съ слѣдующимъ заявленіемъ, помѣщаемомъ нами въ подлинникѣ.

«Желая увидѣть моего родственника, воспитанника ввѣреннаго вамъ корпуса, я видѣлъ вблизи цвѣтущее его состояніе и заботливость начальства о достиженіи цѣли воспи-

танія и образованіи кадетъ онаго. Изъ нихъ многіе учатся музыкѣ, но ограниченность состоянія нѣкоторыхъ, лишаетъ ихъ возможности имѣть собственные инструменты.

Какъ дворянинъ Новгородскій и самъ бывшій кадетъ, прошу исходатайствовать мнѣ отъ начальства военно-учебныхъ заведеній дозволенія: принести въ даръ Новгородскому графа Аракчеева кадетскому корпусу, имѣющійся у меня музыкальный инструментъ балльной музыки.

Не цѣнность предмета, но усердіе съ которымъ онъ подносится, даетъ мнѣ право надѣяться, что посланное мое приношеніе не будетъ вами отвергнуто. Счастливымъ почту себя, если оно будетъ признано полезнымъ и соответствующимъ моей цѣли и своему назначенію».

Новгородскій помѣщикъ, отставной капитанъ
Николай Стромилловъ.

Новгородъ, 3 августа 1847 г.

Пожертвованіе капитана Стромилова состояло изъ 19-ти инструментовъ.

Глава VIII.

Борьба изъ-за помѣщеній. — Выводъ Учебнаго полка. — Дѣло о манежѣ. — Грузино и его значеніе. — Грузинское дворянское отдѣленіе. — Проектъ о Грузинскомъ кадетскомъ корпусѣ. — Затрудненія въ управленіи Грузинскимъ имѣніемъ. — Передача имѣнія въ Государственныя имущества.

По мѣрѣ укомплектованія корпуса офицерами и учителями, директора его встрѣчали болѣе и болѣе затрудненій въ ихъ размѣщеніи. Еще генераль Бородинъ, въ первый же годъ своего директорства доносилъ, что по мѣрѣ сформированія ротъ и приведенія корпуса въ полный штатный составъ, окажутся слѣдующіе недостатки:

1) Корридоры, отдѣляющіе одну роту отъ другой, окажутся тѣсны для 200 кадетъ.

2) Для ротныхъ цейхаузовъ нельзя будетъ отдѣлить ни одной комнаты и придется устроить ихъ въ подвальныхъ этажахъ, гдѣ сыро.

3) Печи въ кухнѣ окажутся малы для приготовленія пищи на 400 кадетъ.

4) Помѣщеніе служителей въ подвальномъ этажѣ, гдѣ сыро, крайнѣ вредно.

5) Снабженіе корпуса водою изъ р. Мсты, по ея отдаленности отъ зданія корпуса, затруднительно.

6) При квартирахъ офицеровъ и учителей нѣтъ кухонь; онѣ отведены для всѣхъ квартиръ вмѣстѣ, въ подвалахъ *).

Такъ какъ всѣ зданія штаба 4 округа пахотныхъ солдатъ находились въ веденіи департамента военныхъ поселеній, директоромъ котораго былъ тогда генераль-адъютантъ Клейнмихель и ему же былъ непосредственно подчиненъ, занимав-

*) Отчетъ за 1834 годъ.

шіи эти здания 1-й учебный карабинерный полкъ, то корпусу приходилось брать каждую квартиру и каждый уголь, какъ говорится—съ боя. Хотя и существовало уже распоряженіе о выводѣ Учебнаго полка на другія квартиры, но покуда возводили для этого казармы въ селѣ Медвѣдѣ, прошло 5 лѣтъ. Въ теченіи этихъ-то 5 лѣтъ, Клейнмихель не могъ примириться съ мыслию о необходимости очистить дома занятые командиромъ полка, штабными чинами и различными полковыми заведеніями и мастерскими. На всякое представленіе директоровъ дѣлались департаментомъ всевозможныя возраженія. Онъ напимѣръ требовалъ, чтобы офицеры довольствовались квартирою изъ двухъ комнатъ, изъ коихъ первая могла служить только темною переднею для деньщика. «Я не могу этого сдѣлать»—писалъ генералъ Бородинъ—«н не видывалъ тому примѣровъ» *).

Переписка о ремонтироваѣ, часто безотлогательной, тянулась цѣлые годы и кончалась обыкновенно тѣмъ, что департаментъ предлагалъ корпусу принять ремонтъ на себя, за такую сумму, которая была ниже смѣтной. Корпусъ конечно отказывался, такъ какъ ему пришлось бы перевозить матеріалы за 28 верстъ, изъ Новгорода, тогда какъ подвѣдомственная департаменту инженерная дистанція, имѣла тутъ же, на мѣстѣ, значительные запасы строительныхъ матеріаловъ. Передъ оставленіемъ директорства, генералъ Бородинъ, уже больной, представилъ въ департаментъ особый докладъ, въ 19 пунктовъ, о нуждахъ корпуса по размѣщенію, указалъ на средства ихъ отстраненія и требовалъ чтобы ремонтъ былъ исполненъ инженерами. Клейнмихель или не отвѣчалъ директору, или рѣзко опровергалъ его доводы. Наконецъ дошло до того, что начальникъ штаба Ростовцевъ, по приказанію Великаго князя, писалъ ему:

*) Рапортъ отъ 16 февраля 1836 г. № 220.

«Его Императорское Высочество, Главный начальник Военно-учебныхъ заведеній, въ послѣднюю бытность свою въ Новгородскомъ графа Аракчеева кадетскомъ корпусѣ, изволилъ лично все осматривать и нашелъ необходимымъ, чтобы всѣ представленія директора были исполнены. При этомъ Его Высочество находить, что для привлеченія въ поступленію въ корпусъ служащихъ, необходимо пользоваться всѣми случаями, въ доставленію имъ выгодъ, въ замѣнъ мѣстныхъ неудобствъ; что при сравненіи съ другими корпусами, служащіе въ Новгородскомъ корпусѣ, лишены всѣхъ выгодъ, всякой общественной жизни и развлеченій внѣ дома, слѣдовательно самая справедливость указываетъ успокоить ихъ по крайнѣй мѣрѣ у себя, въ кругу-семейства, нестѣсненнымъ и по возможности выгоднымъ помѣщеніемъ, ибо въ противномъ случаѣ, что привлечетъ въ корпусъ чиновника или учителя, безъ внѣшнихъ выгодъ жизни и безъ покойнаго пріюта?» *).

Ни это письмо, ни многіе другіе подобныя же доводы, не помогали дѣлу. Департаментъ и его директоръ всегда находили причины отписываться и корпусъ получалъ каждый годъ не болѣе какъ по одному дому, тогда какъ со дня открытія, всѣ зданія уже принадлежали ему по праву. Домъ подъ лазаретъ былъ отданъ въ 1835 году, слѣдующій по лѣвому фасу плаца домъ для офицеровъ и учителей, поступилъ въ веденіе корпуса только въ 36 году и только въ слѣдующемъ, начальство корпуса добилось вывода командира учебнаго полка въ казарменныя связи и занимаемый имъ домъ былъ назначенъ для нрѣзжающаго въ корпусъ начальства. Дома же расположенные противъ кадетскаго зданія, и послѣ этого долго еще не передавались корпусу, тогда какъ его офицеры и учителя тѣснились какъ попало. Теперь трудно даже понять, какимъ образомъ семейный офицеръ или учитель, съ женою и тремя—четырьмя дѣтьми и прислугою, могъ жить въ

*) Письмо начальн. штаба Ростовцева генер. адъют. Клейнмихелю, отъ 27 Іюня 1836 г. № 699.

трехъ небольшихъ комнатахъ, а между тѣмъ такъ было и особеннаго ропота не замѣчалось.

При посѣщеніи корпуса Государемъ, во время проѣзда на Бородинскіе маневры, Его Величество замѣтилъ директору, что въ 1-й ротѣ, спальня обращенная окнами въ манежь темна, и что необходимо дать ей свѣтъ съ потолка. Директоръ отвѣтилъ, что о всѣхъ неудобствахъ по помѣщеніямъ донесено и представлено какъ ихъ отстранить. Тогда Государь лично приказалъ, бывшему съ нимъ Клейнмихелю, все исполнить *).

Недостатокъ квартиръ для постепенно увеличившагося числа служащихъ дошелъ до того, что однажды корпусъ просилъ разрѣшенія, нанять для трехъ учителей квартиры, за 8 верстъ, въ яму Бронницы и нанимать лошадей для ихъ проѣзда въ классы **). Не менѣе замѣчательно и то, что только послѣ трехлѣтней переписки, корпусу отвѣли мѣсто для кадетскаго кладбища, а до тѣхъ поръ хоронили умѣршихъ въ Бронницѣ ***).

Генералъ Петровскій, въ теченіи четырехъ лѣтняго своего директорства не могъ ничѣмъ подвинуть ходатайства и настояній своего предмѣстника, по дѣлу улучшенія размѣщеній. Робкій и миролюбивый по характеру, онъ опасался чѣмъ либо навлечь на себя гнѣвъ бывшаго тогда въ силѣ Клейнмихеля, а потому помѣщенія корпуса оставались при прежнихъ неудобствахъ и тѣснотѣ. Совершенно иначе повелъ это дѣло Главацкій. Опираясь на то, что Великій князь Михаилъ Павловичъ, при каждомъ посѣщеніи корпуса, лично осматривалъ каждый уголъ и такимъ образомъ какъ бы повѣрялъ основательность требованій, Главацкій большею частью дѣйствовалъ его именемъ; онъ писалъ въ департаментъ, что

*) Рапортъ директора, отъ 16 августа 1839 г.

***) Представленіе корпуса въ штабъ Воен. учебн. зав. 1836 г. № 1309.

***) Отзывъ Ген. ад. Клейнмихеля полков. Ростовцеву отъ 27 генв. 1841 г. № 507.

Великій князь приказалъ: 1) Прачешную перенести въ каменное зданіе мастерскихъ полка, которыя выведены, но домъ занять не извѣстно по какому праву, различными хозяйственными нижними чинами учебнаго полка. 2) На мѣстѣ прачешной устроить баню для кадетъ, такъ какъ существующая тѣсна и слишкомъ удалена отъ корпуса, что зимою и въ ненастную погоду представляется не безопаснымъ для здоровья воспитанниковъ. 3) Въмѣсто указаннаго мѣста для постройки учительскихъ домовъ, по дорогѣ въ волость, отвести другое по рѣкѣ Мстѣ, гдѣ теперь балаганы и мазанки. 4) Для женатыхъ нижнихъ чиновъ, помѣщающихся въ землянкахъ, приходившихъ въ разрушеніе, построить казарму, о чемъ было возбуждено ходатайство генераломъ Петровскимъ, который просилъ на это отпуска всего 4053 р.

Ничего изъ перечисленнаго не было исполнено до тѣхъ поръ, повуда графъ Клейнмихель оставался директоромъ департамента военныхъ поселеній. Съ переходомъ же этого учрежденія въ веденіе Генераль-адъютанта барона Корфа, дѣла о корпусныхъ помѣщеніяхъ нѣсколько подвинулись; по крайнѣй мѣрѣ не было дѣлаемо затрудненій исправлять и улучшать многое на экономическія средства корпуса. Такимъ образомъ устроена мостовая отъ корпуснаго зданія до водочачальни на Мстѣ, закрыты каменными стѣнами интервалы между домами служащихъ и устроены садики; перестроенъ домъ бывшей рестораціи, въ клубъ для офицеровъ и учителей съ ихъ семействами,—все это было сдѣлано по распоряженію директоровъ, безъ содѣйствія инженерной дистанціи *).

Подобные экстренные расходы доходили до значительныхъ цифръ; напримѣръ въ 1843 году, они дошли до размѣра 30 тысячъ, такъ какъ директоръ Главацкій находилъ невозможнымъ оставлять строенія и офицерскія квартиры въ томъ запущенномъ видѣ, въ какое они пришли вслѣдствіе дурной ре-

*) Отзывъ департамента начальнику штаба, 1839 г. № 28.

монтажировки. Чтобы привести все въ порядокъ, онъ соглашался употребить на ремонтъ 23 тысячи, составлявшія экономію отъ ремонтнаго содержанія кадетскихъ аммуничныхъ вещей; остальные же 7 тысячъ просилъ разрѣшенія добавить изъ остатковъ суммы, опредѣленной на общее содержаніе корпуса. Только подобными со стороны корпуса пожертвованіями, было возможно содержать зданія въ порядкѣ.

Такъ шли дѣла о помѣщеніяхъ до конца описываемаго нами періода. Не будь генераль Гловацкій такой хозяинъ, какимъ онъ былъ, не имѣй онъ такой охоты къ постройкамъ, то вѣроятно мысль о переводѣ корпуса родилась бы гораздо ранѣе, чѣмъ это случилось впоследствии и была бы вызвана не тѣми соображеніями, которыя принудили къ этому, а негодностію зданій.

Послѣднія зданія принадлежавшія 1-му учебному карабинерному полку были окончательно очищены въ 1841 году, а три года спустя, полкъ этотъ уже болѣе не возвращался въ окрестности Новгородскаго корпуса, а прямо изъ красносельскаго лагеря былъ направленъ на мѣсто новой своей стоянки, въ С. Медвѣдь, гдѣ для него были приготовлены только что возведенныя казармы. Упоминаемъ объ этомъ потому, что выводъ этого полка имѣлъ вліяніе на внутреннюю жизнь корпуса. Если съ одной стороны передача занимаемыхъ полковымъ штабомъ зданій облегчила размѣщеніе чиновъ корпуса и доставила имъ удобства, то съ другой стороны, отъ ухода учебнаго полка были и нѣкоторыя лишенія. Прекратилось то содѣйствіе корпусу, которымъ онъ пользовался отъ полка, особенно въ экстренныхъ случаяхъ, передъ смотрами и приѣздами особъ Императорской фамилии. Сколько бы ни понадобилось корпусу портныхъ для постройки и обновленія обмундированія, сапожниковъ для пригонки аммуниці, или другихъ мастеровыхъ, никогда и ни въ чемъ отказа не было. Прекратились и тѣ развлеченія, которыя доставляли кадетамъ ученья полка, его музыка, пѣвчіе и т. д. Наконецъ убылъ изъ содѣ-

ства 100 офицеровъ и болѣе 3000 народа, не могла не уменьшить оживленія и безъ того не богато населенной мѣстности.

Кромѣ этого, выводъ полка имѣлъ немаловажное значеніе и для хозяйственной части корпуса. На поставку для кадетскаго стола мяса и другихъ продуктовъ, до сихъ поръ заключались условія съ тѣмъ же поставщикомъ, который доставлялъ ихъ полку. Съ уходомъ же его торги на подрядъ пришлось производить при новгородской полиціи, куда на нихъ или во все не являлось желающихъ принять поставку, или запрашивались непомѣрныя цѣны, потому что никому не было расчета высылать ежедневно, за 28 верстъ, не болѣе 15 пудовъ мяса, а тѣмъ болѣе устраивать для такого небольшого количества бойню, нанимать пастбище и держать рабочихъ.

Съ выводомъ учебнаго полка нисколько не уменьшилась въ кадетахъ любовь и стремленіе къ строю, — и служебное направленіе продолжало развиваться. Фельдфебеля и унтеръ-офицеры имѣли полное административное значеніе, определенное уставами и положеніями. Во время чтенія первыми, по воскресеньямъ передъ обѣдней, артикуловъ Петра Великаго, или при ежедневныхъ вечернихъ расчетахъ, при повтореніи общимъ хоромъ сигналовъ, никто не смѣлъ нарушить строевой тишины. Тоже самое строго соблюдалось и при осмотрѣ по утрамъ унтеръ-офицерами своихъ отдѣленій.

Въ числѣ многихъ дѣлъ о борьбѣ корпуса съ департаментомъ военныхъ поселеній, особенно замѣчательно дѣло о манежѣ. Оно началось въ 1838 году и велось до 1854-го г. Департаментъ видимо желалъ поскорѣе передать манежъ въ веденіе корпуса, потому что его громадный, висячій потолокъ, механически и искусно подвѣшанный къ крышѣ и имѣвшій въ площади больше 25 тысячъ квадратныхъ аршинъ, требовалъ капитальнаго исправленія своего сложнаго механизма. По настоянію графа Клейнмихеля, директоръ Петровский получилъ привязаніе принять манежъ. Онъ согласился на это, но съ тѣмъ, чтобы стоимость его ремонта, отопленіе и освѣ-

щеніе, выводимая ежегодно въ расходъ начальникомъ инженерной дистанціи, въ количествѣ 1780 р. и 10-ти человекъ бывшихъ при манежѣ нижнихъ чиновъ мастерской команды, были переданы корпусу *). Требованіе вполнѣ казалось бы правильное и справедливое, но графъ Клейнмихель не согласился на него, настаивая, чтобы корпусъ всѣ расходы по ремонту, освѣщенію и отопленію принялъ на себя. Дѣло остановилось и 9 лѣтъ было безъ движенія, до тѣхъ поръ, повуда тотъ же департаментъ, который остановилъ его, не запросилъ, въ какомъ оно положеніи. Генераль Главацкій, наученный опытомъ какъ дѣйствовать, отозвался, что манежъ почти ненуженъ корпусу, что онъ служитъ только сообщеніемъ между флигелями, что въ немъ въ зимніе 5 мѣсяцевъ кадеты учатся не болѣе часа въ день, что могли бы, при неизмѣннѣ манежа, дѣлать въ корридорахъ, а все остальное время, манежъ занимается, смѣнившимся учебный, Самогитскимъ гренадерскимъ полкомъ. Прошло еще 5 лѣтъ полнаго со стороны инженеровъ молчанія; но въ 1852 году переписка снова возобновилась, съ непремѣннымъ требованіемъ заставить корпусъ принять манежъ и зданіе кордегардіи (гаубахты), съ каменною баланчею. Тогда предписано было составить при корпусѣ комиссію, для подробнаго освидѣтельствованія манежа; но это освидѣтельствованіе, т. е. переписка по поводу его продолжалась 2 года. — Въ это время Главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ назначенъ Государь Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ. При первомъ посѣщеніи корпуса, Его Высочество замѣтилъ существенный недостатокъ помѣщеній, именно то, что роты вовсе не имѣли рекреационныхъ залъ и приказалъ составить соображеніе, объ отстраненіи этого недостатка, отдѣленіемъ отъ манежа по 3 окна съ каждаго конца, съ обращеніемъ отдѣленаго пространства въ залы. Еслибы это осуществилось,

*) Рапортъ генерала Петровскаго 1838 г. 746.

то пространства эти, раздѣленные каждое продольнымъ корридоромъ пополамъ, образовали бы четыре огромныя залы. Каждая изъ нихъ имѣла бы до 45 аршинъ длины и 25 ширины. Въ 1854 году составлена была смета, но не было еще извѣстно поручится ли постройка корпусу или инженерамъ. Принявшій въ слѣдующемъ году директорство, полковникъ баронъ Корфъ, такъ обрадовался возможности имѣть прекрасныя рекреационныя залы, что вызвался принять работы на себя и повуда на это еще не послѣдовало разрѣшенія, такъ понадѣялся на свои представленія, что приступилъ въ работамъ. Когда это дошло до сведенія Главнаго штаба по военно учебнымъ заведеніямъ, генераль адъютантъ Ростовцевъ нашель, что предпринимать подобную капитальную перестройку на себя, корпусу не выгодно и рисковано, а потому приказалъ прекратить работы и объявить барону Корфу выговоръ. *) Дѣло снова остановилось.

Два года спустя главный штабъ по военно-учебнымъ заведеніямъ возобновилъ его, прося военнаго министра ускорить устройство рекреационныхъ залъ. вмѣсто этого генераль адъютантъ Сухозонетъ исходатайствовалъ Высочайшее повеленіе такаго содержанія: Новгородскому графа Аракчеева кадетскому корпусу, принять манежъ какъ онъ есть, требуя на ежегодный ремонтъ и отопленіе, ту самую сумму, которую получаетъ департаментъ военныхъ поселеній. Такимъ образомъ дѣло тянувшееся 20 лѣтъ, кончилось тѣмъ же, очемъ корпусъ просилъ въ 1838 году, а устройство залъ такъ и не осуществилось **).

Великолѣпная резиденція графа Аракчеева, село Грузино, доставшееся Новгородскому корпусу, доставляло ему никакихъ особенныхъ выгодъ. Это богатое наслѣдство прошло такъ связать между рукъ. Кромѣ прекрасной бібліотеки и нѣ-

*) Предписаніе главн. шт. по воен. учеб. зав., отъ 7 сент. 1859 г. № 1912.

***) Отзывъ воен. минис. отъ 26 окт. 1858 г.

ноторыхъ предметовъ годныхъ для музеума, корпусъ не получилъ ничего существеннаго. Десятокъ экипажей и сотни пересаженныхъ деревьевъ, нельзя считать особенно полезнымъ приобрѣтениемъ, потому что первые оказались до того тяжелыми, что чрезъ 10 лѣтъ, исключая двухъ или трехъ, какъ стоявшіе безъ употребленія, разошлись и были проданы съ аукціона, въ ломъ. Впрочемъ съ Грузиномъ иначе и быть не могло. Ни красиво отдѣланная пристань, ни статуи, ни превосходныя оранжереи, не могли быть перевозимы. Мебель, сервізы, ковры—все это было, для корпуса излишнимъ. Казалось бы самымъ лучшимъ, еслибы корпусъ тотчасъ по кончинѣ Аракчеева, когда въ немъ не было еще сотни кадетъ, былъ переведенъ въ Грузино. Тамъ нашлось бы мѣсто для всѣхъ; а затѣмъ, когда пришлось бы построить зданіе собственно для ротъ и классовъ, то на это не вышло бы болѣе, какъ вышло потомъ на различныя пристройки и ремонтъ корпуса въ 4-мъ округѣ. Находясь въ Грузинѣ, корпусъ могъ бы вполне пользоваться его церковью, его прекрасными садами, обширными огородами. Офицеры и учителя имѣли бы достаточныя, совершенно устроенныя помѣщенія; все заведенное покойнымъ графомъ, поддерживалось бы и не пришлось бы въ тотъ упадокъ, какъ это случилось потомъ. Предположеніе будто бы корпусъ, находясь за 112 верстъ, можетъ управлять имѣніемъ, было совершенно неосновательно. Ниже это будетъ подробно доказано. Даже доходы съ имѣнія, шедшіе на содержаніе корпуса, съ каждымъ годомъ уменьшались и изъ первоначальной суммы въ 25 тысячъ,—въ десять лѣтъ упали на 18, не смотря на то, что въ Грузинѣ ничего не поддерживалось и все постепенно запускалось, приходило въ упадокъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ, въ началѣ 40-хъ годовъ, обратилъ вниманіе на Грузино. Въ это время число кандидатовъ въ кадетскіе корпусахъ дошло до такой громадной цифры, что и половины ихъ никогда бы не пришлось дожидаться поступленія. Даже тѣ, которые записывали своихъ

сыновей чуть не при рожденіи, видѣли ихъ потомъ переростающими возрастъ опредѣленный для приѣма въ корпусъ. Это заставило многихъ изъ родителей, не имѣвшихъ средствъ дать мальчику даже самаго первоначальнаго образованія, просить какъ милости, о приѣмѣ ихъ сыновей въ батальоны военныхъ кантонистовъ, до поступленія въ очередь быть принятому въ корпусъ. Но этого достигали немногіе, а батальоны военныхъ кантонистовъ имѣли множество дворянъ, которые не могли быть ни въ нравственномъ, ни въ учебномъ отношеніи отдѣляемы отъ общей среды солдатскихъ дѣтей. Пребываніе мальчиковъ - дворянъ въ обществѣ кантонистовъ, не могло не вліять на ихъ воспитаніе, а потому большая часть изъ нихъ, по переводѣ въ кадетскіе корпуса, оказывались испорченными и не доходя до окончанія курса, или были возвращены родителямъ, или выписывались въ армию нижними чинами. Чтобы отстранить подобныя послѣдствія, и въ тоже время избавить родителей отъ необходимости отдавать сыновей—кандидатовъ въ кантонисты, Великій князь исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе, на устройство въ Грузинѣ дворянскаго отдѣленія Новгородскаго батальона военныхъ кантонистовъ. Въ батальонѣ ихъ оказалось до 300, а потому, только сто лучшихъ были переведены въ Грузино. Содержаніе и обученіе ихъ велось совершенно также какъ и въ кантонистскихъ батальонахъ, но тѣхъ которые обнаруживали особенное стремленіе къ образованію, переводили въ кадетскіе корпуса, внѣ кандидатской очереди *).

Устройство Грузинскаго дворянскаго отдѣленія ни сколько не повліяло на уменьшеніе кандидатовъ, число которыхъ въ 1845 году достигло до 6300 человекъ, тогда какъ десять лѣтъ назадъ ихъ было не болѣе тысячи. Между тѣмъ въ существовавшіе въ то время кадетскіе корпуса, могло быть ежегодно принимаемо не болѣе 400

*) Отзвъ воен. министра, 17 отъ августа 1834 г. № 5556.

человѣкъ. Въ виду этого, Великій князь приказалъ совѣту военно-учебныхъ заведеній, обсудить проектъ новаго положенія о приѣмѣ въ корпуса, на основаніи не времени подаванія прошеній, а правъ родителей по ихъ службѣ, раздѣливъ эти права по разрядамъ, съ тѣмъ чтобы никакихъ кандидатовъ уже не было. Года черезъ два проектъ былъ разсмотрѣнъ и представленъ, чрезъ военнаго министра, на Высочайшее утвержденіе. Великій князь писалъ тогда графу Чернышеву, что съ введеніемъ новыхъ правилъ о приѣмѣ въ кадетскія корпуса, цѣль устройства въ Грузинѣ дворянскаго отдѣленія военныхъ кантонистовъ уничтожается сама собою и потому полагалъ бы полезнымъ, обратить его въ неранжированную роту Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса *); существующую же неранжированную роту переименовать въ 3-ю и затѣмъ имѣть Новгородскій корпусъ, въ строевомъ отношеніи, изъ одной гренадерской и трехъ фузилерныхъ ротъ, т. е. въ баталіонѣ 8-ми взводнаго состава. Государь Императоръ, соглашаясь съ мнѣніемъ Великаго князя, повелѣлъ: находящееся въ Грузинѣ малолѣтнее дворянское отдѣленіе обратить въ неранжированныя роты Новгородскаго графа Аракчеева и Полоцкаго кадетскихъ корпусовъ, оставивъ обѣ роты временно при корпусахъ, до тѣхъ поръ, покуда въ Грузинѣ не будетъ приготовлено для нихъ достаточное помѣщеніе. По окончаніи же примѣненія зданій, соединенныя вмѣстѣ неранжированныя роты, именовать *Грузинскимъ кадетскимъ корпусомъ*.

На осуществленіе этого повелѣнія, т. е. на первоначальное обзаведеніе и на приспособленіе зданій, было тогда же ассигновано 113,710 руб. На эту сумму предполагалось: бывшій дворецъ графа Аракчеева обратить въ кадетскія помѣщенія, пристроить въ нему флигель для классъ, прочія же зданія распределить для квартиръ директора, офицеровъ, учителей и другихъ служащихъ. Дѣло построекъ и приспособленій было

*) Письмо Великаго князя графу Чернышеву, отъ 13 февраля № 33.

вверено инженеру, подъ наблюдениемъ главнаго архитектора штаба военно-учебныхъ заведеній.

Одновременно съ началомъ работъ, послѣдовало утверждение положенія о Грузинскомъ кадетскомъ корпусѣ, главныя основанія котораго состояли въ слѣдующемъ: 1) Директоръ Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса есть вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникъ вновь устраиваемаго заведенія, по всѣмъ частямъ его управленія. 2) Для завѣдыванія Грузинскимъ корпусомъ, назначается особый штабъ-офицеръ. 3) Имѣть въ корпусѣ двѣ роты, изъ коихъ первая называется Новгородскою, а 2-я Полоцкою, съ присвоениемъ какъ кадетамъ, такъ и офицерамъ, формы своихъ корпусовъ. 4) Роты переводятся съ состоящими въ нихъ офицерами, а учителя опредѣляются въ Грузинскій корпусъ по распоряженію Главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній *).

Постройка новыхъ флигелей и примѣненіе прочихъ зданій, затянулись по разнымъ причинамъ. Уборка громадныхъ вербаловъ, рѣзныхъ дверей и узорчатыхъ паркетовъ совершилась очень быстро; но затѣмъ началась переписка съ обѣими корпусами, съ штабомъ, съ департаментомъ военныхъ поселеній; составлялись, исправлялись и передѣлывались планы и смѣты и такимъ образомъ прошло 8 лѣтъ. Сначала кончина Великаго князя, а потомъ недостатокъ опредѣленной на постройку суммы, были причиною, что дѣло не подвигалось. Изъ переписки видно, что въ 1852 году, генераль-адъютантъ Ростовцевъ, осмотрѣвъ Грузино, доносилъ, что открытіе новаго корпуса не можетъ послѣдовать ранѣе 6-го декабря 1853 года. Въ это время наступила война, затѣмъ послѣдовала кончина Императора Николая, потомъ эпоха различныхъ предположеній и преобразованій и кончилось тѣмъ, что Грузинскій кадетскій корпусъ существовалъ только на бумагѣ, а въ дѣйствительности открытъ не былъ.

*) Высочайше утвержденное, 13 августа 1845 года, положеніе о Грузинскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Изъ указаннаго во 2-й главѣ о Грузинскомъ имѣніи и изъ помѣщенной въ приложеніяхъ инструкціи о его управленіи, можно видѣть, къ какой мѣрѣ корпусу не только затруднительно, но даже невозможно было вмѣшиваться въ дѣла по имѣнію. Отъ этого, въ теченіи 12-ти лѣтъ послѣ приѣма движимаго имущества, едва ли кто либо изъ чиновъ хозяйственнаго комитета заглядывалъ въ Грузино. Всякій изъ нихъ во первыхъ былъ занятъ своимъ прямымъ дѣломъ, слѣдовательно не имѣлъ времени для разъѣздовъ, а во вторыхъ, понималъ, что малѣйшее желаніе вникнуть въ управленіе, или провѣрить дѣйствія управляющаго, будетъ принято директоромъ департамента военныхъ поселеній за вмѣшательство. Но департаменту нужно было, для очистки бумагъ и соблюденія формальности, чтобы кто либо являлся для подписи отчетовъ. Въ 1844 году онъ жаловался штабу военно-учебныхъ заведеній, что хозяйственный комитетъ корпуса, обязанный приводить въ исполненіе всѣ его распоряженія по управленію Грузинскимъ имѣніемъ, затрудняется командировать въ Грузино одного изъ своихъ членовъ, по такимъ дѣламъ, которыя должны быть соображены на мѣстѣ, обще съ чиновникомъ назначеннымъ отъ департамента *).

Странно, что 10 лѣтъ распоряженія графа Клейнмихеля дѣлались безъ всякаго участія корпуса, который даже не зналъ что дѣлается въ Грузинѣ и какъ оно управляется, а теперь, вдругъ потребовалось чтобы корпусъ приводилъ въ исполненіе то, что приказывалъ департаментъ? Впрочемъ такая перемѣна во взглядѣ департамента на это дѣло, произошла въ то время когда перемѣнился его директоръ. Вслѣдствіи упомянутой жалобы, начальникъ штаба увѣдомилъ генераль-адъютанта барона Корфа, что корпусу приязано командировать въ Грузино младшаго штабъ офицера полковника Набеля. Тогда генераль Главацкій, давно таготившійся тѣмъ, что корпусъ находится

*) Письмо генерала барона Корфа, отъ 22 февр. 1844 г. № 44.

въ отношеніи принадлежащаго ему имѣнія въ странномъ положеніи только номинальнаго хозяина, просилъ генераль адъютанта Ростовцева: избавить заведеніе отъ обязанности быть посредникомъ между департаментомъ и управляющимъ имѣніемъ. Ростовцевъ приказалъ войти объ этомъ съ докладомъ, что и было причиною слѣдующаго постановленія хозяйственнаго комитета: «Хозяйственный комитетъ Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса, соображая обязанности свои относительно управленія грузинскимъ имѣніемъ, съ тѣми обстоятельствами, что департаментъ военныхъ поселеній, присылаетъ всѣ свои предписанія черезъ комитетъ корпуса, нашелъ: что чины его, имѣя постоянныя свои занятія, никакъ не могутъ отлучаться и управлять имѣніемъ отдаленнымъ за 112 верстъ. Кромѣ того, въ продолженіи 9 лѣтъ, департаментъ разрѣшалъ всѣ представленія управляющаго надворнаго совѣтника Тыркова, незапрашивая согласія корпуса, въ которомъ не имѣется никакихъ по имѣнію дѣлъ; наконецъ что теперь, послѣ 9-ти лѣтъ, корпусу входитъ въ управленіе имѣніемъ неудобно. Поэтому комитетъ опредѣлилъ, представить все это на благоусмотрѣніе высшаго начальства, съ тѣмъ, чтобы оно испросило Высочайшее соизволеніе, на отстраненіе корпуса отъ управленія грузинскимъ имѣніемъ, оставивъ его въ прямой зависимости отъ департамента, или поручило бы имѣніе начальнику новгородскаго удѣла пахотныхъ солдатъ, генераль-лейтенанту фонъ-Фригену, который, имѣя въ своемъ веденіи достаточное число штабъ-офицеровъ, можетъ имѣть лучшей присмотръ за управленіемъ».

Представленіе это разсматривалось и обсуждалось въ совѣтѣ военно-учебныхъ заведеній, который нашелъ, что все выраженное въ протоколѣ хозяйственнаго комитета корпуса вполнѣ основательно, что ни одно изъ военно-учебныхъ заведеній не управляетъ и не имѣетъ возможности управлять приписаннымъ къ нему имѣніемъ. Мнѣніе совѣта Великій

князь, просилъ военнаго министра повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе *).

По докладѣ представленія Его Высочества, Государь Императоръ видимо желалъ, на сколько возможно, сохранить за корпусомъ права наслѣдства Аракчеевскаго имѣнія и если согласился на отстраненіе корпуса отъ управленія имъ, то съ нѣкоторыми исключеніями. Онѣ доказываютъ, какъ Его Величество лично входилъ во все, что касалось созданнаго имъ заведенія. Въ Высочайшемъ повелѣніи, послѣдовавшемъ по поводу этого дѣла, было сказано: Грузинское имѣніе передать въ веденіе и управленіе министра государственныхъ имуществъ, но съ тѣмъ чтобы: 1) Всѣ доходы, состоящіе изъ 25 тысячъ рублей, передавались на содержаніе корпуса. 2) Чтобы всѣ строенія и ихъ ремонтъ оставались въ веденіи департамента военныхъ поселеній. 3) Чтобы всѣ находящіяся въ зданіяхъ вещи и мебель оставались въ веденіи корпуса, а равно и садъ и 4) Чтобы находящіяся въ Грузинѣ: памятникъ Императору Александру I, чугунный храмъ съ бронзою статуею Св. Андрея Первозваннаго и гротъ съ терасою, гдѣ хранится лодка, въ которой Александръ I переправлялся черезъ Волховъ, оставались въ веденіи корпуса.

Это повелѣніе было потомъ нѣсколько измѣнено. Министръ государственныхъ имуществъ генераль-адъютантъ Киселевъ, въ виду неудовлетворительнаго состоянія грузинскаго имѣнія, испросилъ Высочайшее соизволеніе, чтобы корпусъ получалъ съ имѣнія только 18 тысячъ ежегодно, съ тѣмъ, что если доходы увеличатся, то увеличеніе дѣлится пополамъ, передавая одну половину корпусу, а другую употреблять на улучшеніе имѣнія **).

Сдача грузинскаго имѣнія министерству государствен-

*) Письмо графу Чернышеву, отъ 1-го апрѣля 1844 г. № 199.

***) Приказъ по воен. уч. зав., отъ 17 іюня 1845 г. № 644.

ныхъ имущества, принадлежавшаго лично унціи корпуса, 25-го сентября 1845 года, чѣмъ и кончились всѣ его отношенія въ Грузію. Черезъ 12 лѣтъ послѣ этого, именно въ 1857 году оно перешло въ удѣлъ *). Буде остались оставленныя корпусу мебель и вещи, что сдѣлалось съ состоявшими въ его веденіи монументомъ, чугуннымъ краномъ и водою — нѣзаконно свѣдѣній неимѣется.

*) Отзвѣвъ министра двора военному министру, отъ 21 марта 1857 г. № 240.

Глава IX.

Инспекторскіе осмотры корпуса. — Продолжительное въ немъ пребываніе Великаго князя Михаила Павловича. — Послѣднее его посѣщеніе и кончина. — Назначеніе Государя Наслѣдника главнымъ начальникомъ. — Директора Ридигеръ и баронъ Корфъ. — Денежныя средства корпуса. — Дѣло о перемѣщеніи корпуса въ Тверь. — Кончина Императора Николая.

Съ 1844-го года начались почти ежегодныя посѣщенія корпуса членами совѣта и инспекторами военно-учебныхъ заведеній, для производства подробныхъ годовыхъ осмотровъ, о которыхъ они представляли отчеты совѣту. Изъ просмотра этихъ отчетовъ видно: 1) что они писались по данной изъ штаба обширной программѣ, въ которой выставлены были вопросы касающіеся, въ мельчайшихъ подробностяхъ, размѣщенія зданій, одежды, снаряженія, пищи, состоянія вещей, лазарета, прохожденія курса, просмотра аттестацій, протоколовъ засѣданій воспитательнаго комитета, числовыхъ свѣдѣній о служащихъ, о расходахъ и проч. 2) Что всѣ эти данныя сводились въ 4 главные отдѣла: а) Административныя перемѣны, б) воспитаніе физическое, в) воспитаніе нравственное и г) учебная часть или воспитаніе умственное.

Передъ началомъ ежегодныхъ инспектированій, Великій князь поручилъ Я. И. Ростовцеву подробно осмотрѣть всѣ губернскіе корпуса. Послѣдній, объѣзжая ихъ, съ пути, по мѣрѣ осмотра, отправлялъ Его Высочеству частыя письма. О Новгородскомъ корпусѣ, въ одномъ изъ нихъ было сказано, что все найдено въ порядкѣ и затѣмъ приписано: «Вообще отъ распоряженій начальства внутри и отъ постройки деревень въ окрестностяхъ, Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ замѣтно теряетъ дикость своего уединенія». Вѣроятно Ростовцевъ выразился такъ желая поддержать дѣло

о постройкѣ домовъ для учителей, потому что вслѣдъ за этимъ онъ писалъ: «Еслибы роздать офицерамъ, чиновникамъ и учителямъ нѣсколько мѣстъ изъ безлюдныхъ окрестностей съ малымъ пособіемъ, хотя и заимообразно, то около корпуса, могъ бы въ короткое время образоваться маленькій городокъ».

Въ 1844 и 46-мъ годахъ инспектировалъ корпусъ генераль-лейтенантъ Анненковъ, а въ 1848 г. генераль-лейтенантъ баронъ Шлиппенбахъ, которому было предписано обратить особенное вниманіе на фронтное образованіе. Поводомъ къ этому было то, что Великій князь, при посѣщеніи корпуса, замѣтилъ недостатки въ строевомъ обученіи кадетъ. Для исправленія ихъ былъ присланъ изъ л.-гв. Московскаго полка полковникъ Местеръ. Послѣ трехъ сдѣланныхъ барономъ Шлиппенбахомъ ученій, онъ доносилъ, что замѣченный недостатокъ исправленъ. Вообще же фронтными смотрами инспектора оставались вполне довольны и показывали въ отчетахъ строевое образованіе въ отличномъ состояніи. Это вновь подтверждаетъ, что фронтная школа вошла въ духъ корпуса и держалась въ немъ до самаго преобразованія въ гимназію, нисколько не мѣшая учебному образованію.

Инспектированія происходили въ различное время года, но большею частію лѣтомъ. Если онѣ случались вскорѣ послѣ отправки выпускныхъ, то баталіонъ выводился на смотръ въ 4-хъ взводномъ составѣ, безъ 2-й роты, потому что она въ это время состояла обыкновенно изъ только что переведенныхъ въ нее кадетъ неранжированной роты. Но все таки ее выводили въ строй безъ ружей, для повѣрки одиночной выправки, знанія поворотовъ, сигналовъ, шереножнаго ученія и т. д.

Пріѣздомъ инспекторовъ корпусное начальство пользовалось, чтобы проводить черезъ свои желанія и требованія о нуждахъ заведенія. Но рѣдко когда удавалось директорамъ видѣть результаты своихъ просьбъ и заявленій ин-

спектору, потому что въ отчетъ послѣдняго входило только то, что не могло возбудить неудовольствій и столкновений. О нуждахъ корпуса повторялось въ отчетахъ, изъ года въ годъ, почти стереотипно одно и то же, а именно: что корпусу трудно прискивать учителей, что его семейные нижніе чины не имѣютъ помѣщенія и живутъ въ землянкахъ, что церковь тѣсна, такъ что часть неранжированной роты стоитъ въ алтарѣ, что въ классахъ, вслѣдствіе тѣсноты, — душно, что частыя простуды происходятъ отъ открытой мѣстности, постоянно поддержанной дѣйствію вѣтровъ, и т. д. О всемъ этомъ директора писали и доносили много разъ, такъ что въ отчетѣ инспекторовъ, подобныя заявленія не представляли ничего новаго. Только одинъ генераль отъ инфантеріи Мирковичъ однажды помѣстилъ въ отчетѣ, что затрудненій въ присканіи преподавателей болѣе не встрѣчается, но въ параллель этому невѣрному указанію, онъ совершенно основательно затѣтилъ, что нѣкоторымъ воспитанникамъ баллы за поведеніе остаются цѣлыя годы безъ измѣненій, другимъ же въ нѣсколько мѣсяцевъ прибавляется по 4 и 5-ти балловъ; что одному прибавляютъ баллъ вслѣдъ за наказаніемъ, а другаго, безъ всякихъ предупредительныхъ взысканій, наказываютъ слишкомъ строго. По этому онъ долженъ былъ подтвердить воспитателямъ всю важность аттестацій и значеніе аттестационныхъ тетрадей, а воспитательному комитету — необходимость внимательнѣе слѣдить за правильнымъ ихъ веденіемъ.

Въ 1849 году инспектировалъ корпусъ опять генераль Анненковъ, въ слѣдующемъ снова генераль Мирковичъ, потомъ въ 1851 г. баронъ Шлиппенбахъ и въ 1852 г. генераль Клюпфель. Это былъ самый любезный для корпуса инспекторъ. Онъ обыкновенно доносилъ, что все отлично <что воспитанники и кадеты прекрасные, поведеніе ихъ кроткое, а взглядъ воинственный>.

Въ 1846 году Великій князь Михайль Павловичъ имѣлъ несчастіе лишиться старшей своей дочери Маріи Михайловны.

Угнетенный горемъ, онъ желалъ удалиться отъ шумной столичной жизни и избралъ для этого Новгородскій корпусъ, куда прѣхалъ безъ всякаго предваренія. Неожиданный прѣздъ его сильно удивилъ корпусное начальство и особенно директора Главацкаго, опасавшагося, чтобы потрясенныя семейною печалью нервы Великаго князя, не имѣли вліяніе на результатъ осмотра корпуса. Еще болѣе онъ былъ пораженъ, когда Его Высочество не принялъ поторопившагося къ нему съ рапортомъ директора. Прѣхавшій съ Великимъ княземъ начальникъ штаба Ростовцевъ, вскорѣ разсѣялъ недоумѣніе, объявивъ, что Его Высочество прибылъ не для осмотра корпуса, а единственно для уединенной, тихой жизни, въ первые дни понесенной имъ утраты, что онъ даже не будетъ у кадетъ, такъ какъ не желаетъ никого видѣть. Въ теченіи 4-хъ дней Великій князь выходилъ изъ своей квартиры только въ церковь, гдѣ корпусный причетъ; два раза въ день, служилъ по усопшей панихиды. Дѣйствительно почти никто не видѣлъ въ это время Великаго князя, такъ какъ всѣмъ служащимъ приказано было избѣгать съ нимъ встрѣчи. Для того же, чтобы не проходить въ церковь, какъ обыкновенно дѣлалось, черезъ корридоръ одного изъ кадетскихъ флигелей, отперли боковые двери манежа, со стороны церкви. Великій князь предполагалъ прожить такъ двѣ недѣли, но полученное съ фельдъегеремъ письмо отъ Государя, заставило его сократить пребываніе въ корпусѣ, гдѣ тихое уединеніе соотвѣтствовало его душевной скорби. Генераль-адъютантъ Ростовцевъ, въ эти дни, почти постоянно проводилъ время въ классахъ, присутствовалъ при столѣ кадетъ и однажды обошелъ всѣ роты ночью.

По отъѣздѣ Его Высочества, у служащихъ и кадетъ корпуса явилось желаніе, на всегда сохранить память объ этомъ событіи. Они передали свою мысль директору Главацкому, который поэтому поводу писалъ начальнику штаба: «Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!» Служащіе и воспитанники вѣрннаго мнѣ корпуса, желаютъ помѣстить въ церкви онаго

образъ, Св. Маріи Магдалины, въ воспоминаніе пребыванія въ нашемъ заведеніи Его Императорскаго Высочества, въ минуты семейной горести. Обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ просьбою, объ исходатайствованіи у Его Высочества дозволенія, помѣстить образъ въ церкви корпуса, какъ усердное приношеніе воспитанниковъ и воспитателей. Я увѣренъ, что найду въ васъ посредника, который зная всегдашнюю преданность и дѣтскую любовь кадетъ къ Великому князю и былъ личнымъ свидѣтелемъ впечатленія, произведеннаго на нихъ и на всѣхъ насъ послѣднею потерею, какою было угодно Всевышнему посѣтить семейство нашего благодѣтеля *)).

На это письмо послѣдоваль отвѣтъ такого содержанія:
Милостивый государь Федоръ Васильевичъ!

Содержаніе письма Вашего имѣлъ я счастье повергать на усмотрѣніе Его Императорскаго Высочества, главнаго начальника. Желаніе изъявленное воспитанниками и воспитателями ввѣреннаго вамъ корпуса, поставить въ церкви онаго образъ Св. Маріи Магдалины, въ память посѣщенія Его Высочествомъ Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса, въ минуты глубокой скорби, было пріятно имъ принято. За это участіе къ горести начальника своего, Его Императорское Высочество соизволилъ мнѣ повелѣть изъяснить душевную его благодарность Вашему Превосходительству, воспитанникамъ и воспитателямъ корпуса.

Съ истиннымъ удовольствіемъ исполняю таковое Его Высочества повелѣніе, честь имѣю покорнѣйше просить, объявить о семъ всѣмъ чинамъ и воспитанникамъ ввѣреннаго вамъ заведенія **).

Весною 1849-го года, Великій князь Михаилъ Павловичъ, передъ отъѣздомъ своимъ къ выстулавшимъ на западную

*) Письмо генерала Главацкаго, отъ 20 сентября 1846 г. № 2054.

***) Письмо Генераль-адъютанта Ростовцева, отъ 24 января 1847 года.

границу войскамъ гвардіи, посѣтилъ корпусъ. Онъ пріѣхалъ послѣ осмотра полковъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, штабы которыхъ были расположены по р. Волхову. Произведеннымъ смотромъ Его Высочество остался вполне доволенъ и вообще былъ весьма добрѣ и ласковѣ съ кадетами. Это было послѣднимъ его посѣщеніемъ корпуса, въ которому онъ былъ всегда особенно милостивъ. Но должно сказать, что и Новгородцы обожали Великаго князя. Каждый пріѣздъ его ожидался съ какимъ то радостнымъ страхомъ и даже при тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Его Высочество оставался чѣмъ либо недоволенъ, кадеты понимали, что неудовольствіе это временное и гнѣвъ скорѣе напускной, чѣмъ дѣйствительный, а потому всегда оставались передъ Михаиломъ Павловичемъ тѣми же любящими и откровенными, какъ и при похвалахъ. За это то именно онъ болѣе всего и любилъ корпусъ *).

Вѣсть о смерти Великаго князя, въ Варшавѣ, какъ громомъ поразила всѣхъ. Хотя въ корпусѣ знали, что онъ боленъ, но никто не ожидалъ столь роковаго исхода. Манифестъ о кончинѣ былъ прочтенъ въ церкви, передъ панихидою. Вотъ что говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ, одинъ изъ кадетъ того времени.

«Съ времени смерти Великаго князя Михаила Павловича прошло теперь 34 года, а я до сихъ поръ помню, да и никогда не забуду той минуты, когда Главацкій, собраннымъ у церкви, въ манежѣ ротамъ, объявилъ объ этомъ событіи. Всѣ мы ахнули. Намъ казалось это невозможнымъ. Что же теперь будетъ? Какъ же будетъ теперь корпусъ безъ Великаго князя? Вотъ вопросы, которые были въ ту минуту въ мысляхъ каждаго. Когда вошли въ церковь, вышелъ нашъ почтенный священникъ Малиновскій, въ траурной ризѣ. Блѣдный, дрожащимъ голосомъ прочелъ онъ манифестъ, потомъ хотѣлъ сказать

*) Записка кадета В..... З..... Приложение 9.

кадетамъ что-то и не могъ. Мы слышали только слова: «Дѣти! Васъ привели сюда молиться о душѣ..... человѣка, который....» дальше онъ говорить не могъ, слезы душили его; было только слышно какъ онъ, обратясь къ діакону, тихо сказалъ ему: «начинайте!»—Во время панихиды случайно взглянулъ я на клиросъ и вижу Орнатскій поетъ и плачетъ; оглянулся на директора, стоитъ онъ на колѣняхъ и рыдаетъ; плачетъ безрукій Колышкинъ, плачетъ мой ротный командиръ Кисляковъ» *).

Черезъ день полученъ былъ приказъ главнаго директора генерала Клингенберга. Приводимъ его въ подлинникѣ.

Приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ 2-го сентября 1849 года, № 1099.

«Его Императорскаго Высочества, отца и благодѣтеля военно-учебныхъ заведеній не стало. Его уже нѣтъ, но примѣръ его съ нами.

Примѣромъ своимъ онъ не перестанетъ благотворить намъ. Любите Бога—какъ Онъ; служите Государю—какъ Онъ; будьте чисты сердцемъ—какъ Онъ; будьте преданы долгу—какъ Онъ; будьте справедливы и великодушны—какъ Онъ; будьте другомъ солдата—какъ Онъ».

Приведемъ и тѣ слова изъ духовнаго завѣщанія Великаго князя, которые относятся до кадетъ:

«Военно-учебныя заведенія, коими я по высочайшему доврѣнію имѣлъ счастье столько лѣтъ начальствовать, пребудутъ для меня дороги, до самой смерти моей. Я сойду въ гробъ съ полною въ нимъ признательностію и любовью».

Любовь эта была дѣйствительно поразительна и чѣмъ болѣе проходило времени со дня кончины Михаила Павловича, тѣмъ для каждаго бывшаго его кадета она дѣлалась яснѣе и ошутительнѣе. Читая приказы Великаго князя остается удивляться до чего доходила его заботливость о дѣтяхъ ему вѣранныхъ. Сколько души, сколько сердечности проявлялось въ этой за-

*) Изъ письма бывшаго кадета 1849-го года.

ботливости, не только о времени воспитанія, но и будущности кадета. Приводимъ изъ множества примѣровъ одинъ, какъ доказательство сказаннаго нами. Вотъ какъ смотрѣлъ Великій князь на значеніе справедливости въ отношеніи къ воспитанникамъ.

«Справедливость и истинная польза воспитанія требуютъ отъ воспитателей строгой добросовѣстности и отвѣтственности. Вѣрное и нелицепріятное сужденіе о столь драгоценной для кадета собственности, какъ его нравственныя качества и умственныя достоинства, должно основываться на полнѣйшемъ безпристрастіи. Всякій произволь, всякая угодливость побочнымъ вліяніямъ и даже неумышленная ошибка въ этомъ дѣлѣ, можетъ на всегда лишить наставника той довѣренности дѣтей, пользуясь которою, онъ всегда вѣрнѣе можетъ вести ихъ ко всякому усовершенствованію. Сверхъ того, черезъ несправедливую аттестацію воспитателей, высшее начальство дѣлается невольно несправедливымъ въ глазахъ воспитанниковъ, при самомъ началѣ ихъ гражданской жизни. Руководствуясь этою основною мыслию, я предписалъ ввести аттестанціонныя тетради, по данной мною формѣ. Принимая же въ соображеніе, что директора корпусовъ не имѣютъ точныхъ и единообразныхъ правилъ для аттестацій, чрезъ что въ одномъ заведеніи воспитанникъ менѣе виновный можетъ подвергаться наказанію строжайшему, чѣмъ въ другомъ, за ту же вину, воспитанникъ его худшій, я признаю необходимымъ, чтобы какъ наказанія вообще, такъ и представленія о выпискѣ изъ заведенія за проступки, дѣлались съ крайнею осторожностію и разборчивостію и для того препровождаю въ непремѣнное руководство подробныя правила для аттестацій» *).

Въ день погребенія Великаго князя Михаила Павловича, главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ на-

*) Предписаніе Его Высочества директору корпуса, отъ 12 апрѣля № 338.

значенъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николлаевичъ. Въ первомъ же приказѣ своемъ онъ объявилъ объ этомъ говоря: «Утѣшаюсь и горжусь, что по милости Государя, Богъ привелъ мнѣ быть начальникомъ такого вѣдомства».

Ровно черезъ мѣсяцъ, новый главный начальникъ осчастливилъ корпусъ своимъ посѣщеніемъ. Впрочемъ оно было не первое. Кромѣ бытности въ корпусѣ вмѣстѣ съ Государемъ въ 1836 году, о чемъ было уже говорено, Его Высочество въ 1840 году, по особому Высочайшему повелѣнію, изволилъ осматривать Новгородскій корпусъ, и какъ тогда, такъ и теперь остался вполне доволенъ. Въ приказѣ по корпусу отъ 26-го октября было сказано: «При осмотрѣ корпуса, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ найти какъ обученіе воспитанниковъ по фронтовой части, такъ равномерно одежду и чистоту въ заведеніи въ отличномъ состояніи и порядкѣ, за что неоднократно изволилъ благодарить какъ меня, такъ сотрудниковъ моихъ и кадетъ. Съ чувствомъ душевнаго удовольствія привѣтствую и благодарю всѣхъ и каждого изъ кадетъ и поздравляю ихъ съ неоцѣненнымъ и милостивымъ вниманіемъ главнаго начальника, Государя Цесаревича. Но не могу умолчать, что таковое составляетъ преждевременную награду, а потому каждый долженъ принести обѣтъ, что постоянною преданностію долгу, чистою нравственностію и прилежаніемъ къ наукамъ, потщится сдѣлаться достойнымъ милости Государя».

Передъ отъѣздомъ Его Высочество приказалъ представить ему лучшихъ воспитанниковъ. Ихъ было выстроено 40. Наслѣдникъ говорилъ съ каждымъ, важдаго благодарилъ и всѣхъ ефрейторовъ приказалъ произвести въ унтеръ-офицеры.

По смерти генерала Главацкаго, директоромъ корпуса былъ назначенъ начальникъ штаба гренадерскаго корпуса, генераль-майоръ Федоръ Филипповичъ Ридигеръ. Онъ воспитывался въ Финдландскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1821 году

былъ выпущенъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Служа въ генеральномъ штабѣ, онъ производилъ съемки въ Царствѣ Польскомъ и въ Финляндіи, дѣлалъ ту-рецкую компанію 1828—29-го годовъ, потомъ участвовалъ въ походѣ въ Венгрію и затѣмъ командовалъ гренадерскимъ принца Фридриха Нидерландскаго полкомъ.

Генераль Ридигеръ съ первыхъ дней своего директорства обнаружилъ замѣчательную силу воли и самостоятельность. Въ противоположность своему предшественнику, онъ лично входилъ во всѣ отрасли управленія, былъ неутомимъ, ежедневно, неожиданно появлялся въ классахъ, на ученія, у стола, по ночамъ обходилъ роты. При этомъ онъ имѣлъ настолько представительную наружность, что кадеты по одной внѣшности питали уже къ нему полное уваженіе. Къ сожалѣнію Ф. Ф. Ридигеръ оставался директоромъ всего полгода, въ теченіи котораго онъ возбудилъ вопросъ объ увеличеніи штата и нѣкоторыхъ статей табели корпуса, прося прибавокъ на ремонтъ, на освѣщеніе, отопленіе, на довольствіе кадетъ и на жалованье учителямъ. Все это сложное дѣло онъ оставилъ въ наслѣдство своему преемнику, потому что 14-го апрѣля 1854-го года былъ переведенъ директоромъ же въ Александровскій брестскій кадетскій корпусъ, передавъ Новгородскій полковнику барону Леопольду Федоровичу Корффу. Эта перемѣна была тѣмъ большею для корпуса потерею, что уже приближалось время, когда въ лицѣ директора долженъ былъ бы находиться человѣкъ сильной воли и характера.

Баронъ Корфъ выпущенъ въ 1820 году изъ училища ко-лоновожатыхъ. До 1850-го года онъ служилъ въ генеральномъ штабѣ, съ отличіемъ участвовалъ въ компаніи 1828—29 годовъ и былъ раненъ въ ногу. Съ 1850-го года, до назначенія директоромъ Новгородскаго корпуса, онъ состоялъ при штабѣ военно-учебныхъ заведеній. Вступая въ должность баронъ Корфъ писалъ въ первомъ своемъ приказѣ: «Съ полною до-вѣренностію на добросовѣстное содѣйствіе ваше, почтенные

воспитатели, и съ чувствами отца всегда готоваго любить дѣтей, — къ вамъ воспитанники, молю Бога, да благословить Онъ труды и усилія наши, въ священномъ дѣлѣ воспитанія разсадника славной русской арміи» *).

Готовности и усердія сдѣлать полезное для корпуса въ новомъ директорѣ быть можетъ было много, но недостовало системы, настойчивости и терпѣнія. Онъ сразу хотѣлъ измѣнить многое, но въ сущности не улучшилъ ничего, а только возбуждалъ переписки, дѣлалъ представленія выходящія изъ положеній, получалъ отказы и замѣчанія. Началось съ того, что начатое Ридигеромъ дѣло, объ измѣненіи штатовъ и объ увеличеніи денежныхъ отпусковъ, баронъ Корфъ повелъ съ увѣренностію на успѣхъ и прежде окончательнаго рѣшенія, многое взялъ на себя. Такъ на примѣръ онъ разрѣшилъ сверхсмытные расходы по ремонту зданій, дозволилъ инспектору Александрову увеличить число учителей, наконецъ найдя, что спальни кадетъ, классы, столовая и корридоры мало освѣщены, допустилъ значительную передержку. Кромѣ излишней самоувѣренности, баронъ Корфъ имѣлъ странную привычку никогда не исполнять того о чемъ заявлялось какъ объ общемъ желаніи служащихъ, а между тѣмъ не упускалъ случая одинъ пользоваться тѣмъ, что было устроено его предмѣстниками для общаго пользованія. Ферма, оранжереи, корпусные экипажи, все это сдѣлалось какъ бы личною собственностію директора. Это вооружало противъ него общество, а кадеты не любили барона за его скупость.

Сначала штабъ военно-учебныхъ заведеній принималъ живое участіе въ увеличеніи денежныхъ средствъ корпуса и на томъ основаніи, что Новгородскій графа Аравчеева кадетскій корпусъ получалъ отъ правительства менѣе Полоцкаго и Воронежскаго, исходатайствовалъ ему, чрезъ Государя Наслѣд-

*) Приказъ по корпусу 4 мая 1855 г. № 124.

нива, 100 тысячъ единовременнаго вспомошествованія *). Въ подтвержденіе необходимости подобной помощи, было выставлено еще и то, что при перемѣщеніи Брестскаго корпуса въ Москву, было позаимствовано изъ капитала Новгородскаго корпуса 50 тысячъ, которое министерство финансовъ пополнило въ теченіи 5 лѣтъ **). Барону Корфу подобное вспоможеніе показалось недостаточнымъ; онъ дѣлалъ одно представленіе за другимъ, что наконецъ разсердило Я. И. Ростовцева и было причиною не только отказовъ, но даже объявленія выговоровъ, за нарушеніе представленныхъ директору правъ. Если бы дѣло объ измѣненіи штата и табели велось осторожно, безъ порывовъ, то несомнѣнно, что оно достигло бы цѣли, потому что штаты и табели существованія съ 1836-го года, не могли соотвѣтствовать потребностямъ 1854 г. Это ясно доказывается сдѣланнымъ директоромъ Ридигеромъ представленіемъ, помѣщаемымъ нами въ 12 приложеніи.

Хотя несомнѣнно, что неудобства нахождения Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса внѣ города, съ каждымъ годомъ, и особенно съ учрежденіемъ специальныхъ классовъ, дѣлалось чувствительнѣе, но несомнѣнно и то, что жаловавшіеся на это забывали тѣ ни чемъ незамѣнимыя выгоды для нравственнаго воспитанія, которыя представляло уединенное положеніе заведенія. Первые директора Бородинъ, Главацкій понимали это, хотя вѣроятно и имъ были понятны многія неудобства; преемники же ихъ этого не поняли и видимо начали готовить Петербургское начальство къ мысли о перемѣщеніи корпуса. Въ этомъ направленіи они дѣйствовали, черезъ инспектировавшихъ, на генерала Ростовцева.

На второмъ же году по вступленіи въ должность, баронъ Корфъ вошелъ въ частную переписку съ помощникомъ на-

*) Приказъ по Воен.-Уч. Завед. 1854 г. № 1916.

***) Отзвъ департамента Воен. Посел. отъ 15 августа 1854 года.

чальника главнаго штаба по военно - учебнымъ заведеніямъ, генераломъ Путятою, выставляя ему возможность перевести корпусъ въ Тверь. Не желая дать вида, что ему хотѣлось этого лично для себя, онъ писалъ, что въ корпусъ пріѣзжали въ своимъ родственникамъ, кадетамъ, многіе помѣщики тверской губерніи и заявляли желаніе, чтобы корпусъ былъ переведенъ въ ихъ губернскій городъ. Баронъ Корфъ очень ловко прибавлялъ при этомъ, что заявленію нѣсколькихъ только дворянъ нельзя придавать значенія, что въ Твери скоро будутъ выборы и потому не дозволятъ ли ему, совершенно частно, съѣздить туда, чтобы лично убѣдиться, въ какой мѣрѣ сдѣланное ему заявленіе основательно. Генераль Путята, конечно не безъ согласія Я. И. Ростовцева, разрѣшилъ директору ѣхать въ Тверь, но съ тѣмъ, чтобы всѣ свѣдѣнія были имъ собираемы тамъ совершенно секретно. Прибывъ въ Тверь, Корфъ прежде всего сошелся съ губернскимъ предводителемъ дворянства Озеровымъ и такъ обошелъ его, что тотъ, безъ всякаго совѣщанія съ дворянствомъ, вошелъ въ переписку съ начальникомъ главнаго штаба.

Чтобы судить въ какой мѣрѣ барону Корфу хотѣлось понасть въ Тверь, можно видѣть изъ его донесеній: 1) Что въ Твери находятся два зданія, въ которыхъ весьма было бы удобно помѣстить корпусъ, — это построенное, но еще не вполне оконченное зданіе гимназіи и дворянскаго пансіона и дворецъ. 2) Что при гимназіи есть флигеля, которые можно удобно соединить съ главнымъ зданіемъ; что для окончанія и внутренней отдѣлки корпуса заготовлено все необходимое. 3) Что удѣльное вѣдомство уже предлагало дворянству принять дворецъ въ свое веденіе, но оно отказалось, а между тѣмъ онъ такъ обширенъ, что за отдѣленіемъ помѣщеній для пріѣзда Высочайшихъ особъ, въ немъ могли быть квартиры директора, инспектора, баталіоннаго командира, ротныхъ командировъ и даже доктора.

«Дворецъ мнѣ показывалъ — писалъ Корфъ — «смотритель частно, какъ бы изъ одного моего любопытства».

4) Что для сохраненія заготовленнаго матеріала было необходимо приступить къ примѣненію зданій немедленно.

«Во время посѣщенія моего губернскаго предводителя, — продолжаетъ директоръ — «я имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми уѣздными предводителями и депутатами дворянства. Каждый изъ нихъ выражалъ общее желаніе перемѣщенія корпуса въ Тверь»*)).

Изъ дальнѣйшаго хода этого дѣла видно, что многое въ дѣйствительности было далеко не такъ, какъ казалось барону Корфу. Онъ, вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ, ввелъ въ заблужденіе даже начальника штаба. Озеровъ запросилъ послѣдняго, согласно ли съ видами правительства перевести корпусъ и на какое число пансіонеровъ тверской губерніи, ея дворяне могутъ рассчитывать? На это штабъ военно-учебныхъ заведеній отвѣчалъ ему: 1) Что перемѣщеніе Новгородскаго графа Арапчаева кадетскаго въ Тверь, по всей вѣроятности будетъ одобрено правительствомъ. 2) Равнымъ образомъ можно надѣяться, что капиталъ потребный на устройство зданія, будетъ выданъ дворянству заимообразно и разсроченъ къ платежу на желаемые сроки. 3) Число пансіонеровъ отъ тверской губерніи будетъ зависеть отъ количества процентовъ съ пожертвованнаго дворянствомъ капитала и 4) Своекоштные пансіонеры изъ дворянъ губерніи, будутъ сверхъ того допускаться въ корпусъ въ неограниченномъ числѣ, съ платою по 200 руб. въ годъ.

Покуда шла переписка между барономъ Корфомъ, начальникомъ главнаго штаба по военно-учебнымъ заведеніямъ, его помощникомъ и предводителемъ Озеровымъ, тверское дворянство, при первомъ съѣздѣ, потребовало отъ своего представителя отчета, въ его самовольныхъ заявленіяхъ, безъ пред-

*) Донесеніе барона Корфа, отъ 22 января 1856 года.

варительнаго соглашенія съ дворянствомъ. Желая оправдаться, Озеровъ, объявилъ, что переводъ корпуса дѣлается по Высочайшей волѣ. Но такъ какъ дворянству этотъ переводъ стоилъ бы до 700 тысячъ, то начались пререканія, слухъ о которыхъ дошелъ до Петербурга. Тогда Государь приказалъ сообщить въ Тверь, чтобы дворянство, ничѣмъ не стѣсняясь, само рѣшило, выгодно ли для него перемѣщеніе корпуса въ Тверь или нѣтъ. Этимъ и кончилась дѣло, затѣянное директоромъ барономъ Корфомъ *).

Полагая въ послѣдовательности ничѣмъ не кончившіяся старанія директора барона Корфа о перемѣщеніи корпуса, мы опредѣлили событія.

20-го февраля 1855-го года получено было извѣстіе о кончинѣ Императора Николая Павловича. Вѣсть эта какъ громомъ поразила и кадетъ и начальство корпуса. Въ пустынномъ его уединеніи никто не зналъ о болѣзни Государя и вдругъ Его, великаго, могучаго, боготворимаго кадетами, не стало! Убитыхъ роковою вѣстью, кадетъ повели въ церковь, гдѣ сначала отслужена была панихида по усопшемъ, а потомъ, вмѣстѣ съ офицерами и учителями, всѣхъ привели къ присягѣ **).

Желаніе имѣть въ корпусѣ вещественный знакъ воспоминанія о его незабвенномъ основателѣ, заявленное всѣми служащими и кадетами, заставило директора обратиться къ начальнику главнаго штаба по военно-учебнымъ заведеніямъ, съ слѣдующимъ письмомъ.

*) Письмо Я. И. Ростовцева А. А. Озерову отъ 11 февраля 1856 года.

***) На нашу просьбу, бывшимъ питомцамъ корпуса, о доставленіи своихъ воспоминаній, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ такъ: «Въ числѣ многихъ вопросовъ вашихъ, вы спрашиваете о впечатлѣніи, произведенномъ на насъ кончиною Императора. Оно было потрясающее. Вы сами кадетъ время Николая и потому знаете какъ мы горячо любили, могу сказать боготворили его. За панихидой, отъ директора до послѣдняго кадета неранжированной роты, всѣ плакали; инспекторъ же Александровъ рыдалъ истерически, такъ что его вывели и долго не могли успокоить. Черезъ полгода его самаго не стало». Изъ письма бывшаго кадета Н. Д.

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

«Въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I, преобразователь и благодѣтель военно - учебныхъ заведеній, учредилъ губернскіе кадетскіе корпуса.

«Честь перваго осуществленія этихъ учрежденій принадлежитъ Новгородскому корпусу.

«Время протечетъ, современники перейдутъ въ вѣчность, новыя поколѣнія смѣнятъ прежнія и жеребій павшей на Новгородскій корпусъ сдѣлается достояніемъ исторіи.

«Новгородскій корпусъ гордится этимъ жребіемъ. Имѣть памятникъ вещественный, свидѣтельствующій и будущимъ поколѣніямъ о судьбѣ корпуса, преисполнило бы всю мѣру его желаній, можетъ быть слишкомъ смѣлыхъ.

«Удостоиться получить полусаблю въ Бозѣ почившаго учредителя корпуса и хранить ее какъ святыню, какъ памятникъ отеческихъ заботъ великаго Монарха, придало бы заведенію новыя силы въ святомъ исполненіи своего долга, въ священномъ дѣлѣ воспитанія.

«Почтительнѣйше повергая сіе на благосклонное благоусмотрѣніе ваше, осмѣливаюсь просить и въ этомъ случаѣ, неоставить ввѣренный мнѣ Новгородскій корпусъ, покровительствомъ вашимъ».

По докладѣ этого письма Государю, Его Величество приказалъ пожаловать корпусу каску Императора Николая Павловича, которая хранится нынѣ въ церкви Нижегородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса.

По доставленіи этого знака Монаршаго благоволенія, отданъ былъ слѣдующій приказъ по корпусу.

«Господа воспитатели и кадеты!

Государь Императоръ изволилъ пожаловать намъ каску въ Бозѣ почившаго Императора Николая I, благодѣтеля и учредителя нашего корпуса. Сохранимъ этотъ даръ какъ святыню, какъ памятникъ великихъ къ намъ милостей двухъ вѣнценосцевъ. Я увѣренъ, что вы господа воспитатели, ука-

звѣдѣнныи и будущимъ питомцамъ корпуса на вещь-
ство и даръ царскаго вниманія, будете внушать имъ долгъ
любви и преданности; а вы кадеты, молитесь Всевышнему,
помощь вамъ сдѣлаться достойными сынами нашей славной
арміи, нашего Богомъ хранимаго отечества; молитесь Ему
утвердить васъ въ чувствахъ чести и любви къ Богу, Госу-
дарю и родинѣ, въ чувствахъ врожденныхъ и наследованныхъ
вами отъ отцевъ и предковъ вашихъ.

Глава X.

Подготовленія къ нововведеніямъ.—Административныя перемѣны.—Вліяніе войны 1853—55 годовъ.—Отношенія общихъ преобразованій къ корпусу.—Распоряженіе директора барона Корфа.—Директоръ баронъ Икскуль.—25-ти лѣтній юбилей корпуса.—Выпуски въ офицеры прямо изъ корпуса.—Присяга произведенныхъ.—Переходное положеніе.—Назначеніе директоромъ генерала Меца.—Педагогическій комитетъ.—Послѣдній директоръ полковникъ Кузьминъ.—Корпусъ на открытіи памятника тысячелѣтія Россіи.—Переводъ въ корпусъ Брестскихъ кадетъ.—Учебная часть передъ преобразованиемъ.

Вступленіемъ на престолъ Императора Александра II начался новый періодъ для военно-учебныхъ заведеній, а въ томъ числѣ и для Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса, періодъ преобразованій, главною цѣлью которыхъ было усиленіе умственнаго и научнаго образованія кадетъ. Еще въ бытность Государя главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, предпринимались подготовительныя къ этому мѣропріятія. Впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣли въ основаніи мысли и намѣренія незабвенныхъ благодѣтелей кадетскихъ корпусовъ, Императора Николая I и Великаго князя Михаила Павловича. Еще въ 1841 г. было приведено въ исполненіе постоянное желаніе Государя, удинообразить курсъ корпусовъ съ курсами Артиллерійскаго и Инженернаго училищъ, дабы лучшіе ученики могли, съ производствомъ въ офицеры, поступить прямо въ офицерскіе классы этихъ заведеній. Въ теченіи сороковыхъ годовъ, курсъ Новгородскаго корпуса былъ значительно усиленъ; это заставило расширить преподаваніе математики, до такой степени, что не вся масса кадетъ могла за нимъ слѣдовать. Чтобы отстранить послѣднѣе и неидти въ разрѣзъ способностямъ большинства, явилась мысль прибавить къ двумъ спеціальнымъ классамъ—третій. Но осу-

ществовать эту мѣру, въ то время, было невозможно по тремъ причинамъ: во первыхъ по недостатку средствъ; во вторыхъ потому, что для приѣма въ корпусъ допускались дѣти до 13 лѣтъ, безъ всякаго экзамена, слѣдовательно надобно было измѣнить правила приѣма и въ третьихъ, что корпуса и училища находились въ трехъ вѣдомствахъ, не всегда поддававшихся на взаимныя уступки. Все это замѣдляло дѣло, такъ что только въ 1856 году доставлены были въ корпусъ программы, уже вполне примѣненныя къ предстоявшимъ преобразованіямъ по учебной части; но уже въ 1854 году нѣкоторые изъ находившихся въ дворянскомъ полку Новгородскихъ кадетъ, поступили въ открытый при немъ третій спеціальнѣйшій классъ.

Съ началомъ пятидесятихъ годовъ, испытанія производимыя въ дворянскомъ полку получили особое значеніе, потому что Его Высочество Государь Наслѣдникъ, довольно часто лично присутствовалъ на публичныхъ экзаменахъ. Узнавъ объ этомъ, директоръ корпуса баронъ Корфъ, обыкновенно подтверждалъ въ своихъ приказахъ, чтобы кадеты помнили, что имъ придется экзаменоваться при Цесаревичѣ, что тѣ изъ ихъ товарищей, которые отличались прилежаніемъ, съ похвалою держатъ экзаменъ въ Петербургѣ; тѣмъ же которые мало занимались въ теченіи года, сбавляютъ баллы, чѣмъ они дурно рекомендуютъ не только себя, но и корпусъ. Дабы учителя были строже въ отмѣткахъ, а кадеты болѣе бы ими дорожили, баронъ Корфъ собралъ особый учебный комитетъ, изъ всѣхъ наставниковъ—наблюдателей, подъ предсѣдательствомъ вновь поступившаго въ 1855 году инспектора, полковника генеральнаго штаба Кузьмина — Короваева, для составленія правилъ о классныхъ отмѣткахъ. На основаніи этихъ правилъ весь корпусъ былъ раздѣленъ на 6 разрядовъ.

1-й разрядъ: успѣхъ отличный, — воспитанники имѣющіе, въ среднемъ выводѣ, изъ всѣхъ предметовъ 10 балловъ.

2-й разрядъ: успѣхъ хорошій, — въ среднемъ 8 балловъ.

3-й разряд: успѣхъ удовлетворительный; 6 балловъ въ среднемъ, при 5 въ одномъ изъ предметовъ.

4-й разрядъ: неудовлетворительный, —имѣющіе 6 въ среднемъ и 5 или менѣе въ нѣсколькихъ предметахъ.

5-й разрядъ: весьма неудовлетворительный, —имѣющіе въ среднемъ менѣе 6, но болѣе 4-хъ.

6-й разрядъ: безуспѣшный, —менѣе 4-хъ въ среднемъ.

Затѣмъ объявленъ былъ по корпусу, рядъ весьма сложныхъ, сбивчивыхъ и мелочныхъ мѣръ о томъ, какъ поощрять отличныхъ и хорошихъ, какъ вести удовлетворительныхъ, и какимъ наказаніямъ подвергать неудовлетворительныхъ и безуспѣшныхъ *). Мы не перечисляемъ этихъ мѣръ потому, что они не имѣли никакихъ особенныхъ результатовъ и болѣею частію оставались безъ примѣненія на практикѣ. Даже о тѣхъ зеленыхъ доскахъ, которыя были придуманы барономъ Корфомъ для удовлетворительныхъ, никто изъ бывшихъ кадетъ его времени не говорилъ намъ. Если въ слѣдующіе года успѣхи оказались нѣсколько выше, то этимъ корпусъ обязанъ той заботливости и энергіи, съ которою инспекторъ Кузьминъ-Короваевъ велъ классное дѣло.

Послѣднему это было не легко, потому что его предшественники, Лавровъ, Александровъ и Дюгамель, были инспекторами всего по два года, слѣдовательно не могли вполне узнать не только кадетъ, но и учителей. Лавровъ былъ переведенъ въ Орловскій корпусъ, Александровъ умеръ, а Дюгамель вышелъ въ отставку. Онъ былъ очень образованный и хорошій человекъ, но до того добрый и разсѣянный, что служилъ поводомъ ко множеству про него анекдотовъ **).

*) Приказъ по корпусу 2 января 1855 г. № 306.

**) Кадетъ Десятовъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній писалъ о немъ:

Разсѣянъ былъ ужасно
Инспекторъ Дюгамель,
И надѣвалъ онъ часто
На выворотъ шинель.

Во время бытности директоромъ барона Корфа и при его приѣмникѣ, общественную жизнь корпуса можно было называть веселою. Тѣ кадетскіе спектакли, о которыхъ было говорено выше, обратились почти въ публичныя, потому что въ нихъ принимали участіе не только учителя и офицеры, но лица постороннія и жены ихъ. Главные распорядители, кромѣ Шелковникова, были еще: смотритель мѣстнаго провіантскаго магазина Шмитъ и учитель рисованія штабсъ-капитанъ Сенкевичъ, бывшій кадетъ корпуса. Жена Шмита была примадоною; военный мѣстный инженеръ Пильцъ, штабсъ-капитанъ Грековъ, Сенкевичъ и Шелковниковъ и даже инспекторъ классовъ являлись въ различныхъ роляхъ, въ однихъ и тѣхъ же пьесахъ съ кадетами. На подобныя спектакли, кромѣ живущихъ въ корпусѣ, съѣзжались родственники кадетъ, приглашенные изъ Новгорода и офицеры гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, стоявшихъ по р. Волхову. Независимо отъ спектаклей, по прежнему устраивали танцевальныя вечера, въ театральной залѣ 1-й роты.

Кромѣ того, съ разрѣшеніи Главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, при корпусѣ былъ открытъ клубъ для служащихъ. Онъ помѣщался въ лѣвой половинѣ нижняго этажа каменнаго зданія, гдѣ прежде была гаубвахта съ коланчею. Членскіе взносы были не большіе. Клубъ былъ открытъ ежедневно, кромѣ кануна большихъ праздниковъ. Тамъ по вечерамъ собирались служащіе, проводить время преимущественно за картами и въ билліардной. Въ старшины и въ помощники къ нему ежегодно, передъ началомъ курса, избирался закрытою балотировкою кто либо изъ членовъ. По закрытіи корпуса, въ августѣ 1866-го года, имущество клуба было продано

Иль батюшкину шапку
Надѣнетъ онъ порой,
Свою-жъ возьметъ въ охапку
И мчится такъ домой.

и на вырученные деньги купленъ довольно роскошный альбомъ, который поднесли бывшему тогда послѣднимъ директоромъ, А. А. Кузьмину.

Бромъ него, въ теченіи 50-ти лѣтъ существованія корпуса поднесены были альбомы только двумъ старѣйшимъ учителямъ, Д. Н. Орнатскому и К. А. Юргенсу, но это поднесеніе имѣло иное значеніе. Ихъ альбомы были наполнены портретами не только сослуживцевъ, но и бывшихъ учениковъ ихъ, приславшихъ со всѣхъ концовъ Россіи свои карточки, какъ знакъ ихъ любви и уваженія къ достойнѣйшимъ юбилярамъ.

Въ тотъ же промежутокъ времени произошло и нѣсколько административныхъ перемѣнъ, между которыми, въ отношеніи новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса, имѣли значеніе слѣдующія:

1) До 1853-го года, лучшіе кадеты IV общаго класса производились въ унтеръ офицеры. Черезъ это въ дворянскомъ полку не рѣдко приходилось отлично учащагося ефрейтора подчинять переведенному изъ корпуса унтеръ-офицеру, произведенному на менѣ строгихъ условіяхъ и учащемуся неудовлетворительно. Это колебало, въ ущербъ дисциплинѣ, уваженія младшаго званія къ старшему. Кромъ того, дворянскій полкъ получалъ такъ много унтеръ-офицеровъ, что принужденъ былъ ставить ихъ за рядовыхъ, чрезъ что унтеръ-офицерское званіе обращалось въ одно названіе и теряло нравственное значеніе. Для отстраненія этого было приказано: въ губернскихъ корпусахъ въ унтеръ-офицеры не производить, исключая тѣхъ ефрейторовъ, которые исправляютъ должность фельдфебелей *).

2) Говоря о первыхъ отправленныхъ въ Петербургъ выпускахъ, мы упоминали, что Новгородскіе кадеты находились въ дворянскомъ полку въ составѣ отдѣльной роты только три года, а затѣмъ ихъ сряду по прибытіи распредѣляли въ раз-

*) Приказъ по Воен. Учебн. Зав. 12 Мая 1853 г. № 1728.

личныя роты полка. Въ 50-хъ годахъ, когда дворянскій полкъ окончательно преобразовался и не имѣлъ уже спеціально фронтоваго значенія, а Новгородскій корпусъ имѣлъ правильныя лагерныя занятія, кадеты его доставлялись въ Петербургъ въ концѣ іюля. До конца экзамена, происходившаго въ первыхъ числахъ августа, прибывшіе кадеты помѣщались отдѣльно и во все время до распредѣленія ихъ по ротамъ дворянскаго полка, оставались въ веденіи и подъ наблюденіемъ двухъ прибывшихъ съ ними офицеровъ своего корпуса. Одного изъ нихъ прикомандировывали на годъ къ полку, дабы онъ могъ постоянно слѣдить за своими кадетами, увѣдомлять о ихъ нравственности и успѣхахъ директора и быть въ Петербургѣ постояннымъ комисіонеромъ своего корпуса *).

Въ свободное между экзаменами время, вновь прибывшихъ водили осматривать эрмитажъ, музей академіи наукъ, оранжереи ботаническаго сада и проч.

3) Списки выпускныхъ приказано было доставлять въ дворянскій полкъ къ 15-му іюня, вмѣстѣ съ подробнымъ донесеніемъ всѣ ли предметы и въ должномъ ли объемѣ пройдены; если не всѣ и не доведены еще до конца, то требовалось объясненіе, что не кончено?

4) Все что расходовалъ дворянскій полкъ на довольствіе кадетъ, со дня ихъ прибытія до зачисленія въ списки полка, корпусъ былъ обязанъ возвращать ему. Съ другой же стороны и дворянскій полкъ уплачивалъ корпусу за то обмундированіе, въ которомъ кадеты оставались въ немъ.

5) Съ открытіемъ въ 1852 году движенія по Николаевской желѣзной дорогѣ, прекратились поѣздки выпускныхъ на долгихъ въ Петербургъ. Кадетъ доставляли на наемныхъ тройкахъ только до Новгорода; оттуда перевозили на пароходѣ до Волховской станціи и затѣмъ въ вагонахъ до Петербурга. Въ началѣ за послѣднѣе платилось по 5 руб. за cadaго вос-

*) Приказъ отъ 14 Февр. 1854 г. № 1883.

питанника, но въ 1854 году, плата, по распоряженію министра путей сообщенія, ограничилась двумя рублями.

Говоря о пятидесятыхъ годахъ нельзя не упомянуть, что начавшаяся въ 1853 году восточная война, кромѣ возбужденія въ кадетахъ общаго молодежи того времени энтузіазма и патриотизма, имѣла на нихъ и невыгодное вліяніе. Съ ея началомъ число выписываемыхъ за неуспѣхи въ наукахъ значительно увеличилось. Неохотники до классныхъ занятій завидывали юнкерамъ отправляемымъ въ дѣйствующую армію, гдѣ ихъ, за отличіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, производили въ офицеры, раньше назначеннаго срока. Описаніе подвиговъ бывшихъ кадетъ подъ Альтеницей и Читати, были розданы каждому кадету на руки: «Да гордятся они» — говорилось въ приказѣ Его Высочества — «прежними школьными и будущими ратными своими товарищами и да постараются, когда придетъ ихъ очередь, подражать имъ, въ честь нашего оружія, во славу нашего отечества и въ утѣшеніе нашего великаго Государя».

Слова этого приказа нашли отголосокъ въ юныхъ сердцахъ кадетъ; они открыли между собою сѣладчину въ пользу раненыхъ и собранныя деньги передали директору. Результатомъ подобнаго благороднаго порыва былъ слѣдующій приказъ по корпусу:

«Штабъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній увѣдомилъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, о собранныхъ изъ полученныхъ отъ родителей воспитанниками корпуса денегъ, въ пользу воиновъ, раненыхъ въ нынѣшнюю войну въ сраженіяхъ противъ турокъ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: благодарить кадетъ за это пожертвованіе» *).

Преобразованія совершенныя въ первые годы царствованія Императора Александра II, по военному вѣдомству, отчасти

*) Приказъ по корпусу, отъ 23 іюня 1854 г. № 174.

воснулись и Новгородскаго корпуса. Приводимъ происходившія перемѣны, придерживаясь хронологическаго порядка:

1) 26-го февраля 1856 года, гренадерская рота переименована въ 1-ю, первая во 2-ю и вторая въ третью; измѣнена форма одежды и кадетамъ даны полотняныя матросскаго покроя рубашки, съ темнозелеными съ красною кистью шнурами.

2) Въ томъ же году нѣкоторые изъ воспитанниковъ корпуса, вмѣсто выпуска въ гвардію, были произведены прямо въ поручики арміи и зачислены кандидатами для перевода въ гвардію впоследствии *).

3) Съ началомъ курса 1857-го года, въ корпусѣ были открыты сначала 1-й и въ слѣдующемъ году 2-й спеціальныя классы и потому съ этого года прекратились отправленія выпускныхъ въ дворянскій полкъ. Изъ 2-го спеціального класса разрѣшено выпускать прапорщиками въ артиллерію, саперы, армію, въ линейные баталіоны и во внутреннюю стражу. Тѣхъ же кадетъ, которые успѣшно пройдутъ курсъ и пожелаютъ продолжать его, приказано переводить въ 3-й спеціальнѣй классъ, учрежденный при Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ (что бывшій дворянскій полкъ).

4) Вновь разрѣшено производить кадетъ 1-го и 2-го спеціальныхъ классовъ въ унтеръ-офицеры и предоставлено корпусу право принимать желающихъ экстернами **).

5) Принадлежащіе корпусу капиталы, хранившіеся доселѣ въ департаментѣ Военныхъ поселеній, приказано передать въ главный штабъ по военно-учебнымъ заведеніямъ ***). Всѣхъ капиталовъ въ концѣ 1858-го года корпусъ имѣлъ 449.740 руб. 52 коп.

6) Возбужденный въ 1857 году военнымъ министромъ во-

*) Приказъ по Военно-учебнымъ заведеніямъ № 2429.

***) Тоже 1857 г. № 2478.

***) Тоже 1858 г. № 2494.

прось, о замѣнѣ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ служителей изъ нижнихъ чиновъ вольнонаемною прислугою, произвелъ въ корпусѣ общее безпокойство и опасенія. Если всѣ безъ исключенія кадетскіе корпуса старались устранить подобную мѣру, то Новгородскому корпусу, по мѣсту своего расположенія, вдали отъ населенныхъ центровъ, не было никакой возможности обратиться къ замѣнѣ нижнихъ чиновъ наемными служителями. Начальникъ главнаго штаба по военно-учебнымъ заведеніямъ принялъ предложеніе министра сочувственно. Для обсужденія вопроса была составлена коммисія, подъ предсѣдательствомъ генераль-лейтенанта Желтухина. Только благодаря его практичности и знанію нуждъ заведеній, вопросъ этотъ былъ отложенъ. Возраженія коммисіи на проэктъ министра представляютъ интересъ для каждаго военного читателя, но какъ они касаются всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, а не исключительно Новгородскаго, то и не могутъ входить въ его историческій очеркъ.

Въ служительской командѣ корпуса, въ 1858 году состояло: 12 унтеръ-офицеровъ, 160 рядовыхъ и 17 нестроевыхъ; кромѣ ихъ корпусъ нанималъ еще 23-хъ человекъ, преимущественно мастеровыхъ, что ему стоило 2.300 руб.

Содержаніе служительской команды обходилось казнѣ 8093 руб.; замѣна же ея наемною прислугою, даже и въ томъ случаѣ, еслибы количество таковой уменьшить на цѣлую четверть и платить 10 руб. мастеровому и 7 руб. чернорабочему въ мѣсяцъ, стоило бы правительству 19.459 руб., т. е. на 11.366 руб. болѣе. Вслѣдствіе этого, служительская команда корпуса осталась въ немъ до переимѣнованія его въ военную гимназію.

Свершившаяся 26-го августа 1856-го года коронація, была отпразднована въ корпусѣ съ особенною торжественностію. Поручикъ Сенкевичъ, при помощи старшихъ воспитанниковъ, устроилъ блистательную иллюминацію и фейерверкъ. Это привлекло изъ окрестныхъ деревень большое стеченіе народа,

который сплошными массами покрывалъ громадный плацъ, любясь украшеннымъ зданіемъ корпуса. Его садъ, освѣщенный множествомъ разноцвѣтныхъ фонарей и шваликовъ, представлялъ эффектное и не виданное въ деревняхъ зрѣлище. Для надзора за порядкомъ, по приказанію директора, были назначены, въ помощь офицерамъ, фельдфебеля и кадеты старшаго класса *).

Вообще должно сказать, что у барона Корфа была манера обращаться къ офицерамъ и кадетамъ тамъ, гдѣ требовалась начальническая самостоятельность. Такъ на примѣръ онъ требовалъ, чтобы каждый ротный командиръ представлялъ ему свои мнѣнія о замѣченныхъ недостаткахъ и неудобствахъ корпуса, о необходимыхъ улучшеніяхъ въ одеждѣ и содержаніи, о направленіи воспитанія, точно какъ будто первое не было ему извѣстно, а остальное зависело отъ ротныхъ командировъ, а не отъ высшаго начальства. Казалось бы, что все это ясно опредѣлено законоположеніями, получало указанія свыше и стоило только неослаблять надзора и того порядка, который былъ введенъ въ корпусъ, такими директорами какъ Бородинъ и Главацкій, чтобы для поддержанія порядка не было надобности обращаться къ содѣйствию кадетъ. Но барону Корфу пришлось самому убѣдиться, что вмѣшательство кадетъ въ надзоръ надъ тѣмъ, что до нихъ не касается и облеченіе ихъ какою то властью, ведетъ скорѣе къ упадку, чѣмъ къ поддержанію порядка. Молодежь видѣла въ этомъ безсиліе власти управляющей ею, вообразила что ея содѣйствіе необходимо и что ей не приказываютъ, а напротивъ, — просятъ ея помощи. Подобная метода и привела въ тому, что въ слѣдующемъ году, тотъ же самый баронъ Корфъ, былъ вынужденъ назначать, на время обыкновенныхъ вадетскихъ прогулокъ на плацу, кромѣ дежурныхъ по ротамъ офицеровъ,

*) Приказъ по корпусу 25 августа 1856 г. № 240.

еще по одному офицеру на каждый фась плаца, собственно для наблюденія за воспитанниками *).

31-го января 1858 года баронъ Корфъ внезапно скончался отъ апоплексическаго удара. Въмѣсто него назначенъ былъ директоромъ Новгородскаго корпуса, генераль-маіоръ, баронъ Александръ Александровичъ Иксуль фонъ-Гильденбантъ. Окончивъ образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, онъ вступилъ въ службу унтеръ-офицеромъ въ 1818 году, дѣлалъ компанію 1828—29 годовъ, потомъ командовалъ полкомъ, бригадою и былъ помощникомъ начальника резервной дивизіи 2-го армейскаго корпуса.

Во время директорства барона Иксуля, 15-го марта 1859 года, праздновался двадцати-пятилѣтній юбилей, со дня открытія корпуса. Пишущему настоящій очеркъ, благодаря вниманію директора, какъ бывшему питомцу корпуса, видѣвшему его открытіе, довелось быть свидѣтелемъ празднованія и 25 лѣтняго юбилея. Оно было полу-официальное, но все-таки къ этому дню прибылъ изъ Петербурга, помощникъ начальника главнаго штаба по военно-учебнымъ заведеніямъ, генераль Путьята. Въ его присутствіи было совершено молебствіе и церковный парадъ, затѣмъ всѣ собрались въ столовомъ залѣ, гдѣ былъ прочтенъ краткій отчетъ о состояніи заведенія, а за тѣмъ всѣмъ служащимъ и присутствовавшимъ, по русскому обычаю, былъ предложенъ отъ корпуса роскошный завтракъ. Но никакая бѣлая торжественность не могла бы замѣнить тѣхъ ощущеній, которыя испытывались при видѣ мѣстъ гдѣ прошли лучшіе дѣтскіе годы и особенно,—тѣхъ лицъ, которыя были не только виновниками образованія, но тѣхъ правилъ и направленія, которыя сохранились въ теченіи 25-ти лѣтъ и которыя, вмѣстѣ съ вѣчною благодарностію къ этимъ лицамъ, служатъ путеводною стезею полувѣковой службы. Изъ офицеровъ моего

*) Приказъ по корпусу 1-го марта 1857 г. № 60.

времени, я нашелъ въ корпусѣ только П. И. Бутакова, Н. Е. Стогова и П. И. Макшеева, но за то въ числѣ корпусныхъ офицеровъ находились уже бывшіе мои товарищи: поручики Нѣловъ и Тяжеловъ, подпоручики Веревкинъ, Харламовъ, Грековъ и Одинцовъ. Изъ учителей бывшихъ при открытіи корпуса, я засталъ на юбилѣе: Д. Н. Орнатскаго, К. А. Юргенса и А. Н. Нюккера. Кромѣ этихъ патріарховъ корпуса, въ немъ еще оставались отъ моего времени учителя: Н. Д. Бартеневъ, Шелковниковъ, Мердаловъ, Гудима, Каширинъ и діаконъ Сперанскій.

Къ общему сожалѣнію, священникъ Малиновскій не дожиль двухъ лѣтъ до юбилея; онъ скончался 27-го октября 1857 года. Это была незамѣнимая для корпуса потеря. Въ теченіи 23-хъ лѣтъ, отецъ Алексѣй, при 4-хъ директорахъ и 6-ти инспекторахъ, велъ религіозное направленіе кадетъ и велъ его такъ, что ни различіе взглядовъ на религію преподавателей другихъ предметовъ, ни вліяніе духа времени, не только не колебали въ Новгородскихъ кадетахъ религіозныхъ чувствъ, но и по выходѣ изъ корпуса, при различныхъ превратностяхъ жизни, ученики Малиновскаго оставались вѣрны данному имъ направленію. Эту личность чтили всѣ, отъ директора до послѣдняго служителя и всякій изъ бывшихъ кадетъ Новгородскаго корпуса, всегда вспоминаетъ о немъ съ высочимъ уваженіемъ и благодарностію. При погребеніи отца Алексѣя кадеты плакали; служившій съ усопшимъ 23 года, діаконъ Сперанскій говорилъ надгробное слово, которымъ разстрогалъ до слезъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Встрѣча моя съ Орнатскимъ и Нюккеромъ и проведенный съ ними вечеръ, заставили вспомнить многое и отрадное и грустное, поглощенное потомъ служебными и житейскими заботами *).

*) Укажу при этомъ на фактъ, вполне характеризующій отношенія къ кадетамъ учителей моего времени и доказывающій ихъ сердечность.

На долю директорства барона Искуля, кромѣ 25-ти лѣтняго юбилея, выпало и другое замѣчательное событіе. При немъ осуществились давнишнія мечты и желанія перваго директора, именно производство кадетъ прямо изъ корпуса, не отправляя ихъ для окончанія курса въ Петербургъ, въ чужое заведеніе. Ровно 25 лѣтъ прошло, прежде чѣмъ пришли къ убѣжденію, что для нравственной силы товарищества необходимо, чтобы кадетъ гдѣ началъ, тамъ бы и кончилъ свое образованіе. Первый подобный выпускъ состоялъ изъ 34-хъ чело- вѣкъ, произведенныхъ въ офицеры 15-го іюня 1859 года. Изъ числа 34-хъ вышло: подпоручиками въ гренадерскіе полки и въ стрѣлковые баталіоны 4; прапорщиками: въ артиллерію 13,—въ саперы 1, въ пѣхотные полки и стрѣлковые бата- ліоны 5, въ кавалерію 3, въ линейный баталіонъ 1 и во внутреннюю стражу 7.

Какъ въ этомъ таѣ и въ послѣдующіе годы, выпускъ дѣлались по окончаніи годичныхъ экзаменовъ. Предназначен- ныхъ къ производству, передъ выступленіемъ въ лагерь, от- дѣляли въ особое помѣщеніе, въ которомъ они оставались, въ веденіи особаго офицера, до отправленія по назначенію. Обмундированіе выпускныхъ поручалось завѣдующему корпус- ною швальней, который въ началѣ лѣта нарочно ѣздилъ въ Петербургъ и тамъ, выждавъ утвержденіе представленія кор- пуса въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, закупалъ для вы-

Передъ чтеніемъ отчета, я разговаривалъ въ столовой съ К. А. Юргенсомъ. Въ это время взомель Нюккеръ (вѣроятно знавшій о моемъ пріѣздѣ). «Интересно узнать ли онъ меня?»—спросилъ я Карла Андреевича. Услыша мои слова, Нюккеръ, протягивая мнѣ руку, говоритъ: «Не только узнаеть, но вотъ какъ помнитъ» и съ этими словами вынулъ изъ бумажнаго записку, писанную мною 22 года назадъ, въ которой я слезно умолялъ его (по нѣ- мецки) перемѣнить послѣднюю отмѣтку, безъ чего меня не увольняли въ отпускъ на святки. Обходя затѣмъ другихъ учителей, я нашель у каждаго цѣлыя кнш фотографій бывшихъ кадетъ. Про каждаго изъ нихъ, учитель могъ сказать: какъ онъ учился, какого былъ характера, направленія и способностей.

пусьныхъ офицерскія вещи, сукна и другіе необходимыя матеріалы.

По полученіи Высочайшаго приказа о производствѣ, назначалась присяга и одновременно съ нею производилась раздача наградъ и похвальныхъ листовъ тѣмъ кадетамъ, которые оказывались лучшими по годовому экзамену. Въ день присяги назначался церковный парадъ со знаменемъ, при которомъ она и происходила. По выходѣ изъ церкви, роты проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо директора, затѣмъ баталіонъ выстраивался развернутымъ фронтомъ, противъ середины котораго ставили покрытый краснымъ сукномъ столъ съ подарками. Инспекторъ классъ поименно вызывалъ награжденныхъ, а директоръ, окруженный выпускными, вручалъ имъ подарки или похвальные листы. Раздача заканчивалась пѣніемъ народнаго гимна, затѣмъ кадетъ распускали по ротно, а потомъ, въ назначенный часъ, вели въ столовый залъ, гдѣ одновременно съ ними обѣдали и вновь произведенные, для которыхъ подавался нѣсколько улучшенный кадетскій обѣдъ.

Этимъ прощальнымъ обѣдомъ, заканчивались официальные проводы произведенныхъ. На другой день, получивъ предписанія и прогоны, каждый отправлялся или къ мѣсту служенія, или въ разрѣшенный отпускъ. Прощанье товарищей, прожившихъ 6 и болѣе лѣтъ въ одномъ заведеніи, было обыкновенно столь искренно, что нельзя было имѣть и тѣни сомнѣнія въ томъ, что духъ товарищества и дружбы, крѣпко держался въ ихъ средѣ. Передъ отъѣздомъ каждому выдавались: а) портреты Государа Императора Александра Николаевича и Императора Николая I. б) Карманная справочная книжка для русскихъ офицеровъ; в) привезы: главнаго начальника отъ 7-го ноября 1849 года, по отдѣльному гвардейскому корпусу отъ 12-го февраля 1842 года; военнаго министра отъ 22-го февраля 1842 года и приказаніе по военноучебнымъ заведеніямъ отъ 7 и 18-го января того же года; г) брошюру объ исправительныхъ наказаніяхъ нижнихъ чи-

новъ *). Въ такомъ порядкѣ, съ 1859 по 1864 годъ, произведено было 5 выпусковъ. Въ эти 5 лѣтъ выпущено прямо изъ корпуса ровно 150 офицеровъ.

Конецъ пятидесятихъ и начало 60-ти годовъ, мы назовемъ переходнымъ положеніемъ. Оно было очень не легко для директоровъ корпуса. Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, послѣ 27 лѣтъ неуспѣшной, руководящей дѣятельности, видимо усталъ и кромѣ того былъ отвлеченъ отъ военно-учебныхъ заведеній дѣлами особой государственной важности. Онъ уже не могъ ни слѣдить съ прежнею настойчивостью за происходящимъ въ нихъ, ни руководить стоящихъ во главѣ заведеній. Между тѣмъ именно теперь то и наступало время, когда корпусъ нуждался въ самомъ внимательномъ наблюденіи. Быстро слѣдовавшія одна за другою перемѣны и преобразованія, отмѣна многого что считалось стѣснительнымъ и замѣна его болѣе легкимъ и свободнымъ, измѣненіе правилъ отданія чести, облегченіе строевыхъ требованій и дисциплинарныхъ взысканій,—все это дурно понятое, породило въ молодежи описываемаго времени мнѣнія, что всѣ прежнія требованія уже излишни и не нужны, а потому можно нарушать ихъ безнаказанно. По всему чувствовалось, что приближается что то новое, что готовятся коренныя преобразованія. Ожидая ихъ, начальство сдѣлалось равнодушнѣе къ нарушеніямъ и на многое смотрѣло сквозь пальцы, думая что съ утвержденіемъ новой системы, все само собою войдетъ въ порядокъ. Отъ этого и у воспитателей и воспитываемыхъ явились сомнѣнія какъ дѣйствовать, что можно и чего нельзя, что требовать и чего не требовать. Такимъ образомъ прежнее разстроивалось, а ожидаемое и затѣмъ совершившееся, не могло сразу устроиться и утвердиться.

При подобномъ положеніи, 6-го февраля 1860 года, Великій

*) Отношеніе корпуса, отъ 2-го августа 1859 г. № 760.

внѣзь Михаилъ Николаевичъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. Черезъ двѣ недѣли Государь Императоръ вмѣстѣ съ Его Высочествомъ пожаловалъ въ корпусъ. Это было 23 и 24-го февраля. Отданный въ этотъ же день приказъ, указываетъ, что все было найдено въ должномъ порядкѣ.

Просмотръ приказовъ директоровъ, за описываемый періодъ, указываетъ, что хотя въ корпусѣ и не происходило ничего на столько предосудительнаго, чтобы потребовало исключительныхъ мѣръ, но изъ проступковъ разсматриваемыхъ въ воспитательномъ комитетѣ уже было замѣтно то настроеніе молодежи, которое въ началѣ шестидесятыхъ годовъ порождало почти повсемѣстное нарушеніе подчиненности и порядка *).

Да не подумаютъ читатели, что подобное направленіе принадлежало исключительно Новгородскому корпусу. Это было то, что называютъ духомъ времени. Корпусъ тутъ не причемъ; на немъ только отразилась то, что какъ дуновѣніе вѣтра пронеслось повсюду. Новыя идеи, новыя взгляды и стремленія не могли не проникнуть за стѣны корпуса. Найдя въ этихъ идеяхъ много увлекательнаго, юные умы воспринимали ихъ съ довѣріемъ, но они не могли сознательно отдѣлить хорошаго отъ дурнаго, полезнаго отъ вреднаго и тѣмъ болѣе не могли предвидѣть къ чему приведетъ зарождавшееся въ нихъ броженіе. Конечно лица стоявшія во главѣ заведенія могли бы дать ему отпоръ, но обстоятельства сложились такъ, что въ это самое время, въ корпусѣ происходила частая перемѣна директоровъ, что въ число учителей попадали люди новыхъ убѣжденій и крайнихъ взглядовъ, что въ составъ офицеровъ безразборно поступали молодые люди, сами еще не утвердившіеся и неимѣвшія призванія въ дѣлу воспитанія. Офицеры

*) Приказы по корпусу 1860 и 1861 годовъ, №№ 251, 40, 63, 163.

и преподаватели появлялись и исчезали непрерывно. Желавших убедиться въ этомъ отсылаемъ въ списку служившихъ въ корпусъ, помѣщенному въ 10 приложеніи этой книги. Изъ него видно, что въ директорство генераловъ Корфа, Иксуля и Меца, въ теченіи 7-ми лѣтъ, поступило въ корпусъ: 40 офицеровъ и 20 преподавателей, а удалилось изъ него 48 офицеровъ и 18 преподавателей. Рѣдкіе изъ нихъ оставались при своихъ обязанностяхъ болѣе двухъ лѣтъ, но многіе уходили въ томъ же году, въ которомъ поступали.

Переходное время, бросивъ тѣнь на прошлое, породило нарѣзаніе на корпусную систему, но справедливо ли это? Мы видѣли Новгородскій графа Аравчеева кадетскій корпусъ, перваго 25-ти лѣтія его существованія, и можемъ сказать, что не оно и не лица стоявшіе во главѣ нравственнаго и умственнаго образованія кадетъ этого періода, были виновниками тѣхъ недостатковъ, которые стали зарождаться съ 1856-го года и такъ быстро развилась въ шестидесятымъ годамъ. Не развиться имъ было невозможно. Въ то время когда всѣ почувствовали въ себѣ призваніе къ новой жизни, одни корпуса не могли удержать свой прежній тонъ. Они должны были примѣняться и согласоваться съ духомъ новыхъ вѣяній и новыхъ требованій. Для подобной перемѣны и для того чтобы она совершилась безъ борьбы, нужна была извѣстная гибкость, смѣтливость и тактъ ближайшихъ къ кадету воспитателей, а между тѣмъ они то и не умѣли приснаровиться во времени; имъ это казалось не ловкимъ и какъ бы унижительнымъ, что отчасти и справедливо. Не будучи въ силахъ отстоять старое и не вполне понимая новое, одни отстранились отъ надзора, другіе же пробовали противодѣйствовать и чрезъ это столкновенія сдѣлались неизбежными.

Вникая въ явленія того времени, не слѣдуетъ слишкомъ винить ни воспитывавшихъ ни воспитуемыхъ. Кто не былъ тогда либераломъ; кто непокровительствовалъ отступленіямъ отъ бывшей твердой системы? Когда начальство корпуса было однажды

собрано въ комитетъ для обсужденія причинъ нѣкоторыхъ грустныхъ явленій, то на вопросъ генерала Анненкова указать эти причины, умный Д. Н. Орнатскій отвѣтилъ: «Указать ихъ трудно,—онѣ въ воздухѣ».

Покойный Государь Императоръ, разсматривая общій отчетъ за 1859 годъ, положилъ на немъ слѣдующую резолюцію: «желалъ бы, чтобы отмѣтки гг. инспекторовъ соотвѣтствовали дѣйствительному состоянію заведеній и не могу не замѣтить, что бывшіе безпорядки (названы два заведенія внутри Россіи) не могли бы возникать, еслибы было постоянное и строгое наблюденіе ближайшаго начальства». Упоминаемъ о всемъ этомъ въ защиту корпуса отъ нареканій и въ опроверженіе того мнѣнія, что онъ требовалъ упраздненія. Онъ требовалъ только отстраненія того, что взошло въ него въ переходное время и измѣнило прежнее его стройное развитіе. Впрочемъ это вопросъ общій, котораго необходимо было коснуться только ради объясненія той перемѣны, которая начала обнаруживаться въ концѣ 50-тыхъ годовъ.

Въ іюлѣ 1860 года баронъ Иксуль, пробывъ директоромъ всего 2¹/₂ года, перешелъ на ту же должность, въ полтавскій кадетскій корпусъ. вмѣсто него директоромъ Новгородскаго корпуса былъ назначенъ генераль-маіоръ Федоръ Федоровичъ Мецъ. Перемѣна эта произошла въ самое трудное время. Изъ выше сказаннаго видно, что положеніе корпуса, въ нравственно-воспитательномъ смыслѣ, требовало, для управленія заведеніемъ человѣка съ свѣжими силами, съ энергіею, съ твердымъ самостоятельнымъ характеромъ. вмѣсто этого новымъ директоромъ является 65-ти лѣтній старикъ, крайнѣ добрый, но совершенно безхарактерный и слабый. Хотя Мецъ всю сороколѣтнюю службу свою, за исключеніемъ 5-ти лѣтъ, провелъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и былъ директоромъ александровскаго малолѣтняго корпуса, гдѣ весь воспитательный составъ состоялъ изъ дамъ,—про его управленіе можно сказать только то, что онъ любилъ кадетъ, но не имѣлъ ни умѣнья, ни силы воли,

для того чтобы сдерживать порывы молодости, чтобы заставить повиноваться, подчиняться порядку, чтобы направлять дѣйствія воспитателей, или сдерживать напоръ на молодые умы того вреда, который вливался вслѣдствіе допущенной излишней свободы и распущенности. Все это было новому директору не по силамъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго, укажемъ на приказы генерала Меца, представляющіе нѣчто оригинальное, непохожее ни на приказанія начальника, ни на совѣты товарища.

По поводу того что кадеты не отдавали чести офицерамъ, директоръ, вмѣсто взысканія съ виновныхъ, пишетъ въ приказѣ:

«Кланяются и по долгу службы и по долгу вѣжливости. Какъ военные, мы должны отдавать честь старшему. Надо дѣлать это вполнѣ, а не какъ нибудь».

По поводу утерянныхъ книгъ и разбитой посуды:

«Книги могутъ мараться, рваться, но теряться не могутъ. Кто недоставитъ денегъ за книги, того посадить за особый столъ, съ уменьшеннымъ блюдомъ, покуда цѣнность блюда (въ 7 коп.) не покроетъ цѣнность книги».

По поводу замѣчанія инспектировавшаго:

«У нѣкоторыхъ кадетъ были длинные волосы. Обвиняю себя первымъ въ этомъ упущеніи», и т. д.

Такимъ образомъ, въ то время когда именно то и нужна была настойчивость и тактъ, начальническая власть ступовывается, приказанія исчезаютъ и вмѣсто нихъ являются какія то разсужденія, совѣты, странныя распоряженія и просьбы. Вся инициатива управленія переходитъ при Мецѣ въ руки каждаго изъ его подчиненныхъ; молодежь видитъ это и начинаетъ сначала испытывать послѣднихъ, а потомъ, ищетъ свободы. Непослѣдовательность требованій, допускъ безнадзорности, лишь бы не было чего либо особенно важнаго, отсутствіе отвѣтственности, повели къ тому, что на многое что прежде считалось безпорядкомъ, кадеты начали смотрѣть какъ

на возможное. Облегченія и послабленія въ одномъ, дали въ ихъ глазахъ другому, что требовалось казъ должно, видъ притѣсненій. Въ это-то именно время явились учителя новаторы. Въ числѣ ихъ былъ напримѣръ, симпатичный и любимый кадетами, Гагель, увлекавшій ихъ своею доровитостью, но впрочемъ не приносившій зла. Нѣкоторые же были положительно вредные, а между тѣмъ о нихъ слышались восторженные отзывы юношей; они умѣли представлять многое не тѣмъ чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Это было время, когда человѣкъ вредящій былъ вообще болѣе любимъ чѣмъ благодѣтель строгій.

Возьмемъ для примѣра хотя то, что директоръ допускаетъ устройство при корпусѣ воскресной школы, для обученія крестьянъ окрестныхъ селеній и нижнихъ чиновъ служительской команды. Хотя онъ и подчиняетъ эту школу наблюденію инспектора, но допускаетъ стать во главѣ обучающихся трехъ молодыхъ преподавателей, отличавшихся на лекціяхъ свободою своихъ взглядовъ и крайностію сужденій, что конечно нравилось молодежи. Мало этого, этимъ преподавателямъ дозволено было избрать, изъ числа желающихъ помогать имъ, нѣсколько кадетъ специальныхъ классовъ. Такихъ явилось болѣе чѣмъ было учениковъ въ школѣ. Неужели для обученія двухъ-трехъ десятковъ солдатъ и крестьянъ азбукѣ и счисленію, нуженъ былъ составъ специалистовъ, занимавшихъ старшіе классы литературы, статистику, законовѣденіемъ?

Результаты учрежденія школы были таковы, что вызвавшіеся помогать учителямъ, стали чаще другихъ подвергаться высканіямъ за неуваженіе къ начальнику и за неповиновеніе и строптивость и черезъ годъ школа была закрыта. Въ 13 приложеніи мы говоримъ о ней подробнѣе.

Въ 1861 году, по распоряженію главнаго начальника, былъ учрежденъ при корпусѣ, подъ предсѣтельствомъ директора, кромѣ воспитательнаго, педагогическій комитетъ: «дабы въ общемъ собраніи преподавателей, обсуждать съ пол-

ною откровенностію, всѣ средства къ лучшему развитію воспитанниковъ въ нравственномъ и научномъ отношеніи». *)

Нѣсколько засѣданій педагогическаго комитета привели начальство къ убѣжденію, о необходимости перейти къ болѣе строгому отношенію къ кадетскимъ проступкамъ. Убѣжденіе явившееся нѣсколько поздно.—Перейти отъ послабленій къ строгости и возвратиться къ прежнимъ взглядамъ и мѣрамъ, было если не невозможно, то крайнѣ трудно. Директорство безхарактернаго Меца и его излишняя доброта и слабость, довели до того, что до штаба главнаго начальника стали доходить недобрые слухи. Тогда, въ ноябрѣ 1861 г., приказано было командировать въ корпусъ генерала Анненкова, для вторичнаго въ этомъ году инспектированія, хотя въ февралѣ того же года корпусъ уже былъ осмотрѣнъ генераль-лейтенантомъ Роговскимъ, доносившимъ, что все обстоитъ благополучно.

Генераль Анненковъ взглянулъ на дѣло иначе. Разсмотрѣвъ журналы воспитательнаго комитета, онъ нашелъ примѣры частыхъ ослушаній, самовольныя и дальняя отлучки. Кромѣ того имъ замѣчено, что фельдфебеля и унтеръ-офицеры не имѣютъ поддержки, а потому тяготеютъ своими обязанностями и потворствуютъ кадетамъ. Съ донесеніемъ о найденныхъ безпорядкахъ былъ отправленъ въ Петербургъ инспекторъ Класовъ, самъ же Анненковъ, три недѣли оставался въ корпусѣ. Благодаря его откровенному докладу, были приняты соотвѣтственныя мѣры, вслѣдствіе которыхъ и особенно, вслѣдствіе назначенія другаго директора, съ 1862 г. начало обнаруживаться, въ нравственномъ направленіи, нѣкоторое улучшение.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что переходное время, имѣло и свою хорошую сторону. Оно значительно смягчило кадетскіе нравы, сгладило загрубѣлость, проявившуюся въ во-

*) Предписаніе директору, отъ 17 января 1861 г.

спитанникахъ въ концѣ перваго двадцати пятилѣтія, составлявшую обычную принадлежность старыхъ заведеній. Если новые взгляды и идеи породили ослабленіе порядка и подчиненности, то съ другой стороны они освѣжили понятія о личномъ достоинствѣ человѣка, развили самолюбіе, облагородили взаимныя отношенія. Онѣ заставили всѣхъ оглянуться на прошлое и такъ сказать поразобратъ самихъ себя. Нельзя не сказать, что было что нѣчто и утѣшительное въ этомъ общемъ сознаніи своихъ недостатковъ, въ горячемъ стремленіи къ усовершенствованію. Но надо было умѣть направить это стрѣмленіе, воспользоваться имъ на благо.

Перемѣна директора произошла невольно. Въ бытность генерала Анненкова въ корпусѣ, генераль Мецъ умеръ. На его мѣсто былъ назначенъ инспекторъ 1-го московскаго кадетскаго корпуса полковникъ Апполонъ Алексѣевичъ Кузьминъ. Онъ былъ выпущенъ изъ артиллерійскаго училища въ 1825 году, дѣлалъ компанію 1828—29 и 1831-го годовъ; съ 1837 по 1847 годъ служилъ во 2 кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ былъ инспекторомъ въ 1 московскомъ.

На полковника Кузьмина выпала не легкая задача ввести въ должную колею и скрѣпить все то, что такъ видимо распаталось при Корфѣ и Мецѣ,—задача тѣмъ болѣе трудная, что его директорство совпало съ тѣмъ временемъ, когда военно-учебныя заведенія перешли въ непосредственное веденіе военнаго министра и кадетскіе корпуса были обречены на коренное преобразование. Приглядѣвшись къ происходившему въ корпусѣ, новый директоръ увидѣлъ, что кадеты во многомъ не виноваты, что они тѣже что и въ другихъ корпусахъ, съ тѣми же слабостями и свойствами, и что надо начать перемѣны сверху. Онъ и началъ съ того, что перемѣнилъ баталіоннаго командира, а перваго офицера, попробовавшаго обидиться сдѣланному за безпорядокъ выговору и подавшаго въ неприличной формѣ рапортъ, удалилъ изъ корпуса. Затѣмъ началась переборка прочихъ офицеровъ и учителей. Изъ первыхъ, въ теченіи

перваго года, четверо возвращены въ прежнія мѣста служенія, 1 уволенъ въ отставку и 1 переведенъ въ другое заведеніе. Изъ учителей 6-ти преподавателямъ и 4-мъ репетиторамъ предложено было оставить корпусъ.

Что подобныя рѣшительныя мѣры были необходимы, признано было самимъ главнымъ начальникомъ. Въ одномъ изъ его приказовъ было сказано:

«Усматривая изъ журналовъ воспитательныхъ комитетовъ, что большая часть проступковъ воспитанниковъ заключается въ несоблюденіи порядка, законами установленнаго и въ особенности въ ослушаніи и не позволительныхъ дѣйствіяхъ противъ воспитателей, я неоднократно обращалъ на это вниманіе г.г. начальниковъ заведеній. Между тѣмъ, при посѣщеніи заведеній, къ сожалѣнію, мною замѣчено, что воспитанники не только не понимаютъ отношеній къ старшимъ и не знаютъ правилъ вѣжливости, которыя составляютъ необходимыя условія каждаго благовоспитаннаго юноши, но держатъ себя неприлично, даже въ присутствіи высшаго начальства.

Заключая изъ этого, что г.г. воспитатели, вопреки прямой ихъ обязанности, не внушаютъ этихъ правилъ воспитанникамъ и не обращаютъ на нихъ въ этомъ случаѣ вниманія, предписываю г.г. начальникамъ заведеній имѣть неослабное наблюденіе за точнымъ выполненіемъ ихъ подчиненными своихъ обязанностей и надѣюсь, что я не буду поставленъ въ необходимость дѣлать впередъ подобныя замѣчанія; въ противномъ же случаѣ, всякое отступленіе отъ порядка службы, вынудитъ меня подвергнуть виновнаго строгому взысканію». *)

Все сказанное о нарушеніи, въ описываемый періодъ, кадетами порядка и о нерѣшительности дѣйствій ихъ ближайшихъ начальниковъ, еще разъ повторяемъ, не было исключительною принадлежностью Новгородскаго графа Аракчеева

*) Приказъ по Воен. уч. зав. 10 мая 1862 г. № 2974.

кадетскаго корпуса. Въ Цолтавъ, въ Москвѣ, въ Брестѣ были происшествія болѣе выдающіяся.

Мы не могли умолчать о переходномъ положеніи корпуса потому, что подобное молчаніе было бы нарушеніемъ исторической правдивости. Сказанное же нами нисколько не умаляетъ полувѣковыхъ заслугъ корпуса, давшаго Россіи 1600 офицеровъ, съ честью отдающихъ ей свои силы.

8-го сентабря 1862 года предстояло открытіе памятника тысячелѣтія Россіи. Въ этому дню прибыли въ Новгородъ вся Императорская фамилія и особый сводный отрядъ, изъ первыхъ ротъ и эскадроновъ гвардейскихъ полковъ. Баталіону Новгородскаго корпуса приказано было принять участіе въ торжествѣ. Для этого три строевыя роты, 4-го сентабря, были отправлены на подводахъ въ Новгородъ. Какъ ротные командиры, такъ и субалтернъ офицеры ѣхали вмѣстѣ съ кадетами; ружья же и аммуницію везли на отдѣльныхъ повозкахъ. Подѣхавъ къ никольской слободѣ, составляющей предмѣстье Новгорода, подводы остановились, кадетамъ приказано было разобратъ ружья и, переодѣвшись въ мундиры, построиться развернутымъ фронтомъ вдоль шоссе. Зайдя по отдѣленіямъ, баталіонъ вступилъ въ слободу. Передъ заставою онъ былъ встрѣченъ своимъ главнымъ начальникомъ Великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Его Высочество, слѣдуя во главѣ баталіона, провель его черезъ весь городъ, до гарнизонныхъ казармъ, гдѣ было приготовлено помѣщеніе для кадетъ; офицеры же размѣщены частію въ казарменныхъ пристройкахъ, частію по квартирамъ въ городѣ. Въ оставшіеся до открытія памятника дни, кадеты два раза участвовали въ общихъ репетиціяхъ, съ другими войсками.

Въ день открытія монумента, кадетскій баталіонъ былъ поставленъ на правомъ флангѣ 1 линіи и послѣ молебствія проходилъ церемоніальнымъ маршемъ, по ротнo и сомкнутою колонною, мимо Государя Императора, причемъ получилъ похвалы Его Величества. На слѣдующій день Великій князь,

прибывъ въ казармы, приказалъ вывести баталіонъ на плацъ, въ шинеляхъ, безъ ружей. Произведя кадетамъ разсыпной строй, Его Высочество вызвалъ впередъ офицеровъ и дѣлалъ имъ строгій выговоръ за слабое наблюденіе за кадетами во время лагеря. Это было вызвано тѣмъ, что передъ выступленіемъ въ Новгородъ, воспитанники, заподозрѣвъ одного изъ ваптенармусовъ въ тайныхъ на нихъ доносахъ, поколотили его.

Хотя изъ отчетовъ объ инспектированіи корпуса въ 1863 и 64 годахъ и видно, что удаленіе изъ него нѣсколькихъ не соотвѣтствовавшихъ своему назначенію офицеровъ и учителей и выпускъ 20-ти и вслѣдъ затѣмъ еще 16-ти человѣкъ во внутреннюю стражу, вмѣстѣ съ назначеніемъ въ теченіи трехъ лѣтъ 46 человѣкъ на службу нижними чинами, повліяли на улучшеніе нравственности, но судя безпристрастно слѣдуетъ сказать, что улучшеніе шло довольно медленно. Быть можетъ говоря такимъ образомъ, мы смотримъ на проступки глазами кадета стараго времени, когда рѣзкіе отвѣты офицеру, отлучка за стѣны корпуса, возраженія изъ строя, или отказъ исполнить приказаніе, считались криминалами и были рѣдкостью. Если въ первое 25-ти лѣтіе корпуса одинъ изъ подобныхъ проступковъ случался одинъ, много два раза въ годъ, то это было такимъ происшествіемъ, о которомъ кадеты того времени вспоминали, со всѣми его послѣдствіями, очень долго. Начиная съ 1857-го года они перечисляются въ приказахъ 5—6 разъ въ мѣсяць, къ нимъ какъ будто привыкають, и за нихъ ограничиваются убавленіемъ одного или двухъ балловъ за поведеніе, или арестомъ дня на три и только въ крайнемъ случаѣ снятіемъ погоновъ.

Минувшіе семь лѣтъ всевозможныхъ льготъ въ обстановкѣ внутренней кадетской жизни, дали, какъ мы видѣли, не утѣшительные результаты. Это заставило высшее начальство обратиться въ мѣрамъ, которыя сдержали бы послѣдствія этихъ льготъ; такъ напримѣръ было предписано: 1) Кадетъ,

не достигшихъ 16-ти лѣтъ, за дурное поведеніе возвращать въ родителямъ, а круглыхъ сиротъ до 16-ти лѣтъ оставлять въ заведеніи, а затѣмъ выписывать на службу нижними чинами или канцеляристами. 2) Воспретить въ корпусѣ публичныя литературныя вечера и въпускъ въ садъ постороннихъ лицъ. 3) Усилить во время лагеря занятія фронтомъ и гимнастикою и кромѣ того два часа въ день занимать чтеніемъ, подъ надзоромъ офицеровъ, и полтора часа употреблять ежедневно на повтореніе математики *). Эти мѣры, какъ удерживавшія отъ праздности, не замедлили дать хорошіе результаты. По окончаніе лагеря 1864-го года, директоръ корпуса объявилъ въ приказѣ, что въ теченіе всего лѣта, не было никакихъ выдающихся проступковъ и отступленій отъ военной дисциплины **). Не ясно ли это указываетъ, что стоило только принять мѣры противъ послабленій и постороннихъ вліяній, стоило удалить нѣкоторыхъ лицъ съ соблазнительнымъ на кадетъ вліяніемъ, и многое уже поправилось.

Произведенный въ генераль-маіоры, директоръ Кузьминъ, видимо старался улучшить многое и отчасти достигъ этого. Можетъ быть ему помогло то, что съ 1863-го года, когда были упразднены оба спеціальныя класса, значительно уменьшился составъ кадетъ старшаго возраста, съ которыми труднѣе было справиться чѣмъ съ воспитанниками общихъ классовъ.

Оставшуюся отъ упраздненія спеціальнаго курса сумму, въ количествѣ 3300 руб., директоръ просилъ разрѣшенія употребить на усиленіе жалованья учителямъ, которымъ корпусъ платилъ 19300 руб. въ годъ, а по штату полагалось всего 14010 руб. Передержка происходила отъ того, что почти всѣмъ учителямъ производилось жалованье по условію, гораздо больше чѣмъ въ другихъ корпусахъ, безъ чего невозможно было найти преподавателей.

*) Приказъ по корпусу отъ 18 іюня 1864 года № 170.

***) Тоже № 244.

Взамѣнъ убыли происшедшей отъ перевода всѣхъ бывшихъ въ 1-мъ специальномъ классѣ кадетъ въ павловское военное училище *), въ маѣ мѣсяцѣ 1863-го года, были переведены въ корпусъ 113 воспитанниковъ расформированнаго Брестскаго корпуса, изъ числа которыхъ немедленно были назначены: 4 фельдфебеля и 15 унтеръ-офицеровъ. Переведенные составили почти треть всего состава кадетъ. Большинство изъ нихъ были мальчики старшихъ классовъ, отличавшіеся выдержанностію, ловкостью, наружною вѣжливостію; почти всѣ безъ исключенія танцоры, мазуристы, но съ польскими отѣнками въ характерѣ и направленіи. По числу, по возрасту и по наружнымъ достоинствамъ, они не могли затеряться, не могли не вліять на другихъ. Черезъ нихъ многое улучшилось, что утѣшало начальство: ослабѣло нарушеніе порядка, случаи неповиновенія стали рѣже, наружное послушаніе возросло, но кое что неявное и ухудшилось. Появилась скрытая хитрость, начала распространятся лесть, излишняя угодливость, ослабѣлъ духъ товарищества, появилась зависть и желанія тайкомъ повредить пріятелю, чего до того времени не замѣчалось **).

Спустя два года по учрежденіи военныхъ училищъ, главное управленіе по военно-учебнымъ заведеніямъ пожелало имѣть статистическіе свѣденія о проступкахъ бывшихъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, по каждому корпусу отдѣльно. Константиновское училище донесло, что наибольшее число взмыканій, въ теченіи года падало на поступившихъ изъ 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ; Новгородскіе и Ки-

*) Отправленіе 32 кадетъ 1-го специального класса въ павловское военное училище происходило такъ: для сопровожденія ихъ были назначены—офицеръ, медикъ и пять служителей. До Новгорода они были перевезены на подводахъ, а оттуда до Волховской станицы Николаевской желѣзной дороги на пароходѣ и затѣмъ въ вагонахъ. На это корпусомъ было издержано 411 руб. *Донесеніе директора отъ 13 іюня 1863 года № 912.*

**) Со словъ бывшихъ кадетъ 1863—65 годовъ.

евскіе кадеты вели себя хорошо, но наименьшій процентъ възысканій падалъ на Орловскихъ и Полоцкихъ. Павловское училище сообщило, что изъ числа 33 поступившихъ изъ Новгородскаго корпуса, въ теченіи года подверглось възысканію только 4⁰/₀.

Годовой экзамень 1864-го года показалъ, что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ поступковъ, сравнительно съ предшествовавшими годами, улучшились и успѣхи въ наукахъ. Хотя инспектировавшій въ этомъ году корпусъ генераль Роговскій, въ своемъ отчетѣ указалъ на слабые успѣхи двухъ классовъ и на необходимость обратить вниманіе на религіозное воспитаніе, но противъ того и другаго, директоръ корпуса представилъ вполнѣ основательное возраженіе *). Мы приводимъ ихъ въ доказательство того, что и до преобразованія корпуса въ гимназію, въ немъ уже существовали вполнѣ разумные и полезные педагогическіе приемы. Генераль-маіоръ Кузьминъ, на вопросъ главнаго управленія о слабыхъ успѣхахъ въ младшихъ классахъ, доносилъ:

«Что успѣхи во 2-мъ классѣ общаго курса, въ которомъ собственно начинается систематическое изученіе предметовъ, естественно должно быть слабѣе, чѣмъ въ классахъ старшаго возраста, гдѣ кадеты уже болѣе освоились съ научными приемами, привыкли къ самостоятельному труду и сознательнѣе понимаютъ пользу ученія. Для младшаго же возраста самое трудное—это научиться тому, какъ должно учиться. Очевидно что указать мальчику способъ извлекать изъ учебника сущность содержанія, должны учителя и репетиторы.

*) Въ отчетахъ генерала Роговскаго не рѣдко являлись довольно странныя предположенія: то онъ доносилъ что уединенное положеніе корпуса, препятствовало кадетамъ пользоваться отпусками, потому что зимой морозы, а лѣтомъ жары; то онъ писалъ, что для кадетъ Новгородскаго корпуса нѣтъ никакой надобности въ лагерныхъ занятіяхъ; потому что у нихъ есть огромный манежъ.

«Съ этою цѣлью принимаются всѣ возможные мѣры; доступныя средствамъ заведенія, а именно:

1) преподаватели, объяснивъ урокъ, заставляють одного изъ воспитанниковъ, тутъ же прочесть его въ слухъ по руководству, разъясняютъ непонятныя мѣста и затѣмъ заставляютъ устно изложить содержание заданнаго урока.

2) при особенно трудныхъ урокахъ, преподаватели, посѣщая роты младшаго и средняго возрастовъ, показываютъ воспитанникамъ какъ учить заданное, въ чемъ содѣйствуютъ имъ ротные командиры и нѣкоторые изъ воспитателей.

3) въ ротахъ меньшаго возраста известное число кадетъ поручается наблюденію воспитанниковъ старшаго возраста, которые помогаютъ слабымъ готовить уроки.

4) для большаго контроля въ приготовленіи уроковъ, преимущественно же для возбужденія учащихся къ самостоятельному труду и для приученія ихъ къ письменному изложенію мыслей, преподаватели священной исторіи, исторіи политической и географіи, обязаны, по временамъ, заставлять воспитанниковъ письменно излагать свои отвѣты на классной доскѣ или въ тетрадяхъ. Такой приемъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что кадетъ уже не можетъ рассчитывать на помощь учителя и поэтому долженъ лучше приготовить урокъ.

«Сверхъ этихъ мѣръ, общее со стороны инспектора классовъ бдительное наблюденіе за успѣхами, возбужденіе воспитанниковъ къ труду и наблюденіе за ними ротныхъ командировъ, постепенно искореняють незаботливость къ занятіямъ; но довести всю массу кадетъ до того, чтобы въ ней не было нерадивыхъ, едвали возможно. Для возбужденія соревнованія между воспитанниками, употребляются всѣ средства, допускаемыя педагогіею, т. е. награды, похвалы и различныя поощрительныя и исправительныя мѣры. Съ этою цѣлью два раза въ годъ посылаются къ родителямъ билеты, на которыхъ отмѣчаются успѣхи и поведеніе каждаго кадета. Но и при всѣхъ этихъ мѣрахъ, успѣхи младшаго возраста всегда будутъ

менѣ чѣмъ возраста зрѣлаго, потому что вновь поступающіе не легко свыкаются съ порядками заведенія и являются въ него съ недостатками, заимствованными изъ той среды, въ которой росли; исправленіе же этихъ недостатковъ требуетъ не малаго времени».

Что же касается до преподаванія закона Божія, то этотъ предметъ, современъ священника Малиновскаго, всегда имѣлъ въ корпусѣ первенствующее значеніе. Въ доказательство того что донесеніе генерала Роговскаго о слабыхъ успѣхахъ въ законѣ Божіемъ не имѣло основанія, приводимъ отзывъ производившаго въ томъ же 1864 году экзаменъ, новгородскаго викарія, преосвященнаго Апполоса, Епископа старорусскаго Онъ писалъ:

«На испытаніи по Закону Божію Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса, замѣчено мною; 1) кадеты согласно программѣ, отвѣчали вполнѣ удовлетворительно, многіе отлично хорошо и, что всего важнѣе, съ чувствомъ благоговѣнія къ истиннамъ св. Вѣры. 2) Изъ отвѣтовъ видно, что преподаватели вѣрны своему призванію; видна заботливость о томъ, чтобы спасительныя истинны, были усвоены не однимъ умомъ а главнымъ образомъ сердцемъ дѣтей, съ живымъ убѣжденіемъ, что религія составляетъ истинную жизнь сердца и души человѣка, а страхъ Божій — начало и основаніе небесной премудрости *).

Кстати замѣтимъ, что кадеты Новгородскаго корпуса, даже и того времени, когда шалости и проступки ихъ отзывались серьезнымъ нарушеніемъ порядка и совпадали съ общимъ направленіемъ молодежи конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ, нельзя было упрекнуть въ анти-религіозности. Въ протоколахъ воспитательныхъ комитетовъ, мы не нашли ни одного проступка указывающаго на это. Напротивъ,

*) Письмо Преосвященнаго Апполоса, Епископа старорусскаго отъ 2 іюня 1864 г.

религіозное направленіе, упрочившееся съ первыхъ лѣтъ существованія корпуса, держалось твердо. Каждая рота имѣла свой ротный образъ и свой отдѣльный праздникъ. Образъ 1-й роты, св. Михаила Архангела, равно какъ и другіе, сооружены кадетами на ихъ собственные средства; вадеты же поручали одному изъ товарищей слѣдить за неугасаемыми у ротныхъ образцовъ лампадами *). Въ храмовой праздникъ корпусной церкви, день св. апостолъ Петра и Павла, также какъ и въ другіе церковные праздники, многіе, не смотря на скудные средства свои, ставили къ образамъ свѣчи, а во время Богослуженій порядокъ и благочиніе можно было назвать примѣрными.

Заключимъ эту главу указаніемъ на то, что кадеты Новгородскаго корпуса, до самыхъ послѣднихъ дней его существованія, сохранили въ себѣ залюби той преданности къ своему Государю, которыя были завѣщаны имъ ихъ предшественниками. Страшное событіе 4-го апрѣля 1866 г. вызвало новый порывъ этой преданности. При первомъ извѣстіи о томъ, что въ память спасенія жизни Государя Императора отъ покушенія злоумышленника, воздвигается часовня, какъ вадеты такъ и всѣ чины корпуса, поспѣшили принять участіе въ ея сооруженіи. По этому поводу, на донесеніе директора о сдѣланномъ пожертвованіи, полученъ былъ отъ помощника главнаго начальника слѣдующій отвѣтъ:

«По всеподданнѣйшему докладу о заявленіи вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ чиновъ и воспитанниковъ ввѣреннаго вамъ заведенія, Государь Императоръ соизволилъ повелѣть: благодарить васъ и всѣхъ ихъ за выраженіе этихъ чувствъ, соизволяя вмѣстѣ съ тѣмъ и на исполненіе желанія упомянутаго въ томъ заявленіи > **).

*) Списокъ участвовавшихъ въ сооруженіи образа 1-й роты, помѣщенъ въ 11-мъ приложеніи.

**) Приказъ по корпусу отъ 26 апрѣля 1866 г. № 116.

Глава XI.

Присканіе мѣста для перемѣщенія корпуса. — Осмотръ зданій въ Новгородѣ. — Зданія въ Старой Руссѣ и въ Твери. — Стананіе этихъ городовъ о переводѣ къ нимъ корпусовъ. — Преобразование въ гимназію. — О переводѣ въ Нижній-Новгородъ. — Отрѣзание корпуснаго имущества. — Прощальный приказъ послѣдняго директора. — Отправленіе кадетъ въ Нижній-Новгородъ.

Сразу по вступленіи полковника Кузьмина въ должность директора, онъ получилъ привязаніе озаботиться присканіемъ мѣста для перемѣщенія корпуса въ Новгородъ, въ Старую-Руссу, или Тверь.

Изъ хода этого дѣла видно, что директору самому хотѣлось какъ можно скорѣе выбраться изъ того уединенія, которымъ такъ тяготились ближайшіе его помощники. Между послѣдними уже мало оставалось лицъ, считавшихъ своимъ долгомъ, въ виду пользы службы, переносить и неудобства съ терпѣніемъ. Для наступившаго поколенія это правило начало терять значеніе. Не далѣе какъ 15 лѣтъ назадъ, въ корпусѣ всѣмъ жилось хорошо. Люди истинно и безъ личныхъ расчетовъ посвятившіе себя воспитанію, служили и не роптали. Тѣмъ же, которые являлись въ корпусъ только для того, чтобы гдѣ-либо пристроиться, хотя временно, которые думали, вдали отъ центральнаго надзора, найти болѣе свободы, громче всѣхъ и кричали, что служба въ Новгородскомъ корпусѣ — ссылка и что необходимо куда нибудь перевести его. Когда же возникъ вопросъ о преобразованіи кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, то у директора явилось естественное стремленіе устроить заведеніе на иныхъ началахъ, на новомъ мѣстѣ, которое представляло бы болѣе удобствъ и выгодъ. Судя же безпристрастно, является вопросъ: если Новгородскій корпусъ,

въ составѣ 400 кадетъ, съ полнымъ составомъ преподавателей, даже при спеціальныхъ классахъ, могъ 36 лѣтъ находиться на томъ мѣстѣ гдѣ основанъ, то почему по преобразованіи въ гимназію, съ меньшимъ составомъ учащихся, онъ не могъ оставаться тамъ же, сохранивъ свое историческое названіе, хотя и военной гимназіи, но все-таки Новгородской?

Немедленно по полученіи приказанія о присканіи новаго мѣста для корпуса, генераль Кузьминъ сначала командировалъ добреннхъ лицъ въ Новгородъ и Старую-Руссу, а потомъ и самъ ѣздилъ туда.

Въ Новгородѣ были осмотры: 1) Пѣхотныя (гарнизонныя) казармы. 2) Бывшій штабъ гренадерскаго корпуса (въ 1862 году дивизионный штабъ) и 3) Губернскія присутственныя мѣста:

Казармы оказались совершенно неудобными для кадетскаго корпуса или военной гимназіи. Дивизионный штабъ, состоявшій изъ каменнаго двухъ-этажнаго дома, съ двумя такими же флигелями, хотя и найденъ возможнымъ для перемѣщенія корпуса, но достаточнымъ только для лазарета и квартиръ служащихъ; собственно для воспитанниковъ пришлось бы возводить совершенно новое зданіе, скупая сосѣдніе участки земли.

Болѣе всего подходящими для перевода корпуса оказались присутственныя мѣста. Генераль Кузьминъ въ своемъ донесеніи Главному управленію военно-учебныхъ заведеній, не только подробно описывалъ ихъ, но даже представилъ соображенія о стоимости ихъ приспособленія, для будущей военной гимназіи. Онъ писалъ: что присутственныя мѣста выотою комнатъ и внутреннимъ расположеніемъ представляютъ много удобствъ, но недостаточно вмѣстимы для 300 воспитанниковъ; что необходимо надстроить 3-й этажъ и кромѣ того: приспособить подвалы для помѣщенія служителей, построить баню и прачешную, присоединить къ корпусу или въ гимназіи три дома, принадлежащія соборному духовенству и наконецъ построить

ОТДѢЛЪ II.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ГРАФА АРАКЧЕЕВА

ВОЕННАЯ ГИМНАЗІЯ.